2024
Том 3, № 2
Vol 3, No. 2

ISSN 2782-618X (Print)
ISSN 2782-4373 (Online)

НООНОМИКА И НООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им. С.Ю. ВИТТЕ

Noonomy and Noosociety.
Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

НООНОМИКА И НООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 3, № 2 2024 Vol 3, No.2

Noonomy and Noosociety.
Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

Учредитель – Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте

Founder – S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID)

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций *(Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 22.11.2021 г. ПИ № ФС77–82239)*

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Mass Media Registration Certificate PI No. FS77–82239 of 22.11.2021)

Журнал является периодическим научным изданием, выходящим 4 раза в год

The journal is a periodical scientific publication published four times a year

Редакция журнала в обязательном порядке осуществляет экспертную оценку (рецензирование, научное и стилистическое редактирование) всех материалов, публикуемых в журнале

The editorial board without fail provides expert assessment (peer review, scientific and stylistic editing) to all content in the journal

Официальный сайт Журнала: noonomy-journal.ru

Official Journal website: noonomy-journal.ru

Свободная цена

Free pricing

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается с письменного разрешения редакции. Ссылка на журнал «Ноономика и нообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте» обязательна

Materials included in this publication may be reproduced in whole or in part with written permission from the publishers, in which case you are compelled to provide a citation referencing the *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID* journal

© ИНИР им. С.Ю. Витте, 2024

© S.Y. Witte INID, 2024

НООНОМИКА И НООБЩЕСТВО
АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ
Том 3, №2 2024 Vol 3, No.2
Noonomy and Noosociety.
Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БАХТИЗИН А. Р., д-р экон. наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Россия);

БРИГОС ХЕСУС ПАСТОР ГАРСИЯ, ведущий научный сотрудник Института Философии (Куба);

ГЛАЗЬЕВ С. Ю., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (Россия);

ГОРШКОВ М. К., д-р филос. наук, профессор, академик РАН, директор Института социологии РАН (Россия);

ГРИНБЕРГ Р. С., д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН, научный руководитель Института экономики РАН (Россия);

ГЭЛБРЕЙТ Дж. К., профессор государственного управления, заведующий подразделением государственных и бизнес-отношений, профессор Школы по связям с общественностью Линдона Б. Джонсона Техасского университета в Остине (США);

ДЕСАИ Р., профессор, директор Исследовательской группы проблем геополитэкономии Университета Манитобы (Канада);

ДЫНКИН А. А., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, член Президиума РАН, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Россия);

КВИНТ В. Л., д-р экон. наук, профессор, иностранный член РАН, заведующий кафедрой экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия – США);

КОЛГАНОВ А. И., д-р экон. наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института экономики РАН (Россия);

ЛЭЙН Д., профессор колледжа Эммануэля Университета Кембриджа (Великобритания);

ЛЕМЕЩЕНКО П. С., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой международной политической экономии Белорусского государственного университета (Беларусь);

МАКАРОВ В. Л., д-р физ.-мат. наук, академик РАН, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Россия);

МАКСИМЦЕВ И. А., д-р экон. наук, профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Россия);

ОКРЕПИЛОВ В. В., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Института проблем региональной экономики РАН (Россия);

ОНИШИ ХИРОШИ, профессор Университета Кэйо, вице-президент Всемирной политэкономической ассоциации (IIPPE) (Япония);

НООНОМИКА И НООБЩЕСТВО
АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ
Том 3, №2 2024 Vol 3, No.2
Noonomy and Noosociety.
Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

ПОРОХОВСКИЙ А. А., д-р экон. наук, профессор, научный руководитель кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН (Россия);

ПОРФИРЬЕВ Б. Н., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, член Президиума РАН, Руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия);

СИЛИН Я. П., д-р экон. наук, профессор, ректор Уральского государственного экономического университета (Россия);

СМИРНОВ А.В., д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Россия);

ТОЛКАЧЕВ С. А., д-р экон. наук, профессор, первый заместитель заведующего кафедрой макроэкономического прогнозирования и планирования Финансового университета при Правительстве РФ (Россия);

ТОЩЕНКО Ж. Т., д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института социологии РАН (Россия);

ФРИМАН А., визит-профессор Университета Лондон-Метрополитен (Великобритания);

ЧЕН ЭНЬФУ, президент Всемирной политэкономической ассоциации (WAPE), главный профессор Университета Китайской академии общественных наук, член Президиума Академического отделения Китайской академии общественных наук (КНР)

НООНОМИКА И НООБЩЕСТВО
АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ
Том 3, №2 2024 Vol 3, No.2
Noonomy and Noosociety.
Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

EDITORIAL COUNCIL

A.R. BAKHTIZIN, Doctor of Economics, Professor of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Central Institute of Economics and Mathematics of the RAS (Russia);

JESUS PASTOR GARCIA BRIGOS, lead researcher at the Institute of Philosophy (Cuba);

S.Yu. GLAZIEV, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Member of the Board (Minister) on Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission (Russia);

M.K. GORSHKOV, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia);

R.S. GRINBERG, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia);

J.K. GALBRAITH, Professor of Public Administration, Head of Government and Business Relations, Professor of Lyndon B. Johnson School of Public Affairs at the University of Texas, Austin (USA);

R. DESAI, Professor, Director of the Geopolitical Economy Research Group at the University of Manitoba (Canada);

A.A. DYNKIN, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, President of the E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Russia);

V.L. KVINT, Doctor of Economics, Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Economic and Financial Strategy at the Lomonosov Moscow State University School of Economics (Russia – USA);

A.I. KOLGANOV, Doctor of Economics, Professor, Head of the Laboratory for Comparative Studies of Socio-Economic Systems at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Chief Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia);

D. LANE, Professor, Emmanuel College, University of Cambridge (UK);

P.S. LEMESHCHENKO, Doctor of Economics, Professor, Head of the International Political Economy Department, Belarusian State University (Belarus);

V.L. MAKAROV, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Central Institute of Economics and Mathematics of Academician of the Russian Academy of Sciences (Russia);

I.A. MAKSIMTSEV, Doctor of Economics, Professor, Rector of St. Petersburg State University of Economics (Russia);

НООНОМИКА И НООБЩЕСТВО
АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ
Том 3, №2 2024 Vol 3, No.2
Noonomy and Noosociety.
Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

V.V. OKREPILOV, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Regional Economy Problems of the Russian Academy of Sciences (Russia);

HIROSHI ONISHI, Professor at Keio University, Vice-President of the World Political Economy Association (IIPPE) (Japan);

A.A. POROKHOVSKY, Doctor of Economics, Professor, Head of the Political Economy Department of the Faculty of Economics at Lomonosov Moscow State University, Chief Researcher at the Institute of the United States and Canada of the Russian Academy of Sciences (Russia);

B.N. PORFIRIEV, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Head of the Economics Section of the Social Sciences Department of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (Russia);

Ya.P. SILIN, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Ural State University of Economics (Russia);

A.V. SMIRNOV, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russia);

S.A. TOLKACHEV, Doctor of Economics, Professor, First Deputy Head of the Department of Macroeconomic Forecasting and Planning at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia);

Zh.T. TOSHCHENKO, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia);

A. FREEMAN, Visiting Professor, University of London-Metropolitan (UK);

ENFU CHENG, President of the World Political Economy Association (WAPE), Principal Professor at the University of the Chinese Academy of Social Sciences, Member of the Presidium of the Academic Division of the Chinese Academy of Social Sciences (PRC)

НООНОМИКА И НООБЩЕСТВО
АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ
Том 3, №2 2024 Vol 3, No.2
Noonomy and Noosociety.
Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

编辑顾问委员会

巴赫季津 A. R.: 经济学博士，俄罗斯科学院教授，俄罗斯科学院通讯院士，俄罗斯科学院中央经济与数学研究所所长。
布里戈斯·杰苏斯·帕斯托尔·加西亚: 哲学研究所主任研究员（古巴）。
格拉斯耶夫 S. Yu.: 经济学博士，教授，俄罗斯科学院院士，欧亚经济委员会一体化和宏观经济委员会成员（部长）（俄罗斯）。
戈尔什科夫 M. K.: 哲学博士，教授，俄罗斯科学院院士，俄罗斯科学院社会学研究所主任（俄罗斯）。
格林别尔克 R. S.:经济学博士，教授，俄罗斯科学院通讯院士，俄罗斯科学院经济研究所学生导师（俄罗斯）。
伽尔布莱特 J. C.: 德克萨斯大学奥斯汀分校林登-约翰逊公共关系学院行政管理教授，行政和商业事务部负责人（美国）。
德赛 R.: 教授，马尼托巴大学地缘政治经济研究部主任（加拿大）。
德恩金 A. A.: 经济学博士，教授，俄罗斯科学院院士，俄罗斯科学院主席团成员，俄罗斯科学院世界经济和国际关系国家研究所所长（俄罗斯）。
克文特 V. L.: 经济学博士，教授，俄罗斯科学院外籍院士，莫斯科大学经济学院经济和金融战略教研室主任（俄罗斯、美国）。
科尔卡诺夫 A. I.:经济学博士，教授，莫斯科大学经济系社会经济系统比较研究实验室主任，俄罗斯科学院经济研究所首席研究员。
莱茵 D.: 剑桥大学伊曼纽尔学院教授，（英国）。
列梅辛科 P. S.: 经济学博士，教授，白俄罗斯国立大学国际政治经济系主任（白俄罗斯）。
马卡罗夫 V. L.: 物理数学博士，俄罗斯科学院院士，俄罗斯科学院中央经济和数学研究所学生导师（俄罗斯）。
马克西姆采夫 I. A.: 经济学博士，教授，圣彼得堡国立经济大学校长（俄罗斯）。
奥克列比洛夫 V. V.: 经济学博士，教授，俄罗斯科学院院士，俄罗斯科学院区域经济问题研究所学生导师（俄罗斯）。
大西広: 庆应大学教授，世界政治经济学协会（IIPPE）副主席（日本）。
波罗霍夫斯基 A. A.: 经济学博士、教授，莫斯科大学经济系政治经济学教研室导师、俄罗斯科学院美国和加拿大研究所首席研究员（俄罗斯）。
波尔菲里列夫 B. N.: 经济学博士，教授，俄罗斯科学院院士，俄罗斯科学院主席团成员，俄罗斯科学院社会科学部经济处处长，俄罗斯科学院经济预测研究所学生导师（俄罗斯）。
希林 Ya. P.: 经济学博士，教授，乌拉尔国立经济大学校长（俄罗斯）。
斯米尔诺夫 A. V.: 哲学博士，教授，俄罗斯科学院院士。
托尔卡切夫 S. A.: 经济学博士，教授，俄罗斯联邦政府金融大学宏观经济预测和规划教研室第一副主任（俄罗斯）。
托先科 Zh.T.: 经济科学博士，教授，俄罗斯科学院通讯院士，俄罗斯科学院社会学研究所首席研究员（俄罗斯）。
弗里曼 A.: 伦敦大学都市分校客座教授（英国）。
程恩富: 世界政治经济学会(WAPE)会长，中国社会科学院大学首席教授，中国社会科学院学部主席团成员（中国）。

НООНОМИКА И НООБЩЕСТВО
АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ
Том 3, №2 2024 Vol 3, No.2
Noonomy and Noosociety.
Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОДРУНОВ С.Д., главный редактор, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов;

ВОЕЙКОВ М.И., д-р экон. наук, профессор, заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН;

ГОРОДЕЦКИЙ А.Е., д-р экон. наук, профессор, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики РАН;

ДОРОФЕЕВА Л.В., канд. экон. наук, старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН;

ЗОЛОТАРЕВ А.А., канд. экон. наук, исполнительный директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте;

НОВИКОВА И.В., д-р экон. наук, доцент, профессор кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова;

ПЛОТНИКОВ В.А., д-р экон. наук, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета;

ПЬЯНКОВА С.Г., д-р экон. наук, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета;

СМАГИНА В.В., д-р экон. наук, профессор, проректор – главный ученый секретарь Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина;

ТКАЧЕНКО Е.А., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета;

ХАБИБУЛЛИНА З.Р., заместитель главного редактора, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте;

ЧЭНЬ ХУН, заместитель директора, научный руководитель, профессор Института марксизма Хайнаньского педагогического университета (КНР);

ЯКОВЛЕВА Н.Г., д-р экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра экономической теории социального сектора Института экономики РАН.

НООНОМИКА И НООБЩЕСТВО
АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ
Том 3, №2 2024 Vol 3, No.2
Noonomy and Noosociety.
Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

EDITORIAL BOARD

S.D. BODRUNOV, Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development, President of the Free Economic Society of Russia, President of the International Union of Economists;

M.I. VOEYKOV, Doctor of Economics, Professor, Head of the Political Economy Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences;

A.E. GORODETSKY, Doctor of Economics, Professor, Head of the research area of "Institutes of modern economy and innovative development", Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences;

L.V. DOROFEEVA, Candidate of Economic Sciences, Senior research scientist Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences;

A.A. ZOLOTAREV, Candidate of Economic Sciences, Executive Director of the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development;

I.V. NOVIKOVA, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economic and Financial Strategy at the Lomonosov Moscow State University School of Economics;

V.A. PLOTNIKOV, Doctor of Economics, Professor of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics;

S.G. PYANKOVA, Doctor of Economics, Professor of the Department of Regional, Municipal Economics and Management at the Ural State University of Economics;

V.V. SMAGINA, Doctor of Economics, Professor, Vice-Rector – Chief Scientific Secretary of Derzhavin Tambov State University;

E.A. TKACHENKO, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Management of Enterprises and Production Complexes at St. Petersburg State University of Economics;

Z.R. KHABIBULLINA, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher at the S. Y. Witte Institute for New Industrial Development;

CHEN HONG, Deputy Director, Academic Director, Professor, Institute of Marxism, Hainan Normal University;

N.G. YAKOVLEVA, Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher at the Centre for Social Sector Economic Theory at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.

НООНОМИКА И НООБЩЕСТВО
АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ
Том 3, №2 2024 Vol 3, No.2
Noonomy and Noosociety.
Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

学刊编辑委员会成员

博德鲁诺夫 S. D.：主编，经济学博士，教授，俄罗斯科学院通讯院士，新兴工业发展研究所所长，俄罗斯自由经济协会会长，国际经济学家联盟主席。

沃耶伊科夫 M. I.：经济学博士，教授，俄罗斯科学院经济研究所政治经济部主任。

戈罗杰茨基 A. E.：经济学博士，教授，俄罗斯科学院经济研究所现代经济和创新发展制度学科主任。

达罗费耶娃 L. V.：多罗费耶娃 L. V.，经济学副博士，俄罗斯科学院区域经济研究所高级研究员。

佐洛塔列夫 A. A.：经济学副博士，新兴工业发展研究所副所长。

诺维科娃 I. V.：经济学博士，副教授职称，莫斯科大学经济学院经济和金融战略教研室教授。

波洛特尼科夫 V. A.：副主编，经济学博士，圣彼得堡国立经济大学一般经济理论和经济思想史教研室教授。

波杨科娃 S. G.：经济学博士，俄罗斯自然科学院院士，乌拉尔国立经济大学区域、城市经济和管理教研室教授。

斯马金娜 V. V.：经济学博士，教授，坦波夫国立大学副校长、首席科学秘书。

特卡钦科 E. A.：经济学博士，教授，圣彼得堡国立经济大学企业和生产综合体经济与管理系教授。

哈比布里娜 Z. R.：经济学副博士，新工业发展研究所主任研究员。

陈红：海南师范大学（中国）马克思主义学院副院长、学生导师、教授。

雅科弗列娃 N. G.：经济学博士，副教授，俄罗斯科学院经济研究所社会部门经济理论中心主任研究员.

НООНОМИКА И НООБЩЕСТВО
АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ
Том 3, №2 2024 Vol 3, No.2
Noonomy and Noosociety.
Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

СОДЕРЖАНИЕ

НООНОМИКА, МОДЕРНИЗАЦИЯ И НЕОЛИБЕРАЛИЗМ

Бодрунов С.Д.
Движение к ноономике и неолиберальный барьер на пути технологической модернизации 13
Окрепилов В.В.
О роли экономики качества в выполнении задач, предусмотренных национальными целями развития России до 2030 года, на примере Санкт-Петербурга 25
Бахтизин А.А.
Контуры новой мировой экономической системы и перспективы России 40
Шрикант Кондапалли
Индийско-китайские экономические направления – на пути к четвертой промышленной революции 51
Матсас-Саввас М.
После неолиберализма и его провала: ноономика как возможность 70
Аннамария Артнер
Каким образом произойдет падение империализма и что последует за ним? Геополитические предпосылки ноономики 79

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Чен Эньфу
Об эффективном взаимодействии Китая и России в рамках инициативы «Один пояс – один путь» и стратегии евразийского экономического союза 95

НООНОМИКА

Пьянкова С.Г., Заколюкина Е.С.
Шеринговая экономика в рамках движения к ноономике 106

НООНОМИКА: КОНФЕРЕНЦИИ

VIII Международный политэкономический конгресс имени А.В. Бузгалина 123
XI Европейско-Азиатский симпозиум по экономической теории 124
37-я сессия «Ноономика, модернизация и неолиберализм» международного теоретического семинара ИНИР им. С.Ю. Витте 126
XVII Форум Всемирной ассоциации политической экономии (WAPE) 129

Ноономика: образование 130

РЕЦЕНЗИИ

Бодрунов С.Д.
Рецензия на пособие С.Г. Пьянковой «Базовые положения теории ноономики» 131

Библиотека ноономики 133

НООНОМИКА И НООБЩЕСТВО
АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ
Том 3, №2 2024 Vol 3, No.2
Noonomy and Noosociety.
Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

CONTENTS

NOONOMY, MODERNIZATION AND NEOLIBERALISM

S.D. Bodrunov
The Movement Towards Noonomy and the Neoliberal Barrier to Technological Modernization 13

V.V. Okrepilov
On the Role of the Economics of Quality in Fulfilling the Tasks Set by the National Development Goals of Russia for the Period Up to 2030: the Case of Saint Petersburg 25

A.A. Bakhtizin
Contours of a New World Economic System and Prospects for Russia. 40

Srikanth Kondapalli
India-China Economic Directions: On the Path Towards the Fourth Industrial Revolution 51

Savvas M. Matsas
Beyond Neoliberalism and its Failure: Noonomy as Possibility 70

Annamaria Artner
How Will Imperialism Fall and What Will Follow? Geopolitical Prerequisites for Noonomy. 79

SOCIAL TRANSFORMATION

Enfu Cheng
Regarding Efficient Coordination between China and Russia as Part of *The Belt and Road* Initiative and the Strategy of the Eurasian Economic Union 95

NOONOMY

S.G. Pyankova, E.S. Zakolyukina
The Sharing Economy as Part of the Movement Towards Noonomy 106

NOONOMY: CONFERENCES

8th A.V. Buzgalin International Political Economy Congress. 123
11th Europe-Asia Symposium on Economic Theory 124
37th Session of the International Theoretical Seminar of the S.Y. Witte INID *Noonomy, Modernization, Neoliberalism* 126
17th World Association for Political Economy (WAPE) Forum 129

Noonomy: Education. 130

REVIEWS

S.D. Bodrunov
Review of the Study Guide *Basic Provisions of the Noonomy Theory* by S.G. Pyankova 131

Library of Noonomy 133

НООНОМИКА И НООБЩЕСТВО
АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ
Том 3, №2 2024 Vol 3, No.2
Noonomy and Noosociety.
Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

目录

智慧经济、现代化和新自由主义

博德鲁诺夫 S. D.
走向智慧经济及技术现代化道路上的新自由主义障碍 13
奥克列彼洛夫 V. V.
以圣彼得堡为例探讨质量经济在完成俄罗斯 2030 年前国家发展目标所规定任务中的作用 25
巴赫季津 A. A. 40
新世界经济体系的概貌与俄罗斯的未来 . . . . . .
斯里坎特·孔达帕利 51
印中经济走向与迈向第四次工业革命 . . . . . .
马萨斯-萨瓦斯 M. 70
新自由主义失败及之后，其智慧经济出路 . . . . . .
安娜玛丽亚·阿尔特涅尔 79
帝国主义的衰落及其后的社会制度与智慧经济的地缘政治前提 . . . . . .

社会转型

程恩富
论中俄在“一带一路”倡议和欧亚经济联盟战略架构下的成功合作 95

智慧经济

波扬科娃 S. G.、扎科留金娜 E. S.
向智慧经济过度过程中的共享经济 106

智慧经济及学术大会

第八届布兹加林国际政治经济学的大会 123
第十一届欧亚经济理论研讨会 124
第三十七届维捷新兴工业发展研究所国际理论研讨会第 37 次会议“智慧经济、现代化和新自由主义” 126
世界政治经济学学会（WAPE）第十七届论坛 129

智慧经济及教育 130

书评

博德鲁诺夫 S. D.
对波扬科娃 S. G. 所著教学参考书《智慧经济学基本原理》的评论 131

智慧经济学书库 133

DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-13-24

С.Д. Бодрунов
Институт нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте (Санкт-Петербург, Россия)

ДВИЖЕНИЕ К НООНОМИКЕ И НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ БАРЬЕР НА ПУТИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ[1]

Аннотация: в статье ставятся принципиальные вопросы, связанные с нарастанием кризисных явлений в экономической, социальной и экологической сферах, что характерно для всей современной человеческой цивилизации. Общественная система, ориентированная на критерии экономической рациональности, с одной стороны, обеспечивает значительный технологический прогресс, но, с другой, не может справиться с негативными последствиями этого прогресса, с использованием новейших технологий вопреки интересам человеческого развития. Господствующая в настоящее время неолиберальная экономика подчиняет производство критериям экономической выгоды, и в погоне за ростом прибыли и расширением рынков сбыта приводит к бездумному наращиванию объемов производства и поглощению невосполнимых природных ресурсов. Более того, она развивает самые изощренные методы манипулирования потребителем, опираясь на новейшие технологии, и навязывает потребителю симулятивные потребности, расходуя ресурсы Земли на предоставление потребителю иллюзорных благ, якобы удовлетворяющих эти потребности. На этом фоне нарастают социальные противоречия и мирохозяйственные конфликты, создавая угрозу применения оружия массового поражения. В то же время современные знаниеинтенсивные технологии создают возможность преодоления этих проблем. Они обеспечивают удовлетворение потребностей человека с уменьшающимися затратами материальных ресурсов. Высокий уровень знаниеинтенсивности производства создает расширенную потребность в творческом труде, в формировании «человека культурного», превращая потребительские блага из цели производства лишь в средство обеспечения условий для развития творческих способностей человека. Однако последовательная реализация этих возможностей требует отказа от неолиберальной парадигмы экономического роста. Переход на иные, неэкономические критерии развития, и, в конечном счете, переход к ноономике – неэкономическому способу обеспечения человеческих потребностей, требует последовательно, поэтапно осуществляемой стратегии развития. Для нашей страны первыми этапами реализации этой стратегии могут стать достижение технологического суверенитета, опирающегося на реиндустриализацию экономики на основе новейших технологий. Средствами реализации этого этапа выступает активная промышленная политика и использование методов планового регулирования рыночного хозяйства.

Ключевые слова: технологический прогресс, технологические риски, экологический кризис, ноономика, знаниеинтенсивное производство, реиндустриализация.

[1] Статья подготовлена по материалам пленарного доклада на 37-й сессии Международного теоретического семинара Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте «Ноономика, модернизация и неолиберализм» (2-3 августа 2024 г., г. Афины, Греция)

Для цитирования: Бодрунов С.Д. (2024). Движение к ноономике и неолиберальный барьер на пути технологической модернизации // Ноономика и нообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 3, № 2. С. 13–24. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-13-24

Sergey D. Bodrunov
S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (Saint Petersburg, Russia)

THE MOVEMENT TOWARDS NOONOMY AND THE NEOLIBERAL BARRIER TO TECHNOLOGICAL MODERNIZATION

Abstract: The author raises fundamental questions related to the escalation of crisis phenomena in the economic, social and environmental spheres, which is the case for the entire modern human civilization. A social system based on the criteria of economic rationality, on the one hand, provides significant technological progress, but, on the other, fails to deal with the negative consequences of said progress using the latest technologies contrary to the interests of human development. The currently dominant neoliberal economy subjects production to the criterion of economic benefit, and in pursuit of profit growth and expansion of sales markets it leads to a mindless increase in production volumes and the exploitation of irreplaceable natural resources. Moreover, relying on the latest technologies, it develops the most sophisticated methods of manipulating and imposing simulated needs on the consumer, wasting the Earth's resources to provide the consumer with illusory benefits that supposedly would satisfy these needs. With such a background, social contradictions and global economic conflicts are growing, escalating the threat of the use of mass destruction weapons. At the same time, modern knowledge-intensive technologies create an opportunity to overcome these issues. They ensure the satisfaction of human needs with decreasing costs of material resources. A high level of production knowledge-intensivity suggests an extended need for creative work, while forming a "cultural man", turning consumer goods from the purpose of production only into means of providing conditions for the development of human creative abilities. However, the consistent implementation of these options requires abandoning the neoliberal paradigm of economic growth. The transition to other non-economic criteria of development, and, ultimately, the transition to noonomy – a non-economic way of ensuring human needs – requires a consistent, step-by-step development strategy. For our country the first stages of implementation of this strategy may be reflected in the achievement of technological sovereignty based on the reindustrialization of the economy based on the latest technologies. The means to achieving this stage are an active industrial policy and the use of methods of planned regulation of the market economy.
Keywords: technological progress, technological risks, environmental crisis, noonomy, knowledge-intensive production, reindustrialization.

For citation: Bodrunov S. D. (2024). The Movement Towards Noonomy and the Neoliberal Barrier to Technological Modernization. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, Vol. 3, No. 2, pp. 13–24. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-13-24

博德鲁诺夫 S. D.
维捷新兴工业发展研究所 (俄罗斯，圣彼得堡)

走向智慧经济及技术现代化道路上的新自由主义障碍

摘要：文章提出了有关经济、社会和环境领域不断加剧的危机现象的重要问题，这种现象对整个现代人类文明来讲具有典型性。一方面，以经济合理性为目标的社会制度带来了巨大的技术进步，但另一方面，这种社会制度无法应对技术进步带来的负面作用及最新技术的使用与人类发展利益相背离的问题。当前占主导地位的新自由主义经济使生产服务于经济利益，为的是追求利润增长和销售市场扩大，这导致不计后果地扩大生产和消耗不可再生的自然资源。此外，在新自由主义经济下有些人还依靠最新技术研究出操纵消费者的各种精妙方法，以将虚假需求强加给消费者，并消耗地球资源为消费者提供满足这些虚假需求的空洞产品。在此背景下，社会矛盾和世界经济冲突日益加剧，带来了使用大规模毁灭性武器的威胁。与此同时，现代知识密集型技术为克服这些问题创造了机会。这些技术在满足人类需求的同时减少了物质资源的消耗。高水平的知识密集型生产扩大了对创造性劳动的需求，促进了 “文化人 ”的形成，将生产目的从生产消费产品转变成为人类创造力的发展提供条件。然而，要长期坚持这样的目的，就必须摒弃新自由主义的经济增长模式。过渡到其他非经济发展性标准并最终过渡到智慧经济 —— 一种满足人类需求的非经济方式，需要一个连贯的循序渐进的发展战略。对俄罗斯而言，实施这一战略的第一阶段可以是取得技术主权，依靠采用最新技术实现经济再工业化。实现这一阶段的手段是实施积极的工业政策和对市场经济进行计划调节。
关键词：技术进步、技术风险、环境危机、智慧经济学、知识密集型生产、再工业化。

引用注释：博德鲁诺夫 S. D. (2024) 走向智慧经济及技术现代化道路上的新自由主义障碍//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 3, No. 2, pp. 13–24. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-13-24

Введение

Современная цивилизация входит в кризисное состояние. Признаки кризиса нарастали постепенно, и общественное сознание адаптировалось к новым реалиям, а чувство тревоги за судьбу цивилизации притуплялось. Однако с каждым шагом технологического прогресса нарастало убеждение, что новые производительные силы, вызванные к жизни современной экономической системой, создают не столько новые возможности, сколько новые угрозы и вызовы. К примеру, производство многих видов новейшей продукции, в т.ч. призванной служить «зеленой экономике», оборачивается поглощением дополнительных ресурсов и появлением новых видов загрязнения окружающей среды. Использование возобновляемых источников энергии, например, солнечной энергии при помощи фотоэлементов, снижая уровень «карбонового следа», создает риски загрязнения природной среды отработанными компонентами этих систем, содержащими немало вредных веществ [Mahar, 2021].

Немало скрытых экологических издержек связано и с использованием других возобновляемых источников энергии (гидроэнергия, биотопливо, ветровая энергия и т.д.). Так, эксплуатация ветроэлектростанций приводит к гибели птиц и создает проблему утилизации выводимых из эксплуатации агрегатов [Матвеев, 2014]. То же самое касается перехода от автомобилей с двигателями внутреннего сгорания, сжигающих органическое топливо, к электромобилям. Производство электроэнергии для последних пока не обходится

без сжигания органического топлива, а литиевые аккумуляторы являются потенциальным источником опасного загрязнения окружающей среды. При производстве таких цифровых активов, как биткойн, при помощи майнинга поглощается огромное количество электроэнергии, в 2024 году сравнявшееся с потреблением Польши и в 2,4 раза превысившее потребление Чехии[1].

Цифровая экономика и возможности сбора и обработки больших данных оборачиваются манипулированием потребительским и политическим поведением. Прикладные и теоретические исследования, практические руководства по манипулированию поведения потребителей, направленные на «управление спросом» (фактически – на навязывание симулятивных потребностей), множатся как снежный ком [Дымшиц, 2004; Свиридова, Шендо, 2018; Татаринов, Зверев, 2020].

Более того, подобным вещам уже учат студентов в университетах[2]! Так, в филиале Высшей школы экономики в Перми читается факультатив «Манипуляция потребителем информации: реклама, пропаганда, социальные мифы»[3]. Избирательные кампании не обходятся без обработки больших массивов данных, анализирующих предпочтения электората, чтобы, воздействуя на эти предпочтения, вынудить к голосованию за того или иного кандидата.

Впечатляющий прогресс биотехнологий открывает возможности вмешательства в природу человека, а это чревато утратой идентичности. Например, эксперименты с использованием вживляемых микрочипов порождают риски создания новых инструментов прямого воздействия не только на поведение индивида, но и на физиологические параметры его организма. Растут потенциальные угрозы, связанные с экспериментами по редактированию человеческого генома. И, несмотря на запреты, никто не может поручиться за их надежность.

Продолжают свою разрушительную работу факторы, сформировавшиеся на предыдущих витках технологического прогресса: уничтожение естественных лесов, сокращение биоразнообразия, многочисленные виды загрязнения окружающей среды (химического, механического, электромагнитного и пр.) и, наконец, угроза использования оружия массового поражения.

Проблема сокращения площади естественных лесов является, пожалуй, самым показательным примером. Леса сводятся ради заготовки древесины, в т.ч. и на топливо; ради посадки коммерческих плантаций (например, посадок гевеи в Юго-Восточной Азии); ради расчистки площади под пашню и т.д. В результате с 1990 по 2020 год площадь лесов сократилась на 178 млн га [FAO, 2020, p. 16]. При этом темпы обезлесивания планеты из десятилетия в десятилетие только нарастают [Estoque et al. 2022, p. 5].

Если проблемы сокращения т.н. «углеродного следа» (или декарбонизации) привлекают пристальное внимание мирового сообщества, что выражается в значительной государственной поддержке развития возобновляемых источников энергии, то другим аспектам

[1] Bitcoin Energy Consumption Index. // Digiconomist. URL: https://digiconomist.net/bitcoin-energy-consumption

[2] Вот что написано в аннотации к одному из руководств по манипулированию: «В первую очередь учебное пособие рассчитано на студентов направления подготовки 42.03.01 «Реклама и связи с общественностью» и может использоваться в ходе преподавания таких дисциплин, как «Теория и практика рекламы», «Поведение потребителей», «Рекламно-коммуникационный практикум» (см.: Писаревская Н.С. Манипулятивные технологии в коммерческой рекламе. М.: Знание-М, 2023. 135 с.).

[3] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Учебные курсы. URL: https://www.hse.ru/edu/courses/795420282

нарушения экологического равновесия аналогичного внимания не достается. Между тем сокращение площади лесов или подрыв естественного плодородия почвы представляют для человечества отнюдь не меньшую, а, пожалуй, гораздо более серьезную витальную угрозу, нежели выбросы CO_2, степень влияния которых на глобальное потепление остается сомнительной.

Так, например, эрозия почв и падение их плодородия после Второй мировой войны привели к деградации примерно трети имевшихся пахотных земель. Принимаемые меры по восстановлению плодородия почвы пока не дают достаточного эффекта, и в результате деградация почв в мире оказывается больше, чем их восстановление, на 23 млрд. тонн в год [Монтгомери, 2015, с. XVI].

Основные результаты и обсуждение

Проблема в том, что современная социально-экономическая система, особенно в ее неолиберальном варианте, усугубляет эти угрозы. Органически присущая этой модели коммерциализация всех аспектов общественной жизни, превращение их в инструменты извлечения прибыли неизбежно заставляет пренебрегать любыми рисками, если только они не влияют на финансовые результаты. Негативные следствия подобного развития предвидел К. Маркс.

Однако мейнстрим современной экономической теории Запада фактически благословляет эту тенденцию. Любые человеческие качества, любые социальные явления препарируются исходя из экономической выгоды. Уровень образования, состояние здоровья, наработанные навыки и нарративы поведения рассматриваются как «человеческий капитал», призванный приносить добавочный доход транснациональным корпорациям. Искажается целеполагание человеческой жизни и человеческих потребностей – в погоне за расширением рынка сбыта людям навязывают фальшивые, симулятивные потребности; расширяется производство товаров-симулякров, на которые тратятся невосполнимые ресурсы.

Рынок всегда был готов удовлетворять любые потребности, обеспеченные платежеспособным спросом. Но современная неолиберальная экономика идет гораздо дальше. Она научилась играть на человеческих чувствах и эмоциях, сбывая произведенные товары и одновременно стимулируя свою способность удовлетворять эти иллюзии. Производство товаров-симулякров поставлено на поток и становится основной задачей такой экономики. Такая ситуация представляет собой естественную эволюцию производства, основанного на критериях экономической «рациональности». Эти критерии ориентируют производство на наращивание выпуска любых товаров и услуг, способных обеспечить высокую прибыль. С этой точки зрения можно обеспечить широчайший рынок сбыта для таких товаров, которые ориентированы на удовлетворение иллюзорных, фальшивых потребностей. Если такие симулятивные потребности удается навязать покупателю, то для их удовлетворения достаточно наделить производимые товары добавочными иллюзорными качествами, и такие товары-симулякры будут успешно продаваться, принося доход производителям. Если ранее погоня за символическим, престижным потреблением была уделом элитных слоев населения, и предлагаемые для этого сегмента покупателей товары действительно отличались высоким качеством (хотя и имели надбавку к цене за престижность), то теперь ситуация изменилась. Капитал стремится манипулировать всей массой потребителей, стремясь

вызвать у них симулятивные потребности – и с успехом симулировать их удовлетворение [Baudrillard. 1972; 1981; Jameson, 1991; Бузгалин, Колганов, 2012].

Особенно ярко это проявляется в социальных сетях, где множество блогеров стремится превратиться в «лидеров общественного мнения», чтобы начать широко торговать иллюзиями успеха, зарабатывая на этом подчас многомиллиардные барыши. Причем сами эти блогеры представляют собой симулякры успеха, обычно не имея за душой ничего, кроме внешних символов преуспеяния [Давыдов, 2021, с. 87-88].

Аналогично и в мире обычных товаров – им приписываются фантастические потребительские свойства, покупателя убеждают выкладывать за них цену, не оправданную ни издержками производства, ни полезностью, они существуют как симулякр, созданный путем манипулирования потребителем. А вот сколько невосполнимых ресурсов будет потрачено на раздувание потребления, выдержит ли Земля такую бездумную (точнее – безумную) погоню за потребительскими миражами?.. Это – лишь одна характерная особенность нынешней неолиберальной модели. Есть и многие другие.

Даже с точки зрения собственных узкоэкономических критериев неолиберальная система сталкивается с проблемами замедления экономического роста, падения инвестиционной активности, растущей волатильности рынков, ослабевания эффективности традиционных инструментов экономического регулирования. Финансиализация экономики перевернула отношения реального и финансового секторов экономики: если раньше финансовый сектор обслуживал реальный капитал, то теперь реальный капитал подчиняется интересам финансового. При этом показатели финансового рынка не только характеризуются высокой волатильностью, но и далеко оторвались от ориентиров развития реального сектора, оказывая на него дестабилизирующее и дезориентирующее воздействие.

На этом фоне происходит углубление социального неравенства, нарастание противоречий между центром и периферией мирового хозяйства, что, в свою очередь, чревато обострением конфликтов, расшатывающих всю систему мировой экономики. Сложившийся ранее баланс сил в мировом хозяйстве изменился в силу замедления развития стран с неолиберальной экономической моделью. Однако прежде доминировавшие в мировой экономике силы, опиравшиеся на неолиберальную модель глобализации, пытаются сохранить свои позиции, не считаясь с интересами национальных экономик других стран. Невозможность решить эту задачу на основе экономического соревнования приводит к торговым войнам, технологической блокаде и т.п. Международная напряженность растет, и угроза масштабного военного столкновения может превратиться в реальность.

Между тем современный этап технологического прогресса не только влечет за собой новые риски, но и создает новые возможности для развития человеческой цивилизации. В наиболее развитых странах происходит переход от пятого к шестому технологическому укладу, характеризующемуся целым рядом новых свойств, отличающих его от предшествующих, что позволяет рассматривать данный переход как технологическую революцию 4.0. К таким новым свойствам относятся: широкое распространение принципа модульности в создании технологических устройств и агрегатов; переход от дистрактивных к аддитивным технологическим решениям; автоматизация и роботизация технологических процессов; ускорение темпа инноваций и ряд других.

Формирование нового, VI технологического уклада, а вместе с этим и нового интегрального мирохозяйственного уклада [Львов, Глазьев, 1986; Глазьев, 2016] или технологической

парадигмы, если пользоваться терминами Кристофера Фримена и Карлоты Перес [Perez 1983; Freeman, Perez, 1988], уже находит свои видимые проявления в реальных технологических сдвигах. Статистические данные наглядно демонстрируют быстрое расширение рынка 3D-принтирования и рост плотности роботизации (количество роботов на 10 тыс. занятых). В среднем по Азии этот показатель составляет 156 роботов, а в Южной Корее сейчас приходится 1 робот на каждые десять занятых в промышленности. В Европе показатели ниже азиатских – 129 роботов на 10 тыс. занятых, в США – 117, в мире в среднем – 141, а в России – 11 (четыре года перед этим было 6)[1].

Важно отметить, что отличительной чертой технологической революции 4.0 становится резкий скачок в применении *знаний*. Если говорить об экономической составляющей, то доля затрат материальных ресурсов относительно сокращается, а их место все более активно занимает **знание**, которое становится в новых условиях основным ресурсом общественного производства. Особенно высокий уровень знаниеемкости характерен для наиболее современного VI технологического уклада.

Именно высокая знаниеемкость ведущих технологий нового уклада (нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных технологий) определяет взрывное возрастание потенциала их взаимодействия, создавая т.н. НБИКС (NBICS) конвергенцию (Roco, Bainbridge, 2004; Spohrer, 2004, p.102), которая, в свою очередь, рождает качественно новую синергию возможностей технетических субъектов индустрии, усиливающих продвижение к генезису «малолюдного» производства. Появление технологий шестого уклада создает проблему взаимодействия технологий различного уровня, принадлежащих к различным укладам.

Возможно ли взаимопроникновение технологий, принадлежащих, например, к шестому укладу с технологиями 3 или 4 укладов, и образование технологических комплексов, где применяются эти технологии разного уровня? Такая возможность зависит от наличия у тех или иных технологий особых свойств, которые характеризуют, с одной стороны, готовность к восприятию новых технологических решений (рединесс, readyness), а с другой – способность встраиваться в те или иные технологии (потенциал пенетрации, penetration). Чем выше разница технологических уровней, тем ниже потенциал взаимодействия рединесс и пенетрации, а чем выше уровень знаниеемкости этих технологий, тем потенциал рединесс-пенетрации выше (Бодрунов, 2018, с. 153-162).

Научно-технологическое развитие приводит к тому, что непосредственные манипуляции с сырьем и материалами выполняются автономными технетическими существами, а человеку во все большей степени остаются функции целеполагания и контроля. Это – интеллектуальные, творческие «немашинизируемые» функции (термин профессора Алана Фримана) [Фриман, 2016] делают человека не просто носителем рабочей силы, но субъектом качественно новых общественных и экономических отношений.

Таким образом, новое качество материального производства создает предпосылки перехода к новой стадии развития общества. Мы назвали его Новым индустриальным обществом второго поколения (НИО.2) [Бодрунов, 2016], по аналогии с «Новым индустриальным обществом» американского экономиста Дж.К. Гэлбрейта, который в середине прошлого

[1] Робототехника (рынок России). // TAdviser. 2024/03/21 URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A0%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0_(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8) (дата обращения: 28.05.2024)

века дал такое определение современной ему социальной системе, показав формирование на базе индустриального развития т.н. «техноструктуры» общества, оказывающей прямое влияние на изменение типа общественного устройства.

Объективные процессы развития знаниеинтенсивного производства в НИО.2 будут все более высвобождать время человека для саморазвития, образования, творчества. Более того, в самой сокращающейся трудовой деятельности будет с неотвратимой очевидностью возрастать творческая компонента. Это станет одним из важнейших факторов влияния на формирование соответствующих потребностей. Предпочтения человека будут смещаться от погони за объемами материальных благ и услуг к самореализации личности в процессе творческой деятельности. В результате постепенно отмирает индивидуальная конкуренция за ресурсы, а экономические критерии хозяйственной деятельности отходят на второй план.

Выводы

В перспективе, по мере накопления изменений не только в технологической, но в экономической и социальной сферах, НИО.2 неизбежно приведет к *трансформации нынешней экономической парадигмы развития в ноономику* – неэкономический способ производства и удовлетворения человеческих потребностей. Этот процесс перехода, обозначенный в философии как *переход в социальном устройстве общества от количественных изменений к качественным*, назван нами *ноопереходом*.

Таким образом, человеческая цивилизация стоит перед опасной развилкой. Либо мы пойдем по пути, грозящему нарастанием цивилизационного кризиса, реализацией рисков, связанных с новейшими технологиями, обострением социальных конфликтов и социальной деградацией. Либо мы найдем возможность опереться на потенциал, заключенный в современном знаниеемком производстве, для выхода на другую траекторию гуманитарного развития.

К сожалению, господствующая в развитых странах неолиберальная парадигма экономического поведения и экономической политики не только не способствует выходу из цивилизационного кризиса, но ведет к его углублению. В то же время кризис концепции неолиберализма очевиден уже для многих, и в целом ряде стран мира отошли (или отходят) от неолиберальных догм. Начался этот процесс и в России, хотя идет еще не столь последовательно.

Уверенный выбор пути на сформировавшейся цивилизационной развилке требует решения серьезных задач. Если мы хотим избежать движения в цивилизационный тупик, надо иметь верные ориентиры развития человеческого общества, рассматривая эти ориентиры не просто как научный прогноз. Реальные тенденции развития, которые указывают на переход от экономики к ноономике, должны превратиться в опорные линии стратегии развития, рассчитанной на длительную историческую перспективу. Чтобы реализовать эту стратегию, нужно представлять какие трансформационные процессы должны быть поддержаны и обеспечены, какие тенденции должны быть подкреплены соответствующими социально-экономическими решениями.

Для движения по траектории обозначенной в теории ноономики не обязательно разделять все идеи, составляющие ее содержание. Важно разделять ее целевые установки и общую идейную платформу. Важно задуматься над нашим общим будущим и начать дей-

ствовать, чтобы приближать его позитивное наполнение, шаг за шагом, сворачивая с пути, ведущего нас к углублению цивилизационного кризиса. Самые срочные из этих шагов, которые важны для движения достижения указанных целей – расширение глобального пространства индустриализации на новейшей технологической базе, повсеместно, особенно в развивающихся регионах мира кратное увеличение инвестиций в НИОКР и образование, обеспечение теснейшей интеграции производства, образования и науки, формирование национальных и глобальных стратегий, позволяющих реализовать необходимые решения. А далее – нарабатывать уже долгосрочную стратегию развития на основе принципов, предлагаемых современными гуманистическими учениями, включая теорию ноономики.

В этой связи стоит упомянуть, что в ряде стран ведутся широкие исследования в данном направлении, публикуются различные материалы. В частности, в 2025 г. в Италии под эгидой институтов ООН начинается издание под редакцией Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте Всемирной серии монографий крупнейших ученых современности, предлагающих альтернативный неолиберальному взгляд на развитие мировой экономики и трансформацию цивилизации.

Список источников

Бодрунов С.Д. (2016). Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. 328 с.

Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика. М.: Культурная революция. 432 с.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2012a). Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономии // Философия хозяйства. №2 (80). С. 153-165.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2012b). Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономии // Философия хозяйства. №3 (81). С. 181-192.

Глазьев С.Ю. (2016). Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. Т. 52. №2. С. 3-29.

Давыдов Д.А. (2021). Ценностные основания посткапитализма: от «модуса обладания» к индивидуализму самореализующихся личностей // Социологические исследования. №12. С. 78-90.

Дымшиц М.Н. (2004). Манипулирование покупателем. М.: Омега-Л. 252 с.

Львов Д.С., Глазьев С.Ю. (1986). Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. №5. С. 793-804.

Матвеев И.Е. (2014). Экологическая оценка использования ВИЭ // Energy Fresh. №1 (7). URL: http://www.energy-fresh.ru/analitics/?id=6054

Монтгомери Д.Р. (2015). Почва: Эрозия цивилизаций. Анкара: Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. Субрегиональное отделение по Центральной Азии.

Писаревская Н.С. (2023). Манипулятивные технологии в коммерческой рекламе. М.: Знание-М. 135 с.

Свиридова Е.В., Шендо М.В. (2018). Маркетинговые инструменты манипуляции потребительским сознанием // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. №3. С. 110-118. https://doi.org/10.24143/2073-5537-2018-3-110-118

Татаринов К.А, Зверев А.Ф. (2020). Психологические инструменты манипуляции поведением потребителя // Азимут научных исследований: педагогика и психология. Т. 9. №3(32) С. 108-111. DOI: 10.26140/anip-2020-0903-0022

Фриман А. (2016). Сумерки машинократического подхода: незаменимый труд и будущее производства // Вопросы политической экономии. № 4. С. 37-60.

Baudrillard J. (1972). Pour une critique di l'economie politique du signe. Paris, France: Editions Gallimard.

Baudrillard J. (1981). Simulacres et Simulation. Paris, France: Editions Galilee.

Estoque R. C., Dasgupta R., Winkler K, Avitabile V., Johnson B.A., Myint S.W., Gao Yan., Ooba M., Murayama Y., Lasco R.D. (2022). Spatiotemporal pattern of global forest change over the past 60 years and the forest transition theory. // Environ. Res. Lett. 17 084022. DOI 10.1088/1748-9326/ac7df5 https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1748-9326/ac7df5/pdf

Freeman Ch., Perez C. (1988). Structural Crises of Adjustment, Business Cycles and Investment Behaviour // Technical Change and Economic Theory / Ed. by Dosi G., Freeman Ch., Nelson R., Silverberg G., Soete L. London: Pinter Publisher.

Jameson F. (1991). Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, NC, USA: Duke University Press.

Mahar G.N. (2021). Disadvantages of Renewable Energy: The Untold Story. // Paradigm Shift. Research Papers. March 19. URL: https://www.paradigmshift.com.pk/disadvantages-of-renewable-energy-the-untold-story/

Perez C. (1983). Structural Change and Assimilation of New Technologies in The Economic and Social Systems // Futures. Vol. 15. No 4. Pp. 357-375.

Roco M., Bainbridge W. (2004). Overview Converging Technologies for Improving Human Performance // Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science / Ed. by Roco M., Bainbridge W. Arlington. URL: http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report.pdf

Spohrer J. (2004). NBICS (Nano-Bio-Info-Cogno-Socio) Convergence to Improve Human Performance: Opportunities and Challenges. In: *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science* / Ed. by Roco M., Bainbridge W. Arlington. URL: http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report.pdf

References

Bodrunov S.D. (2016*). The Coming of New Industrial State: Reloaded*. St. Petersburg: S.Y. Witte INID Publ. 326 p. (In Russ.).

Bodrunov S.D. (2018). *Noonomy*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ. 432 p. (In Russ.).

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2012a). The Market of Simulacra: A Look Through the Prism of Classical Political Economy. *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of Economy]. Vol. 80. No. 2. Pp. 153-165. (In Russ.).

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2012b). The Market of Simulacra: A Look Through the Prism of Classical Political Economy. *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of Economy]. Vol. 81. No. 3. Pp. 181-192. (In Russ.).

Glaziev S.Y. (2016). World Economic Orders in the Context of Global Economic Development. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and Mathematical Methods]. Vol. 52. No. 2. Pp. 3-29. (In Russ.).

Davydov D.A. (2021). The Value Foundations of Post-Capitalism: from the “Mode of Possession” to the Individualism of Self-Actualizing Personalities? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No 12. Pp. 78-90. (In Russ.).

Dymshits M.N. (2004). *Manipulating the Consumer.* Moscow: Omega-L Publ. 252 p. (In Russ.).

L’vov D.S., Glaziev S.Y. (1986). Theoretical and Practical Aspects of STP Management. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and Mathematical Methods]. No 5. Pp. 793-804. (In Russ.).

Matveev I.E. (2014). Environmental Assessment of Renewable Energy Use. *Energy Fresh.* Vol. 7. No. 1. URL: http://www.energy-fresh.ru/analitics/?id=6054 (In Russ.).

Montgomery D.R. (2015). *Dirt: The Erosion of Civilizations*. Ankara: Prodovol’stvennaya i sel’skokhozyaystvennaya organizatsiya Ob”edinennykh Natsiy. Subregional’noe otdelenie po Tsentral’noy Azii. (In Russ.).

Pisarevskaya N.S. (2023). *Manipulative Tactics in Commercial Advertising.* Moscow: Znanie-M Publ. 135 p. (In Russ.).

Sviridova E.V., Shendo M.V. (2018). Marketing Tools for Manipulating Consumer Consciousness. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika.* [Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics]. No. 3. Pp. 110-118. https://doi.org/10.24143/2073-5537-2018-3-110-118 (In Russ.).

Tatarinov K.A., Zverev A.F. (2020). Psychological Tools for Manipulating Consumer Behavior. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya.* [Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology]. Vol. 9. No. 3(32). Pp. 108-111. DOI: 10.26140/anip-2020-0903-0022 (In Russ.).

Freeman A. (2016). Twilight of the Machinocratic Outlook: Non-substitutable Labour and the Future of Production. *Voprosy politicheskoy ekonomii.* [Questions of Political Economy]. No. 4. Pp. 37-60. (In Russ.).

Baudrillard J. (1972). *Pour une critique di l’economie politique du signe.* Paris, France: Editions Gallimard.

Baudrillard J. (1981). *Simulacres et Simulation*. Paris, France: Editions Galilee.

Estoque R. C., Dasgupta R., Winkler K, Avitabile V., Johnson B.A., Myint S.W., Gao Yan., Ooba M., Murayama Y., Lasco R.D. (2022). Spatiotemporal Pattern of Global Forest Change over the Past 60 Years and the Forest Transition Theory. *Environmental Research Letters*. No. 17. Article No. 084022. DOI 10.1088/1748-9326/ac7df5 https://iopscience.iop.org/article/10. 1088/1748-9326/ac7df5/pdf

Freeman C., Perez C. (1988). Structural Crises of Adjustment, Business Cycles and Investment Behaviour. In: *Technical Change and Economic Theory*. Dosi G., Freeman Ch., Nelson R., Silverberg G., Soete L. (Eds.). London: Pinter Publisher.

Jameson F. (1991). *Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, NC, USA: Duke University Press.

Mahar G.N. (2021). Disadvantages of Renewable Energy: The Untold Story. *Paradigm Shift*. Research Papers. March 19. URL: https://www.paradigmshift.com.pk/disadvantages-of-renewable-energy-the-untold-story/

Perez C. (1983). Structural Change and Assimilation of New Technologies in The Economic and Social Systems. *Futures*. Vol. 15. No. 4. Pp. 357-375.

Roco M., Bainbridge W. (2004). Overview Converging Technologies for Improving Human Performance. In: *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology,*

Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science. Roco M., Bainbridge W. Arlington. (Eds.). URL: http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report.pdf

Spohrer J. (2004). NBICS (Nano-Bio-Info-Cogno-Socio) Convergence to Improve Human Performance: Opportunities and Challenges. In: *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science*. Roco M., Bainbridge W. Arlington (Eds.). URL: http://www.wtec.org/Converging Technologies/Report/NBIC_report.pdf

Информация об авторе

Бодрунов Сергей Дмитриевич
Директор Института нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России (ВЭО), член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор (197101, РФ, Санкт-Петербург, Большая Монетная ул., 16)
E-mail: inir@inir.ru

Information about the author

Sergey D. Bodrunov
Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of RAS, Director of the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID), President of the Free Economic Society of Russia (Bol'shaya Monetnay Str. 16, St. Petersburg, 197101, Russia)
E-mail: inir@inir.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-25-39

В. В. Окрепилов
Институт проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Россия)

О РОЛИ ЭКОНОМИКИ КАЧЕСТВА В ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАЧ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ЦЕЛЯМИ РАЗВИТИЯ РОССИИ ДО 2030 ГОДА, НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА[1]

Аннотация: рассматривается применение методологии научного направления «экономика качества» в решении задач, предусмотренных национальными целями развития России до 2030 года и на перспективу до 2036 года. На примере реализации Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга проанализирован опыт использования базовых элементов экономики качества – метрологии, стандартизации, управления качеством – для ускоренного развития отраслей экономики знаний, региональной инновационной системы, обеспечения устойчивого экономического роста и повышения качества жизни населения. Представлен принципиально новый методологический подход к оценке качества жизни населения на основе уникальной многоуровневой системы управления качеством.
Ключевые слова: национальные цели развития России, экономика качества, метрология, стандартизация, управление качеством, методика оценки качества жизни

Для цитирования: Окрепилов В.В. О роли экономики качества в выполнении задач, предусмотренных национальными целями развития России до 2030 года, на примере Санкт-Петербурга // Ноономика и нооообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 3, № 2. С. 25–39. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-25-39

Vladimir V. Okrepilov
Institute for Regional Economic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia)

ON THE ROLE OF THE ECONOMICS OF QUALITY IN FULFILLING THE TASKS SET BY THE NATIONAL DEVELOPMENT GOALS OF RUSSIA FOR THE PERIOD UP TO 2030: THE CASE OF SAINT PETERSBURG

Abstract: The author considers the application of the methodology of the scientific field “economics of quality” in fulfilling the tasks set by the national development goals of Russia for the period up to 2030 and for the future until 2036. Using the example of the implementation of the Strategy for the Socioeconomic Development of Saint Petersburg, the author analyzes the experience of using the basic elements of the economics of quality, such as metrology, standardiza-

[1] Статья подготовлена по материалам доклада на 37-й сессии Международного теоретического семинара Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте «Ноономика, модернизация и неолиберализм» 2-3 августа 2024 г., г. Афины, Греция).

tion, quality management, to encourage development of knowledge economy sectors, regional innovation system, ensuring sustainable economic growth and improving the quality of life of the population. A fundamentally new methodological approach to assessing the quality of life of the population based on a unique multi-level quality management system is presented.
Keywords: national development goals of Russia, economics of quality, metrology, standardization, quality management, quality of life assessment methodology.

For citation: Okrepilov V.V. (2024). On the Role of the Economics of Quality in Fulfilling the Tasks Set by the National Development Goals of Russia for the Period Up to 2030: the Case of Saint Petersburg. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, Vol. 3, No. 2, pp. 25–39. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-25-39

奥克列彼洛夫 V. V.
俄罗斯科学院区域经济问题研究所（俄罗斯，圣彼得堡）

以圣彼得堡为例探讨质量经济在完成俄罗斯 2030 年前国家发展目标所规定任务中的作用

摘要：本文论述了“质量经济”学科的方法体系在解决俄罗斯 2030 年前和 2036 年前国家发展目标所规定的任务中的应用。本文以《圣彼得堡社会经济发展战略》的实施为例，分析了在加速发展知识经济产业、地区创新体系、可持续经济增长和提高居民生活质量方面运用计量、标准化、质量管理等质量经济学基本要素的经验。在独特的多层次质量管理体系基础上，提出了评估居民生活质量的全新方法。
关键词：俄罗斯国家发展目标、质量经济、计量、标准化、质量管理、生活质量评估方法

引用注释：奥克列彼洛夫 V. V. (2024) 以圣彼得堡为例探讨质量经济在完成俄罗斯 2030 年前国家发展目标所规定任务中的作用//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 3, No. 2, pp. 25–39. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-25-39

От лидерства в экономике – к повышению качества жизни

Суть национальных целей развития России до 2030 года и на период до 2036 года, которые приняты Указом Президента РФ Владимира Путина 7 мая 2024 года, состоит в решении задач повышения качества жизни населения страны (рис. 1). Каждая из восьми целей свидетельствует об этом. [1]

Для достижения национальных целей определены конкретные параметры развития России на ближайшие годы.

Намечено добиться темпов роста валового внутреннего продукта России выше среднемировых и выйти не позднее 2030 года на 4-е место в мире по объему ВВП, рассчитанного по Паритету Покупательной Способности.

[1] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542

За счет постоянного улучшения инвестиционного климата планируется к 2030 году на 60 % увеличить объем инвестиций в основной капитал.

а) сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи;
б) реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности;
в) комфортная и безопасная среда для жизни;
г) экологическое благополучие;
д) устойчивая и динамичная экономика;
е) технологическое лидерство;
ж) цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы.

√ обеспечение темпа роста ВВП РФ выше среднемирового и выход не позднее 2030 года на 4 место в мире по объему ВВП, рассчитанного по Паритету Покупательной Способности;
√ увеличение к 2030 году объема инвестиций в основной капитал не менее чем на 60 % по сравнению с уровнем 2020 года за счет постоянного улучшения инвестиционного климата;
√ обеспечение к 2030 году прироста объема экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее чем на две трети по сравнению с показателем 2023 года;
√ обеспечение технологической независимости и формирование новых рынков, искусственный интеллект, новые материалы и химия, перспективные космические технологии и сервисы, новые энергетические технологии (в том числе атомные);
√ вхождение к 2030 году Российской Федерации в число 25 ведущих стран мира по показателю плотности роботизации.

Рис. 1. Национальные цели развития России как основа повышения качества жизни

Важнейшая для экономики России задача – рост объема экспорта несырьевых неэнергетических товаров, который намечено увеличить не менее чем на две трети к 2030 году по сравнению с уровнем, достигнутым в 2023 году.

Для развития современных производственных комплексов планируется серьезное обновление оборудования предприятий, по показателю плотности роботизации Россия к 2030 году должна войти в число 25 ведущих стран мира.

Национальными целями предусмотрено обеспечение технологической независимости России и формирование таких новых рынков, как искусственный интеллект, новые материалы и химия, перспективные космические технологии и сервисы, новые энергетические технологии (в том числе атомные), медицинские технологии для сбережения здоровья граждан, развитие целого ряда других перспективных направлений, связанных с улучшением условий жизни и деятельности населения страны [Гагулина, 2024].

Национальные цели и намеченные для их достижения национальные проекты, прежде всего, направлены на обеспечение самостоятельного научно-технического развития и технологического лидерства России

Масштабное укрепление экономики России в ближайшие годы станет основой для повышения качества жизни людей.

Применение экономики качества в исследовании качества жизни

В данном разделе в сжатом виде изложены подходы к изучению качества с применением научного направления «Экономика качества», которое я представляю [Окрепилов, 2011].

При изучении качества необходимо использовать целый комплекс научных дисциплин применительно к объекту и уровню исследования.

Для изучения качества продукции (1-й уровень) необходимы фундаментальные науки, прежде всего, такие, как философия, математика, физика, химия, метрология. Оценка качества процессов (2-й уровень), качества работы предприятия, всех его подразделений и служб (3-й уровень), качества среды обитания (4-й уровень) и, наконец, качества жизни (5-й уровень) требуют применения всего арсенала научных дисциплин. И особую роль в этом играет экономическая наука [Окрепилов, 2022].

Экономика качества представляет собой часть экономической науки, изучающей взаимосвязь качественных характеристик объектов или явлений с экономическими показателями.

Непосредственной целью экономики качества как науки является описание, объяснение и предсказание закономерностей воздействия качества на процессы и явления общественной жизни.

Важнейшими элементами экономики качества являются метрология, стандартизация и управление качеством. Они позволяют формировать и оценивать качество как многомерное экономическое и общественное явление.

Стандартизация, возникшая для унификации технических требований к продукции, в последние два десятилетия все в большей степени служит для повышения качества жизни как единого комплекса повышения качества продукции, услуг, окружающей среды, других составляющих качества жизни.

Любой предмет, явление или процесс нуждается в измерении и оценке, а уже затем стандартизируется. Поэтому стандартизация опирается на метрологию, которая предоставляет единые методы измерения и оценки любых показателей, их сравнимость между собой.

Управление качеством обеспечивает стабильность и надежность любой социально-экономической деятельности, повышает ее эффективность. Опыт многолетних научных исследований убедительно доказывает, что с помощью методов управления качеством можно решить любую проблему на любом уровне управления, независимо от общественного строя, формы собственности, характера и размера производства, численности персонала.

Система стратегического планирования развития Санкт-Петербурга на основе экономики качества

В Санкт-Петербурге система стратегического планирования последовательно формировалась на протяжении последних десятилетий при разработке различных программ развития города.

Основными направлениями реализации таких программ были создание технологической базы для качественного изменения структуры экономики региона, формирование научно-технологического потенциала по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники.

Впервые были концептуально сформулированы задачи ускоренного развития отраслей экономики знаний, а также предложена модель многоуровневой системы управления качеством, основанная на применении методов программно-целевого планирования с использованием стандартизации и других базовых элементов экономики качества.

В законе Санкт-Петербурга были закреплены параметры качества жизни населения, которые включали стандарты проживания и стандарты обеспечения жизнедеятельности,

отражающие требования к оказанию услуг и их качеству в сферах здравоохранения, образования, культуры, транспортного обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, общественной безопасности.

Эти подходы с применением инструментов экономики качества легли в основу создания Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга до 2030 года, которая была принята в 2014 году и уточнена в 2018 году, с учетом влияния внешних факторов экономического характера, в Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года.

В создании этих документов приняли самое активное участие мои коллеги ведущие экономисты России академики А.Г. Аганбегян, В.В. Ивантер, В.Л. Макаров, Н.Я. Петраков, иностранный член РАН В.Л. Квинт.

Работа научной группы дополнялась проведением опросов населения и специалистов, а также формированием фокус-групп по проблемам и приоритетам развития города. Всего в обсуждении проекта Стратегии приняли участие около 700 тысяч петербуржцев.

Сегодня для дальнейшего развития нашего города принципиально важно, что национальные цели развития России во многом совпадают с параметрами Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года. Их объединяет общая главная цель – повышение качества жизни людей.

В Стратегии были намечены меры по эффективной реализации научно-технологического потенциала Санкт-Петербурга, ускоренному развитию отраслей экономики знаний и региональной инновационной системы. К 2030 году доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции предприятий Санкт-Петербурга должна составлять не менее 30 %. Фактически на этот же рубеж и выше предполагается вывести долю отраслей экономики знаний в валовом региональном продукте Санкт-Петербурга, которая в 2018 году составляла около 25 %, при этом была намного выше, чем в среднем по России (в пределах 14 %).

В Стратегии определены конкурентные преимущества Санкт-Петербурга и те отрасли экономики, которые способны обеспечить устойчивое развитие города на длительный период. Это автомобиле– и судостроение, электротехника, энергомашиностроение, электроника, приборостроение, нефтепереработка, химическая промышленность, фармацевтика, туризм. На базе методологии экономики качества были подготовлены научно обоснованные предложения по мониторингу реализации Стратегии, с учетом прогнозов технического прогресса, социально-демографических, экономических, экологических изменений и возможных внешних рисков.

Улучшение качества жизни – Генеральная цель Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга

Стратегия развития города на период до 2035 года определяет 18 стратегических целей социально-экономической политики Санкт-Петербурга, 54 показателя достижения целей и 116 задач социально-экономической политики Санкт-Петербурга. Эти параметры служат основой для достижения **Генеральной цели Стратегии** – обеспечение стабильного улучшения качества жизни горожан на основе обеспечения устойчивого экономического роста с использованием результатов инновационно-технологической деятельности и повышения глобальной конкурентоспособности Санкт-Петербурга.

Принципиально важным было включение в Стратегию следующего определения:

«Понятие “качество жизни” является ключевым элементом системы целей социально-экономической политики Санкт-Петербурга, имеет интегральный характер и определяется уровнем развития экономики, состоянием городской среды, включая экологическую составляющую, качеством и доступностью услуг организаций здравоохранения, образования, культуры и социального обслуживания населения. Существенное влияние на качество жизни оказывают уровень доходов граждан и показатели общественной безопасности, а также эффективность государственного и муниципального управления, возможности населения реализовывать свои законные права и интересы».[1]

Тем самым в Законе, определяющем стратегию развития Санкт-Петербурга до 2035 года, были зафиксированы фундаментальные научные подходы к дальнейшей разработке методологии оценки качества жизни на основе таких интегральных показателей как медико-демографические условия, социально-экономическое благополучие, комфортность и безопасность среды.

Исходя из содержания Генеральной цели Стратегии 2035, сформированы приоритеты социально-экономической политики Санкт-Петербурга (рис. 2).

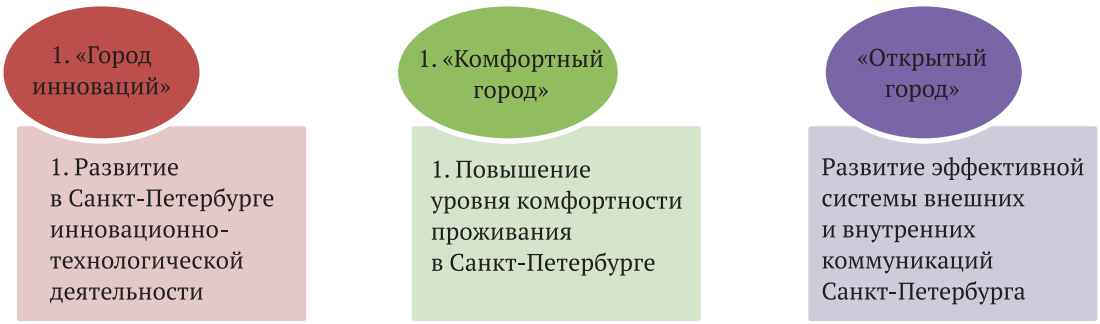


Рис. 2. Приоритеты социально-экономической политики Санкт-Петербурга

Приоритет «Открытый город» является продолжением традиций, заложенных еще при Петре I. Он не только определяет «открытую» позицию Санкт-Петербурга в геополитическом, социокультурном и торгово-экономическом аспектах, но и направлен на развитие Санкт-Петербурга как города, открытого людям и позитивным переменам, интегрированного в процессы сотрудничества как внутри собственной страны, так и на международной арене.

Весьма существенным является то обстоятельство, что реализация Стратегии в течение последних пяти лет (2019-2023 гг.) проходила в непростых условиях. В период пандемии короновируса 25 % петербургских предприятий были вынуждены полностью прекратить работу, 40 % предприятий – ограничивать свою деятельность, половина предприятий сферы услуг не работали. Высокий уровень заболеваемости в городе объективно связан с тем, что Санкт-Петербург является самым северным мегаполисом мира, в котором проживает около 6 млн человек[2], при этом 46 % всего времени в году они вынуждены проводить при искусственном освещении, а в декабре этот период достигает 74 %.

[1] Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года (с изменениями на 21 декабря 2022 года) https://docs.cntd.ru/document/551979680

[2] Петростат. Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области Население. Оперативная информация. https://78.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/СПб %20 числ %20на %2001.01.2024 %20по %20МО.pdf

Усиление экономических санкций заметно сказалось на развитии экономики России и особенно Санкт-Петербурга, в значительной степени ориентированной на торговый обмен с зарубежными странами и привлечение иностранных инвестиций. В Санкт-Петербурге 89 иностранных предприятий прекратили свою деятельность, 74 иностранных компании ввели неполную занятость. Со странами, которые ввели санкции, практически полностью заблокирован в экономических связях обмен технологиями и товарами, прекратились поставки необходимого оборудования и комплектующих.

Общее число санкций, введенных против России за последние два с половиной года, составляет более 16 с половиной тысяч, что в три с лишним раза превышает число санкций, введенных против Ирана за 40 лет [Нуреев, Бусыгин, 2017; Нуреев, Петраков П.К., 2015]. Под санкциями находятся 512 морских и воздушных судов России, что также негативно сказалось на экономике Санкт-Петербурга, так как город является морскими и воздушными воротами страны в перевозках по всему миру.

Ответной реакцией на возникшие трудности стала консолидация власти, общества и экономических субъектов для обеспечения устойчивости дальнейшего развития города. Поворот к опоре на собственные возможности в социально-экономическом развитии принес весьма эффективные результаты.

Итоги 2023 года показали рекордный рост индекса промышленного производства в Санкт-Петербурге за последние 12 лет, который составил 109,9 %, что почти в три раза выше, чем в среднем по России. Драйверы ускоренного развития экономики города – как раз те сферы, опережающее развитие которых было намечено в Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года (рис. 3).

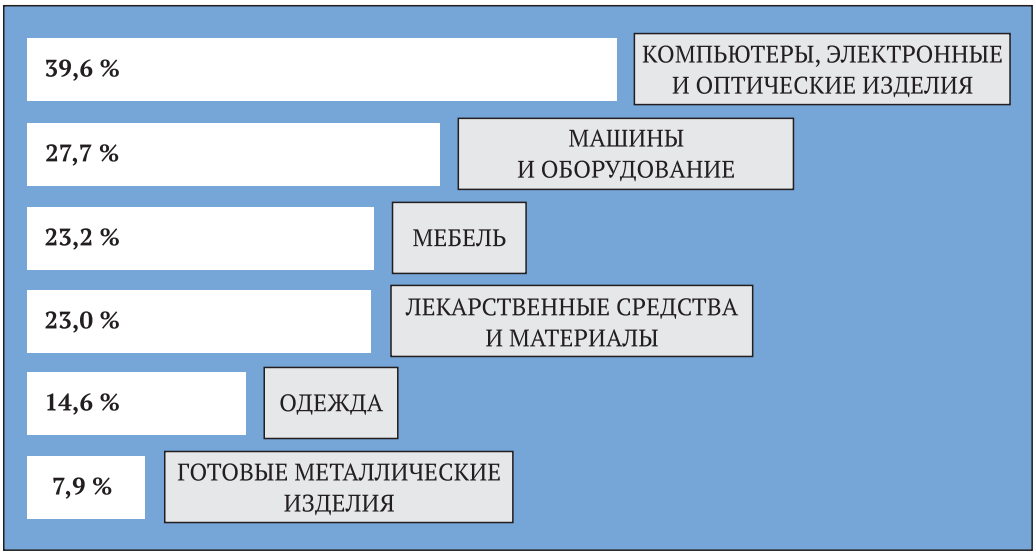


Рис. 3. Основные лидеры по росту Индекса промышленного производства в Санкт-Петербурге в 2023 г.

Высокие темпы развития сохранились и в первом полугодии 2024 года. Индекс промышленного производства в январе-июне 2024 года в Санкт-Петербурге, по сравнению с соответствующим периодом прошлого года, составил 110,7 %, по обрабатывающим производствам – 111,1 %. В январе-июне 2024 года отмечается значительный рост выпуска про-

дукции в производстве автотранспортных средств (рост в 3,8 раза), в производстве компьютеров, электронных и оптических изделий (рост в 1,5 раза), в производстве электрического оборудования (ИПП – 116,3 %).[1]

Эти данные подтверждают устойчивость городской экономики к внешним вызовам и необходимое качество управленческих решений со стороны Правительства Санкт-Петербурга.

Среди главных направлений – последовательное осуществление намеченного в Стратегии 2035 приоритетного развития отраслей экономики знаний, укрепление научно-технологического потенциала Санкт-Петербурга. Ведется работа по актуализации Концепции научно-технологического развития Санкт-Петербурга, принятой в 2020 году. В этом особая роль принадлежит созданному в 2023 году Санкт-Петербургскому Отделению Российской академии наук, первостепенной задачей которого является объединение возможностей всех научных организаций для создания прорывных технологий и уникальной техники.

Сегодня в Санкт-Петербурге работают более 360 научных организаций, среди них 65 организаций Российской академии наук и других государственных академий, 10 государственных научных центров, более 170 организаций высшего и среднего профессионального образования. Кадровый потенциал науки и профессионального образования Санкт-Петербурга составляет более 186 тысяч работников, включая 8 тысяч докторов наук и более 25 тысяч кандидатов наук. Общие затраты на финансирование науки и образования составляют за год около 400 млрд руб.

Задачи по повышению качества жизни в Санкт-Петербурге

Развитый научный и социально-экономический потенциал и высокие темпы роста экономики позволяют Санкт-Петербургу, согласно различным экспертным оценкам, постоянно быть в тройке регионов России, где наиболее успешно реализуются задачи повышения качества жизни населения. На это направлено формирование Петербургского стандарта качества жизни (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики Петербургского стандарта качества жизни

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении – более 80 лет к 2030 году.	Доля населения, имеющего денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, в общей численности населения Санкт-Петербурга – 2,6 %.
Индекс физического объема ВРП (ежегодно в среднем за период) -105 %.	Темп роста объемов несырьевого неэнергетического экспорта товаров (всего) (ежегодно в среднем за период) – 105,98 %.
Рост затрат на науку и инновации в промышленности в 2 раза.	Доля отраслей экономики знаний в ВРП Санкт-Петербурга 40 %.
Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВРП – 45 %.	Доля инновационной продукции в общем объеме продукции в обрабатывающих производствах – 30 %.
Уровень переработки отходов 100 %.	Полный цикл очистки воды 99,8 %.
Отмена оплаты для родителей за посещение учреждений дошкольного образования и бесплатные кружки и секции в детских садах для более 90 % детей.	Рост охвата населения диспансеризацией (в настоящее время: 2,7 млн петербуржцев).

[1] Итоги социально-экономического развития Санкт-Петербурга за январь-июнь 2024 года https://cedipt.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2024/08/08.pdf

Наш город является одним из лидеров в стране по ожидаемой продолжительности жизни, показатель которой по итогам 2023 года составил 76,7 года. За последние 10 лет реальные доходы населения города увеличились на четверть. Санкт-Петербург входит в число ведущих регионов России по уровню доходов на душу населения, по продолжительности и качеству образования его жителей. То есть по тем критериям, которые определяют индекс человеческого развития в соответствии с известной методикой ООН.

Лидирующее положение Санкт-Петербурга в социально-экономическом развитии среди регионов России позволило зафиксировать в его Стратегии высокие показатели, которые должны быть достигнуты к 2035 году. По ряду параметров они превышают общероссийские:

– Ожидаемая продолжительность жизни при рождении – более 80 лет к 2030 году (по России такой показатель намечено достигнуть только к 2036 г.).

– Доля населения, имеющего денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, в общей численности населения Санкт-Петербурга – 2,6 % (в среднем по России – 5 %).

– Индекс физического объема Валового регионального продукта (ежегодно в среднем за период) -105 %.

– Темп роста объемов несырьевого неэнергетического экспорта товаров (всего) (ежегодно в среднем за период) – 105,98 %.

– Рост затрат на науку и инновации в промышленности – в 2 раза.

– Доля отраслей экономики знаний в ВРП Санкт-Петербурга – 40 %.

– Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВРП – 45 %.

– Доля инновационной продукции в общем объеме продукции в обрабатывающих производствах – 30 %.

– Уровень переработки отходов – 100 %.

– Полный цикл очистки воды – 99,8 %.

– Полная отмена оплаты для родителей за посещение детьми учреждений дошкольного образования, бесплатные кружки и секции в детских садах для более 90 % детей.

– Рост охвата населения бесплатной диспансеризацией (в настоящее время ее проходят 2,7 млн петербуржцев).

Санкт-Петербург планирует развиваться как технологический лидер России, как мегаполис, удобный для всех, активно внедряя цифровые технологии на благо жителей и постоянно совершенствуя Петербургский стандарт качества жизни.

Наглядным примером широкого развития цифровых технологий для горожан является **Единая карта петербуржца**, которая открывает доступ к различным коммерческим и государственным сайтам и сервисам. Это индивидуальная банковская карта, которая одновременно предоставляет льготы при оплате проезда на городском транспорте, помогает получить льготы от города по ряду других государственных услуг, дает скидки в супермаркетах и даже позволяет записываться на прием к врачу. Единую карту петербуржца оформили уже более 1,6 млн горожан, только в 2023 году обладатели карты сэкономили в целом более 1,3 млрд руб. при оплате проезда в метро и 498 млн руб. – в городском наземном транспорте.[1]

Единая карта петербуржца реализует принцип открытого города, поскольку ее может приобрести любой гражданин России старше 14 лет, в том числе те, кто приезжает в город по рабочим делам или в качестве туриста.

[1] Обладатели Единой карты петербуржца сэкономили на проезде в 2023 году около 1,8 млрд рублей https://gorod-plus.tv/news/124422

На рис. 4 представлена организационная схема функционирования системы управления качеством в Санкт-Петербурге. Система представляет собой совокупность организационной структуры, методов работы, процессов и ресурсов, необходимых для осуществления воздействия на качество с помощью определенного набора мер. Они включают мониторинг существующей ситуации по основным направлениям социально-экономического развития, формирование системы целевых показателей развития, разработку целевых научно-технических и социально-экономических программ для достижения определенных стандартов качества жизни и контроль достижения целевых показателей развития.

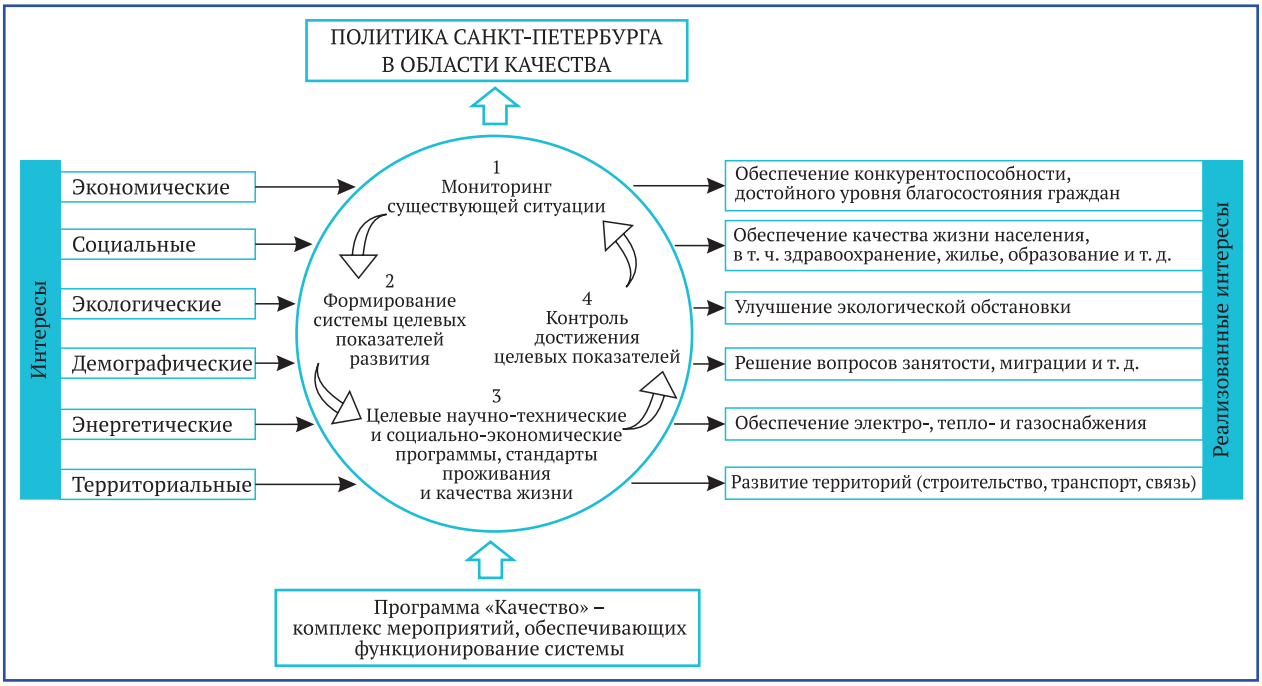


Рис. 4. Организационная схема функционирования системы управления качеством в Санкт-Петербурге

Как уже отмечалось ранее, стандарты проживания были утверждены Законом Санкт-Петербурга и на этом основании должны быть обязательно обеспечены исполнительными органами государственной власти города. Стандарты проживания устанавливают конкретные требования к тем сферам жизнедеятельности, которые непосредственно влияют на качество жизни людей (рис. 5).

Эффективное управление этими сферами со стороны власти при активном общественном участии позволяет постоянно улучшать условия проживания и обеспечивать вывод стандартов качества жизни на более высокие показатели.

Разработка и совершенствование методологии оценки качества жизни на основе экономики качества

Важнейшим научно-практическим достижением экономики качества является создание уникальной многоуровневой системы управления качеством, центральным элементом которой выступает разработка не имеющей аналогов модели оценки качества жизни.

Рис. 5. Стандарты проживания, утвержденные Законом Санкт-Петербурга от 15 ноября 2005 года № 584-831

Методология, разработанная нашей научной школой «Экономика качества», позволяет осуществлять управление качеством жизни на всех уровнях экономического взаимодействия, применять фундаментальные научные исследования для формирования принципиально нового подхода к оценке качества жизни населения. Эта методология подробно изложена вместе с результатами пилотного проекта оценки качества жизни регионов России в монографии «Научные решения сложных экономических и социальных задач с помощью суперкомпьютеров», ставшей лауреатом конкурса «Экономическая книга года 2023», проводимого Вольным экономическим общество России. [Макаров, Окрепилов, Бахтизин, 2023, с. 336-412].

Метрология, стандартизация и управление качеством, как элементы экономики качества, необходимы и на этапе обработки и анализа результатов моделирования, и при выработке оптимальных управленческих решений. Стандартизация, опираясь на метрологию, способствует получению выверенных и сопоставимых оценок качества жизни для любого уровня экономики. Оперируя данными оценками посредством методов управления качеством, можно сформировать условия для повышения качества жизни населения на любом уровне управления.

Нами предложено следующее определение понятия «качество жизни». ***Это оценочная категория, которая обобщенно характеризует параметры всех составляющих жизни человека: его потенциала, жизнедеятельности и условий жизнедеятельности, по отношению к стандарту или эталону, который выработан обществом и существует в индивидуальном сознании человека.*** [Окрепилов, Гагулина, 2019, с. 320]

В Институте проблем региональной экономики Российской академии наук создана модель, которая содержит требования к необходимому качеству жизни и определяет возмож-

[1] Закон Санкт-Петербурга от 15 ноября 2005 г. № 584-83 «О программе социально-экономического развития Санкт-Петербурга на 2005-2008 годы» https://base.garant.ru/7951297/

ности выбора оптимальных способов удовлетворения этих требований. Сформирована и зарегистрирована Роспатентом База данных «Качество жизни (База данных для построения модели качества жизни)» с закрепленным правом интеллектуальной собственности и получением патента.

На рис. 6 отражены сферы интегральной оценки качества жизни. Основу расчета составляют 24 базовых показателя, по которым производится оценка качества жизни с применением суперкомпьютерных технологий.

Медико-демографические условия	• Качество здоровья • Качество среды обитания
Социально-экономическое благополучие	• Качество проживания • Качество взаимодействия
Комфортность и безопасность среды жизнедеятельности	• Качество безопасности • Качество институтов

Рис. 6 . Сферы интегральной оценки качества жизни

Методика оценки и повышения качества жизни постоянно совершенствуется при выполнении научных исследований. Так, в 2021 году на основе гранта Санкт-Петербурга было осуществлено исследование «*Моделирование оценки качества жизни населения Санкт-Петербурга с учетом стратегических приоритетов инновационного развития города*».

В настоящее время с применением гранта Российского научного фонда[1] на 2023-2024 годы реализуются фундаментальные исследования, *связанные с моделированием и оценкой качества жизни населения Северо-Западного федерального округа России*. Впервые для Северо-Запада выполнен комплексный анализ проблем качества жизни, пространственного развития агломераций, урбанизации и моделей взаимовлияния социально-экономических факторов, необходимый для проведения оценки качества жизни населения Северо-Западного федерального округа и ее дальнейшего применения в системе научно обоснованных управленческих решений в условиях больших вызовов.

При проведении исследований нами получены два новых свидетельства о государственной регистрации баз данных (рис. 7), содержащих Таблицы пространственного распространения экономических ресурсов (на примере высокотехнологичных предприятий Ленинградской и Свердловской областей).

Таким образом на уровне страны, федерального округа и субъектов Федерации разработаны и совершенствуются научно обоснованные критерии оценки качества жизни и предложены конкретные меры по его улучшению на основе применения созданной методики.

Методика, на наш взгляд, может стать эффективным рабочим инструментом при выборе стратегических ориентиров, подходов к планированию и управлению развитием городов, регионов и всей страны. Ее широкое применение будет способствовать на современном этапе выполнению национальных целей развития России.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10090, https://rscf.ru/project/23-28-10090/ и гранта Санкт-Петербургского научного фонда при поддержке Правительства Санкт-Петербурга, в Институте проблем региональной экономики Российской академии наук.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО
о государственной регистрации базы данных
№ 2024620908

Таблицы пространственного распространения экономических ресурсов (на примере высокотехнологичных предприятий Ленинградской области)

Правообладатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем региональной экономики Российской академии наук (RU)

Авторы: Окрепилов Владимир Валентинович (RU), Шматко Алексей Дмитриевич (RU), Гагулина Наталья Львовна (RU), Рослякова Наталья Андреевна (RU)

Заявка № 2024620275
Дата поступления 31 января 2024 г.
Дата государственной регистрации в Реестре баз данных 28 февраля 2024 г.

Руководитель Федеральной службы по интеллектуальной собственности Ю.С. Зубов

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО
о государственной регистрации базы данных
№ 2024620609

Таблицы пространственного распространения экономических ресурсов (на примере высокотехнологичных предприятий Свердловской области)

Правообладатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем региональной экономики Российской академии наук (RU)

Авторы: Окрепилов Владимир Валентинович (RU), Гагулина Наталья Львовна (RU), Рослякова Наталья Андреевна (RU)

Заявка № 2024620293
Дата поступления 31 января 2024 г.
Дата государственной регистрации в Реестре баз данных 07 февраля 2024 г.

Руководитель Федеральной службы по интеллектуальной собственности Ю.С. Зубов

Рис. 7 . Свидетельства о государственной регистрации баз данных, содержащих Таблицы пространственного распространения экономических ресурсов (на примере высокотехнологичных предприятий Ленинградской и Свердловской областей) [Свидетельство № 2024620609, 2024; Свидетельство № 2024620908, 2024]

Список источников

Гагулина Н. Л. Роль разработки и использования передовых технологий в экономике знаний России и Северо-Запада // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2024. № 1(76). С. 126–133. DOI: 10.52897/2411-4588-2024-1-126-133. – EDN SFOFCG.

Макаров В.Л., Окрепилов В.В., Бахтизин А.Р. Научные решения сложных экономических и социальных задач с помощью суперкомпьютеров. – М.: ЛЕНАНД, 2023. С. 336-412.

Нуреев Р.М., Бусыгин Е.Г. Экономические санкции: издержки и выгоды конфронтации // TERRA ECONOMICUS[Online] 2017 Том 15 № 3 с.56-74/

Нуреев Р.М., Петраков, П. К. (2015). Рядовой потребитель: бремя экономических санкций против России // JournalofEconomicRegulation (Вопросы регулирования экономики), т. 6, № 3, с. 40-60.

Окрепилов В.В. Экономика качества // СПб.: Наука, 2011. – 632 с.

Окрепилов В.В. Экономика качества – важнейшее направление развития экономической науки. Проблемы прогнозирования. № 5, 2022. С. 78-90.

Окрепилов В.В., Гагулина Н.Л. Развитие оценки качества жизни населения региона // Журнал экономической теории. Т.16, № 3, 2019. С. 318-330.

Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024620609 Российская Федерация. Таблицы пространственного распространения экономических ресурсов (на примере высокотехнологичных предприятий Свердловской области) : № 2024620293 :

заявл. 31.01.2024 : опубл. 07.02.2024 / В. В. Окрепилов, Н. Л. Гагулина, Н. А. Рослякова ; заявитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем региональной экономики Российской академии наук. – EDN AOSTQO.

Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024620908 Российская Федерация. Таблицы пространственного распространения экономических ресурсов (на примере высокотехнологичных предприятий Ленинградской области): № 2024620275: заявл. 31.01.2024: опубл. 28.02.2024 / В. В. Окрепилов, А. Д. Шматко, Н. Л. Гагулина, Н. А. Рослякова; заявитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем региональной экономики Российской академии наук. – EDN SKRPVQ.

References

Gagulina N. L. (2024). The Role of Development and Use of Advanced Technologies in the Knowledge Economy of Russia and the Northwestern Federal District. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya* [Economics of the North-West: Problems and Prospects of Development]. Vol. 76. No. 1. Pp. 126–133. DOI: 10.52897/2411-4588-2024-1-126-133. – EDN SFOFCG. (In Russ).

Makarov V.L., Okrepilov V.V., Bakhtizin A.R. (2023). *Scientific Solutions to Complex Economic and Social Problems Using Supercomputers*. Moscow: LENAND Publ. Pp. 336-412. (In Russ).

Nureyev R.M., Busygin E.G. (2017). Economic Sanctions: Costs and Benefits of Confrontation. *Terra Economicus*. Vol. 15. No. 3. Pp.56-74. (In Russ).

Nureyev R.M., Petrakov P.K. (2015). The Ordinary Consumer: The Burden of Economic Sanctions Against Russia. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki* [Journal of Economic Regulation]. Vol. 6. No. 3. Pp. 40-60. (In Russ).

Okrepilov V.V. (2011). *Economics of Quality*. St. Petersburg: Nauka Publ. 632 p. (In Russ).

Okrepilov V.V. (2022). Economics of Quality: The Most Important Direction in the Development of Economic Science. *Problemy Prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development]. Vol. 33. No. 5. Pp. 78-90. (In Russ).

Okrepilov V.V., Gagulina N.L. (2019). Development of Estimating Quality of Life of Regional Population. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of Economic Theory]. Vol. 16. No. 3. Pp. 318-330. (In Russ).

Okrepilov V.V., Gagulina N.L., Roslyakova N.A. (2024). Tables of spatial distribution of economic resources (using the example of high-tech enterprises in the Sverdlovsk region. Certificate of state registration of the database No. 2024620609, Russian Federation, application No. 2024620293 dated 31.01.2024; published on 07.02.2024. Applicant is the Federal State Budgetary Institution of Science “Institute for Problems of Regional Economics of the Russian Academy of Sciences”. EDN AOSTQO. (In Russ).

Okrepilov V.V., Gagulina N.L., Roslyakova N.A. (2024). Tables of spatial distribution of economic resources (using the example of high-tech enterprises in the Leningrad region). Certificate of state registration of the database No. 2024620908, Russian Federation, application No. 2024620293 dated 31.01.2024; published on28.02.2024. Applicant is the Federal State Budgetary Institution of Science “Institute for Problems of Regional Economics of the Russian Academy of Sciences”. EDNSKRPVQ. (In Russ).

Информация об авторе

Окрепилов Владимир Валентинович

Научный руководитель Института проблем региональной экономики РАН, доктор экономических наук, профессор, академик РАН (190013, РФ, Санкт-Петербург, Серпуховская ул., д. 38)

E-mail: okrepilov@test-spb.ru

Information about the author

Vladimir V. Okrepilov

Scientific Advisor of the Institute for Regional Economic Studies of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Academician of the RAS (38 Serpukhovskaya ul., Saint-Petersburg, 190013, Russia)

E-mail: okrepilov@test-spb.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-40-50

А.Р. Бахтизин
Центральный экономико-математического институт РАН (Москва, Россия)

КОНТУРЫ НОВОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ[1] [2]

Аннотация: современный мир достаточно быстро изменяется, что связано с накоплением противоречий между ведущими странами мира и их объединениями, для разрешения которых все чаще используются силовые методы (военные конфликты, экономические санкции и др.). Это, с одной стороны, ускоряет изменения, с другой – снижает уровень определенности будущего. Следовательно, возникает необходимость разработки новых методов его научно обоснованного предсказания. В статье рассмотрены тенденции трансформации мировой экономической системы и позиционирования в ней России, а также предложены новые инструменты прогнозирования ее будущего развития с учетом присущей ему турбулентности.
Ключевые слова: методы прогнозирования, экономико-математическое моделирование, международный рейтинг, экономика России, экономический рост, экономическая политика, санкции, военный конфликт, мировая экономика.

Для цитирования: Бахтизин А.Р. (2024). Контуры новой мировой экономической системы и перспективы России // Ноономика и нообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 3, № 2. С. 40–50. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-40-50

A.R. Bakhtizin
Central Economics and Mathematics Institute (CEMI) of the RAS (Moscow, Russia)

CONTOURS OF A NEW WORLD ECONOMIC SYSTEM AND PROSPECTS FOR RUSSIA

Abstract: The world today is changing quite rapidly, reflecting the accumulation of contradictions between the leading countries of the world and their alliances, and for the purpose of its resolution they more and more often resort to strong-arm tactics (military conflicts, economic sanctions, etc.). On the one hand, they accelerate change, on the other hand, reduce the level of certainty of the future. Consequently, the need for development of new methods for scientifically based forecasting emerges. The author examines transformation trends of the current world economic system and Russia's place in it, and proposes new tools for forecasting its future development as well, taking into account its inherent turbulence.

[1] Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта № 075-15-2024-525 от 23.04.2024.

[2] Статья подготовлена по материалам доклада на 37-й сессии Международного теоретического семинара Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте «Ноономика, модернизация и неолиберализм» (2-3 августа 2024 г., г. Афины, Греция).

Keywords: forecasting methods, economic mathematical modeling, international rating, Russian economy, economic growth, economic policy, sanctions, military conflict, world economy.

For citation: Bakhtizin A.R. (2024). Contours of a New World Economic System and Prospects for Russia. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, Vol. 3, No. 2, pp. 40–50. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-40-50

巴赫季津 A. R.
俄罗斯科学院中央经济数学研究所（俄罗斯，莫斯科）

新世界经济体系的概貌与俄罗斯的未来

摘要：现代世界在快速变化，这与世界主要国家以及国家联盟之间矛盾的积累有关，为解决这些矛盾，越来越多地使用强力手段（军事冲突、经济制裁等）。一方面，这使世界变化加速；另一方面，增加未来的不确定性。因此，有必要研究新的科学预测方法。文章探讨了世界经济体系的变化趋势以及俄罗斯在其中的地位，并在考虑发展波动性的基础上提出了预测未来发展的新工具。
关键词：预测方法、经济数学模型、国际评级、俄罗斯经济、经济增长、经济政策、制裁、军事冲突、世界经济。

引用注释：巴赫季津 A. R. (2024) 新世界经济体系的概貌与俄罗斯的未来//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 3, No. 2, pp. 40–50. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-40-50

Введение

Наблюдаемая турбулентность в мировом геоэкономическом пространстве является следствием гибридного противостояния, инициированного США против ряда стран (в первую очередь – России), в котором применяется широкая палитра инструментов давления – от подогревания военных конфликтов до торговых и информационных войн. В этой связи особый интерес представляет анализ текущего и перспективного позиционирования России в стремительно изменяющемся современном мире.

Военные конфликты и санкции, их влияние на экономическое развитие

Центром исследований экономической политики (Centre for Economic Policy Research) опубликовано исследование «Цена войны» (Price of War), в котором анализируются межстрановые вооруженные конфликты за последние 150 лет (рис. 1). Под такими конфликтами понимаются боевые столкновения, в которых принимает участие свыше 10 тыс. человек и длящиеся более 2,5 лет. Важный количественный результат заключается в том, что страна, на территории которой происходит конфликт, в среднем теряет до 5 % ВВП в год. При этом у государств, находящихся на расстоянии не более 5 000 км от непосредственных участников, ВВП снижается в среднем на 0,4 %, а у стран, которые находятся далеко (более 5 000 км), наоборот, ВВП в среднем увеличивается на 0,2 %. Иными словами, удаленные инициаторы конфликтов часто оказываются в выигрыше.

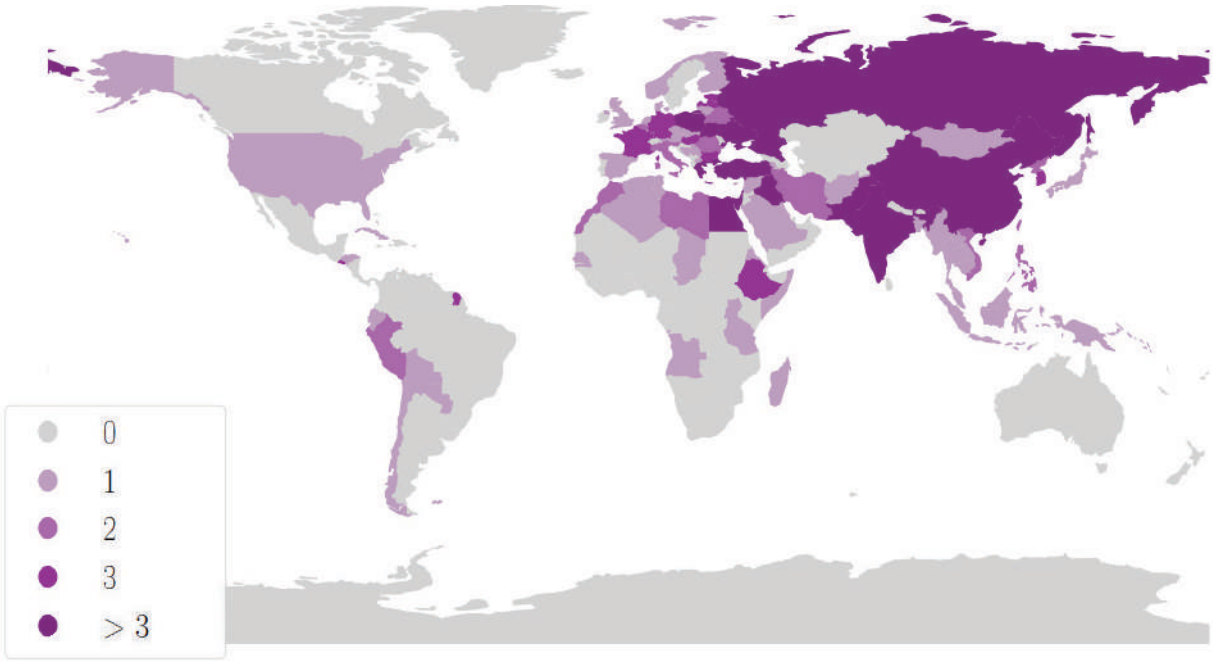


Рис. 1. Частота военных конфликтов за последние 150 лет

За последние два года крупнейшие международные организации (МВФ, ВТО, ОЭСР) выпустили множество аналитических материалов, в которых обозначили свое видение нового контура мировой макроэкономической системы, а именно ее продолжающуюся фрагментацию и снижение ВВП разных стран в широком диапазоне от 0,2 % до 12 % от базового сценария, не предполагающего введения дополнительных торговых ограничений.

В свою очередь, мы совместно с коллегами из Национального суперкомпьютерного центра КНР провели стресс-тест устойчивости экономик мира в зависимости от применения к ним масштабного пакета санкций, сравнимого с тем, что в данный момент испытывает Россия (табл. 1). И наиболее устойчивые экономики – это США, Китай, Россия. А менее устойчивые – это экономики более открытые. В частности, экономика Германии показала слабую защищенность – применение к ней торговых ограничений привело к падению ВВП более чем на 8 %.

Для нас был неожиданным тот факт, что полученные результаты сильно корреспондировали с выводом исследования МВФ «The Leisure Gains from International Trade», в котором показано, что переход к режиму автаркии в разных странах приводит к снижению уровня благосостояния населения (рис. 2). И наиболее устойчивые экономики здесь опять-таки США, Китай и Россия, но уже по мнению экспертов МВФ, а вот менее устойчивые – это страны Европы.

Методические подходы к оценке позиционирования стран мира

ВВП является волатильным, конъюнктурным и труднопрогнозируемым показателем, поэтому многие аналитики находятся в поиске некой альтернативы, с другой стороны, имеет смысл измерять устойчивость социально-экономической системы страны не с помощью 1-2 показателей, а через их группу, которая в своей совокупности определяет ее совокупный потенциал. К примеру, агентство U.S. News & Report ежегодно публикует рейтинг стран по уровню национальной мощи. Есть и многочисленные альтернативные индексы –

Таблица 1
Снижение ВВП ключевых стран в результате введения масштабных санкций, в процентных пунктах от инерционного сценария

США	–2,25
Китай	–3,09
Россия	**–3,54**
Австралия	–3,66
Индонезия	–3,66
Япония	–3,81
Индия	–3,98
Иран	–4,15
Бразилия	–4,23
Пакистан	–4,66
Саудовская Аравия	–5,18
Канада	–5,53
Великобритания	–5,66
Италия	–6,01
Турция	–6,58
Франция	–6,95
Мексика	–7,24
Республика Корея	–7,92
Германия	–8,09

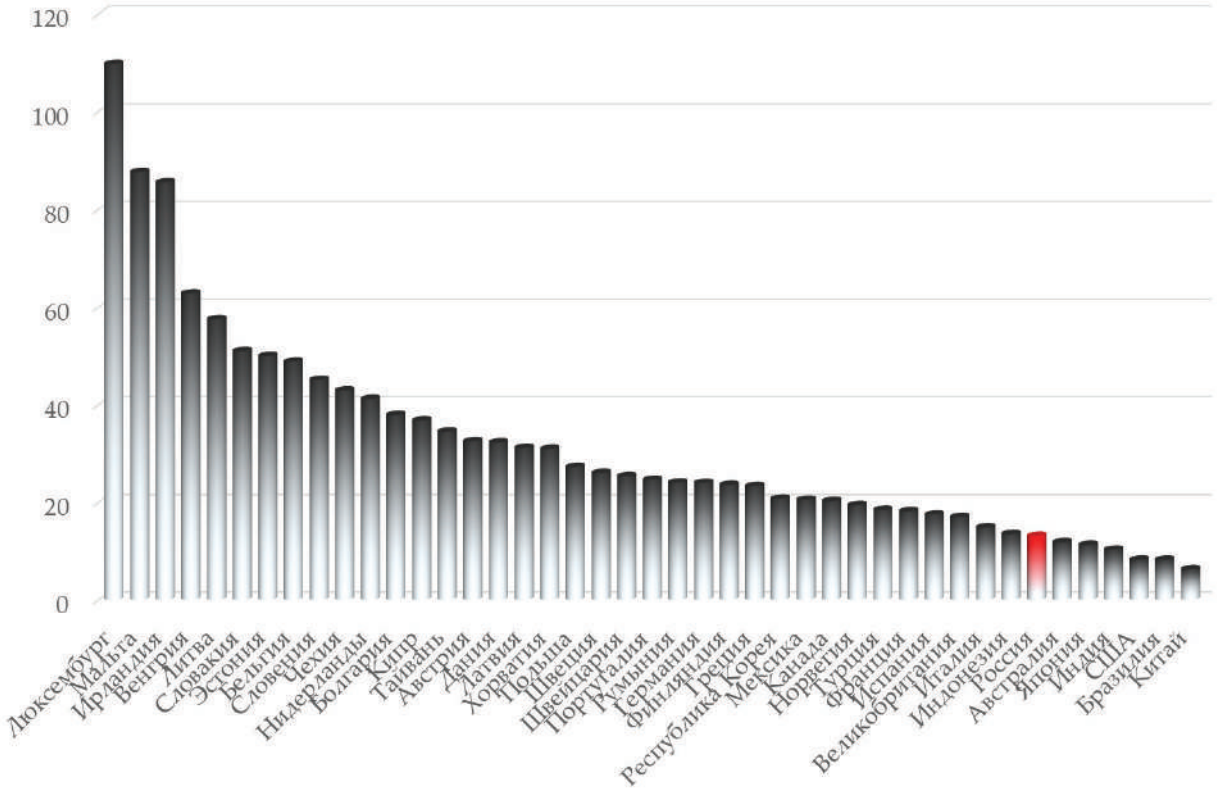


Рис. 2. Потери уровня благосостояния населения ряда стран в результате перехода к автаркии, в процентах

в частности, Global Power Index или индекс национальной силы азиатских стран[1] и т.д. Но практически все они политически ангажированы, и порядок стран во многом зависит от текущих отношений с государством, к которому относится аналитический центр, публикующий соответствующую информацию. Не случайно Россию незаслуженно помещают на достаточно низкие места (к примеру, на 11-е).

В свою очередь ЦЭМИ РАН совместно с Институтом демографической политики им. Д.И. Менделеева и ФСО РФ разработал свой, суверенный индекс национальной силы, который ежегодно обновляется и позволяет сравнить страны по уровню их совокупного потенциала. Лидерами в нашем рейтинге являются Китай, США, Россия, Индия, Бразилия, и эта пятерка стран во многом определяет мировое геоэкономическое пространство (табл. 2).

Таблица 2

Индекс национальной силы 10 стран-мировых лидеров[2]

1	Китай	13,05
2	США	10,00
3	Россия	5,84
4	Индия	5,26
5	Бразилия	3,03
6	Канада	2,36
7	Германия	2,04
8	Иран	1,92
9	Япония	1,88
10	Саудовская Аравия	1,72
Суммарное значение индекса по 193 странам = 100		

Совокупный потенциал различных страновых союзов приведен в табл. 3, полученные результаты позволяют говорить о том, что доминирования западного блока государств над остальной частью мира нет.

Таблица 3

Интегральные показатели национальной силы по блокам стран (2024 г.)[3]

США + ЕС	23,77
Китай + Россия	18,88
БРИКС	27,64
БРИКС+	33,12

В пространстве переменных, который определяет этот интегральный индекс, наибольшее значение имеют факторы, связанные с экономикой. Отметим, что оценка их весов осуществлялась с использованием методов многомерного статистического анализа. Это позволило избавиться от субъективизма, присущего методам, предусматривающих экспертное взвешивание. Полученные значения (рис. 3) показывают, что в рамках гибридного

[1] https://power.lowyinstitute.org
[2] Расчеты Института демографической политики им. Д.И. Менделеева, ЦЭМИ РАН и ФСО РФ
[3] Расчеты Института демографической политики им. Д.И. Менделеева, ЦЭМИ РАН и ФСО РФ

противостояния стран именно экономические системы будут подвергаться наибольшему давлению с тем, чтобы ослабить ту или иную страну.

Рис. 3. Рассчитанные веса факторов, используемых для расчета интегрального индекса национальной силы

Перспективы изменений в экономических элементах миропорядка

Говоря о том, что экономические системы являются приоритетной целью в рамках гибридных войн, следует сослаться на исследование Федерального резервного банка «Does Monetary Policy Have Long-Run Effects?»[1], в котором на основе статистического анализа длинных рядов данных по многим странам делается вывод о том, что неразумная, невыверенная денежно-кредитная политика имеет негативные последствия на срок вплоть до нескольких десятилетий. Особо подчеркивается, что при выборе, к примеру, стратегии изменения ключевой ставки нужно крайне внимательно подходить к определению ее новых значений.

Помимо денежно-кредитной политики, большое значение имеют суверенные платежные системы. Сейчас в мире главная платежная система – это, конечно же, SWIFT, которая была основана в 1973 году, но появляются альтернативы. К примеру, в КНР в 2015 году запущена трансграничная межбанковская платежная система (Cross-border Interbank Payment System, CIPS), обслуживающая на данный момент 142 прямых и почти 1 400 косвенных участников, которые ежедневно проводят около 40 тыс. транзакций на сумму порядка 120 млрд долларов[2]. CIPS, конечно, сильно уступает аналогичной системе межбанковских электронных клиринговых расчетов (Clearing House Interbank Payments System) из США, с 500 тыс. ежедневных транзакций на сумму около 2 трлн долларов, но обратим внимание, что она появилась гораздо раньше (в 70-х гг. прошлого века), и в этой связи есть основания предполагать, что со временем подобные системы потеснят SWIFT.

Далее рассмотрим вопрос замещения главной мировой валюты в связи с формированием новых макроэкономических регионов. На рис. 4 показано, что доля доллара в мировых

[1] https://www.frbsf.org/economic-research/publications/economic-letter/2023/september/does-monetary-policy-have-long-run-effects/
[2] https://www.cips.com.cn/en/index/index.html

резервах снизилась с начала текущего века с 71,1% до 58,4%. Согласно исследованию Bloomberg, этот процесс в последнее время ускоряется[1]. А согласно оценкам, опубликованным в издании «The Sunday Guardian», ожидается, что доля доллара США в качестве резервной валюты может снизиться до 40-45% в течение следующих 2-3 лет[2].

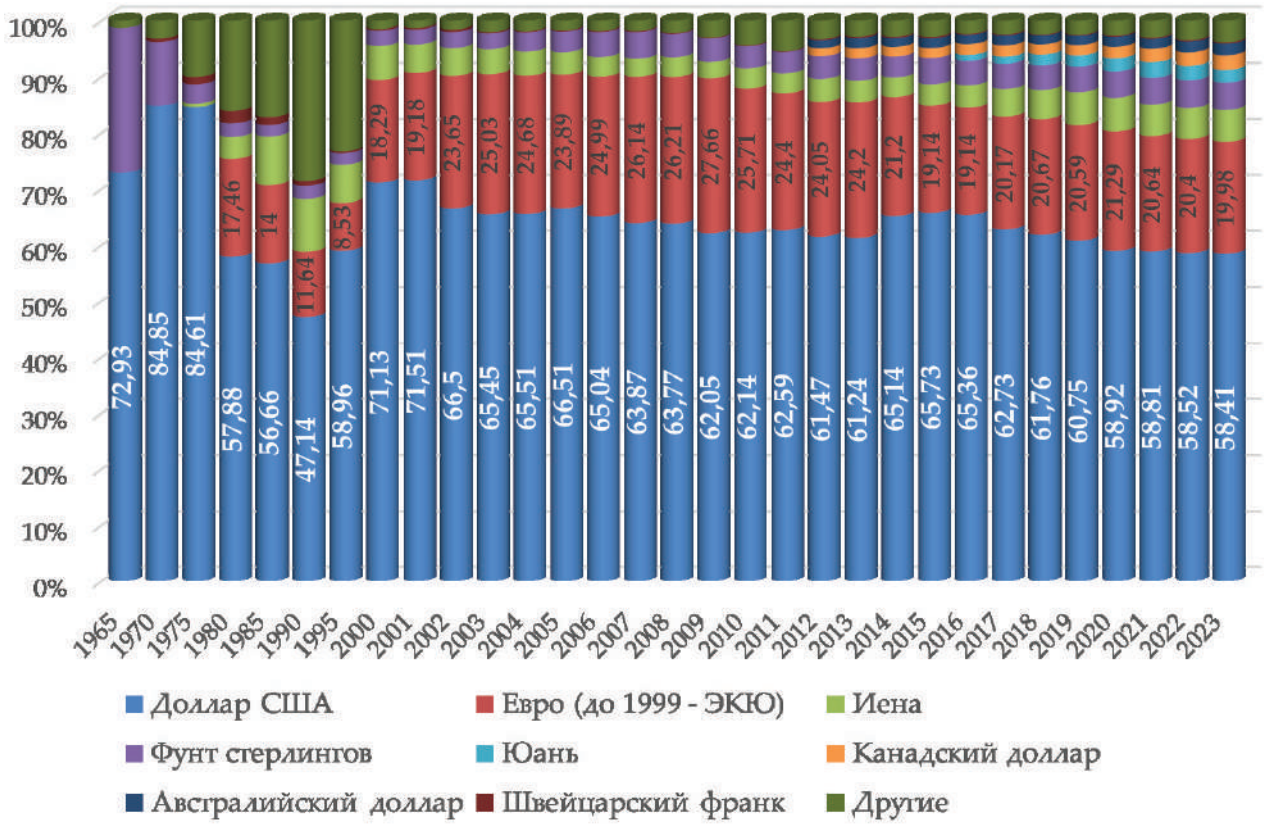


Рис. 4. Доля отдельных валют в мировых валютных резервах3

И для этого процесса есть все предпосылки. Отмечу исследование «Growth and inflation tradeoffs of dollarization: Meta-analysis evidence»[4], в котором анализируется зависимость ВВП ряда стран от уровня долларизации их экономик. По сути, это агрегатор нескольких десятков научных статей, в которых оценивается соответствующий эффект. Общий вывод заключается в том, что чем более экономика долларизирована, тем это сильнее тормозит рост ВВП.

Заканчивая рассматривать вопросы перестройки глобальной экономической системы, следует сказать о результатах исследования, которые проведены в ЦЭМИ РАН, посвященного вычислению индексов обратной связи для 65 отраслей по 70 ключевым странам мира (таблица 4). Эти индексы позволяют выявить отрасли, обладающие максимальным мультипликативным эффектом для всей экономической системы, с одной стороны, но, с другой стороны, атака на такие сектора (к примеру, посредством ограничений поставок промежу-

[1] https://www.bnnbloomberg.ca/de-dollarization-is-happening-at-a-stunning-pace-jen-says-1.1909109
[2] https://sundayguardianlive.com/news/de-dollarization-world-faces-threat-of-economic-catastrophe
[3] Данные портала Банка международных расчетов https://www.bis.org
[4] https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S026156062300116X

точной продукции) может нанести максимальный ущерб с точки зрения снижения темпов экономического роста.

Таблица 4

Отрасли (среди 65 отраслей) – мультипликаторы с максимальным индексом обратной связи по ключевым странам мира

США	Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов
Китай	Производство текстильных изделий, кожи и обуви
Франция	Производство транспортных средств и оборудования
Германия	Металлургическое производство
Индия	Ремонт и монтаж машин и оборудования
Канада	Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов
Италия	Металлургическое производство
Япония	Деятельность водного транспорта
Республика Корея	Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов
Швейцария	Производство электрического оборудования
Великобритания	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха
Бразилия	Производство химических веществ и химических продуктов
Индонезия	Производство резиновых и пластмассовых изделий
Россия (обрабатывающие производства, строительство)	Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов
	Производство электрического оборудования
	Производство резиновых и пластмассовых изделий
	Производство машин и оборудования
	Производство готовых металлических изделий
Саудовская Аравия	Деятельность профессиональная, научная и техническая

Для России приведены данные по пяти отраслям, именно эти сектора, связанные с автомобилестроением и машиностроением, были подвергнуты массированной атаке со стороны наших геополитических оппонентов, когда была объявлена санкционная война.

Инструменты прогнозирования изменений в экономическом мироустройстве

В ряде последних публикаций МВФ можно встретить сетования на то, что их основные инструменты – равновесные модели и модели векторной авторегрессии постепенно перестают адекватно отражать происходящие в мировой экономике процессы в силу их возрастающей турбулентности. В этой связи возрастает спрос на новые инструменты оценки, которые позволят учитывать скрытые и неочевидные факторы, не выявляемые традиционными средствами[1 2].

Если посмотреть на величину отклонений в прогнозах от разных организаций (в т.ч. МВФ, ОЭСР и др.), то средние отклонения на достаточно стабильном периоде с 2000 по 2017 год составляют 2-3 процентных пункта, что довольно много (рис. 5).

[1] https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/03/09/Predicting-IMF-Supported-Programs-A-Machine-Learning-Approach-545753

[2] https://www.atlanticcouncil.org/blogs/futuresource/imf-and-world-bank-in-need-of-more-modern-forecasting-methods

Рис. 5. Средние отклонения прогнозных значений ВВП от различных аналитических организаций для ключевых экономик мира, составлено изданием The Economist за период с 2000 по 2017 гг.[1]

Это же относится и к прогнозированию еще более инерционных процессов – демографических. Возьмем, к примеру, прогноз численности жителей по всем странам мира от департамента народонаселения ООН. При прогнозировании суммарного коэффициента рождаемости используется модель случайного блуждания, а средняя погрешность следующая: за 10 лет – 6%, за 20 лет – 11%, за 30 лет – 15%[2]. Причин такого расхождения довольно много – неравномерно возрастающий уровень урбанизации, трудно прогнозируемые миграционные потоки и т.д. [Keilman, 2019].

Также следует упомянуть про новые инструменты, которые начинают применять для прогноза социально-экономических показателей. Речь пойдет про большие языковые модели, используемые в основном для генерации текста, картинок, видеоклипов и т.д., но появляются статьи, в которых приводятся примеры их практического приложения для прогноза экономических показателей. Один из них – использование большой языковой модели Федеральным резервным банком Сент-Луиса для прогноза индекса потребительских цен. Полученный результат впечатляет – среднеквадратичная ошибка у генеративного трансформера оказалась ниже, чем у стандартных методов [Faria e Castro M., Leibovici F., 2023].

[1] https://www.economist.com/graphic-detail/2018/12/15/gdp-predictions-are-reliable-only-in-the-short-term
[2] National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. 2000. Beyond Six Billion: Forecasting the World's Population. Washington, DC: The National Academies Press. https://doi.org/10.17226/9828.

Другой пример – прогноз ВВП США с использованием модели GPT-4. В качестве исходных данных для трансформера подавались протоколы заседаний ФРС США, содержащие информацию о текущей ситуации в экономической системе. В итоге корреляция между фактическими и прогнозными значениями, полученными большой языковой моделью, практически не отличались от данных консенсус-прогноза экспертов, опрошенных Bloomberg[1].

Языковые модели также использовались для прогнозирования ряда событий, имеющих отношение к экономической сфере[2]. Вот примеры вопросов, на которые отвечали 12 трансформеров, а затем их ответы сопоставлялись с ответами 925 прогнозистов с высокой репутацией из американской системы массового онлайн-прогнозирования Metaculus (в скобках указаны правильные ответы):

– *Будет ли повышена ставка по федеральным фондам США до 14 декабря 2023 года?* (НЕТ)

– *Достигнет ли Биткойн $40 000 до 1 января 2024 года?* (ДА)

А вот примеры вопросов, связанных с политикой:

– *Потеряет ли ХАМАС контроль над сектором Газа до 2024 года? (НЕТ)*

– *Посетит ли Владимир Зеленский Израиль до 2024 года? (НЕТ)*

– *Проведет ли Дональд Трамп хотя бы один час в тюремной камере до 1 января 2024 года? (НЕТ)*

По результатам выяснилось, что процент правильных ответов ансамбля из 12 языковых моделей оказался выше, чем процент от прогнозистов-людей с высоким уровнем репутации. В ряде случаев генеративные трансформеры превосходят финансовых аналитиков в части прогноза изменения доходов. Внедрение цепочек мыслей (chain-of-thought), эффективно «обучающих» модель, позволяет имитировать финансового аналитика – выполнять набор инструкций: вычислять финансовые показатели, выявлять тенденции и т.д. [Kim, Muhn, Nikolaev, 2024]. Потенциал больших языковых моделей еще не раскрыт, а вот смогут ли они заменить традиционные методы моделирования и прогнозирования социально-экономических систем, покажет время.

Заключение

Таким образом, на основании проведенных исследований можно сделать вывод, что в современных условиях происходит существенное изменение позиционирования стран мира, в т.ч. России, в мировой экономической и политической системе. Во многом это изменение является инициированным процессами межстранового противоборства, которое может принимать формы военного конфликта или экономических санкций. В этих условиях чрезвычайно важно обладать прогностическим инструментарием, позволяющим научно обосновать возможные будущие трансформации с тем, чтобы не только подготовиться к ним, но и, по возможности, придать им управляемый характер.

Список источников/References

Faria e Castro M., Leibovici F. (2023). *Artificial Intelligence and Inflation Forecasts.* Federal Reserve Bank of St. Louis Working Paper 2023-015. URL https://doi.org/10.20955/wp.2023.015

[1] https://www.liontrust.co.uk/-/media/liontrust/files/insights/blogs/2023/12/2312-james-dowey-using-large-language-models-to-forecast-us-growth.pdf

[2] https://arxiv.org/pdf/2402.19379 (17 Jun 2024)

Keilman N. (2019). Erroneous Population Forecasts. In: *Old and New Perspectives on Mortality Forecasting* / Bengtsson T., Keilman N. (eds). Demographic Research Monographs. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-05075-7_9

Kim A.G., Muhn M., Nikolaev V.V. (2024). *Financial Statement Analysis with Large Language Models* (May 20, 2024). Chicago Booth Research Paper, Fama-Miller Working Paper, Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=4835311 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4835311

Информация об авторе

Бахтизин Альберт Рауфович
Директор Центрального экономико-математического института РАН, заведующий кафедрой математических методов анализа экономики ЭФ МГУ, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор (117418, РФ, Москва, Нахимовский пр., 47)
E-mail: albert.bakhtizin@gmail.com

Information about the author

Albert R. Bakhtizin
Director of the Central Economics and Mathematics Institute (CEMI) of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Mathematical Analysis Methods of Economy at the Faculty of Economics, MSU, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (47 Nakhimovskiy pr., Moscow, 117418, Russia).
E-mail: albert.bakhtizin@gmail.com

DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-51-69

Шрикант Кондапалли
Школа международных исследований Университета имени Джавахарлала Неру (Индия, Нью-Дели)

ИНДИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ – НА ПУТИ К ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ[1]

Аннотация: являясь второй и пятой по величине экономиками мира, Китай и Индия адаптируются к меняющимся внешним условиям и корректируют свою политику для укрепления национальных экономических систем, а также формирования и комфортного встраивания в многополярный мир. Обе страны запустили реализацию своих долгосрочных стратегических планов, направленных на укрепление внутреннего развития. Китай продвигает инициативу «Сделано в Китае 2025» и курс на «социалистическую модернизацию» к 2049 г., а Индия реализует программы «Vikas» («Развитие») и «Viksit Bharat» («Развитая Индия») к 2047 г. В текущем 14-м пятилетнем плане Китай обозначил приоритет перехода к инновационной модели развития, расставив акценты на технологическом прогрессе и стимулировании внутреннего потребления. Индия продвигает реализацию таких инициатив, как «Сделай в Индии», «Навыки Индии», «Цифровая Индия» и ряд соответствующих стратегических проектов. В современных условиях обе страны проводят масштабные социальные преобразования (в т.ч. в области развития человеческого потенциала, экономики знаний и других направлений). Учитывая вызовы глобализации, Китай и Индия реализуют особую политику социального обеспечения, например, с применением схем «san nong» и «jandhan» (прямые банковские переводы), соответственно. Несмотря на существующие проблемы и препятствия, Китай и Индия уверенно идут по пути социально-экономической трансформации.

Ключевые слова: экономика Индии и Китая, многополярный мир, социальные преобразования, политика благосостояния.

Для цитирования: Кондапалли Ш. (2024). Индийско-китайские экономические ориентиры и направления развития – на пути к четвертой промышленной революции // Ноономика и нооообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 3, № 2. С. 51–69. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-51-69

[1] Статья подготовлена по материалам доклада на 37-й сессии Международного теоретического семинара Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте «Ноономика, модернизация и неолиберализм» (2-3 августа 2024 г., г. Афины, Греция).

Srikanth Kondapalli
School of International Studies, Jawaharlal Nehru University (New Delhi, India)

INDIA-CHINA ECONOMIC DIRECTIONS – TOWARDS FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION

Abstract: As the second and fifth largest economies in the world, China and India have embraced the vicissitudes of world economy and re-adjusting their policies to strengthen their economies as well as to usher in a multipolar world. Both have launched their long-term strategic plans for self-strengthening in Made in China 2025, "socialist modernisation" by 2049 by China and Vikas (Development)/Viksit Bharat (Developed India) 2047 campaigns by India. In its current 14th Five Year Plan, China had announced a shift towards an innovation-driven model, emphasising technological advancements and domestic consumption. India had also launched Make in India, Skill India, Digital India and other plans. Despite challenges, both of these countries are currently experiencing massive social transformations in human resources development, talent generation, industrial growth specifically knowledge economy and other related fields. Both China and India have also been aware of the socio-economic stress that globalisation has set in and hence have undertaken social welfare policies like addressing "san nong", "jandhan" (direct bank transfers) and other schemes. It is argued that, despite problems, the efforts of China and India are transforming the socio-economic fabrics of these countries.
Keywords: India-China economy, Multipolar world, social transformation, welfare policies.

For citation: Kondapalli S. (2024). India-China Economic Directions – Towards Fourth Industrial Revolution. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, Vol. 3, No. 2, pp. 51–69. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-51-69

斯里坎特·孔达帕利
尼赫鲁大学国际关系学院(印度,新德里)

印中经济走向与迈向第四次工业革命

摘要: 作为世界第二和第五大经济体,中国和印度正在适应不断变化的外部条件并调整政策,以加强本国经济体系及塑造并适应多极世界。两国都启动了加强国内发展的长期战略计划。中国正在推进"中国制造 2025"计划和到 2049 年实现"社会主义现代化"的进程,而印度则在追求到 2047 年实现"Vikas(发展)"和"Viksit Bharat(发达印度)"计划。在当前的"十四五"规划中,中国优先考虑向创新发展模式转型,重点关注技术进步和促进国内消费。印度正在推进"印度制造"、"印度技能"、"数字印度"等倡议和一系列相关战略项目。在当前背景下,两国都在进行大规模的社会转型(包括人类发展、知识经济等领域)。考虑到全球化带来的挑战,中印两国都在实施特殊的社会保障政策,如"san nong(三农)"和"jandhan(直接银行转账)"计划。尽管存在问题和阻碍,中印两国仍在稳步推进社会经济转型。
关键词: 印中经济、多极世界、社会转型、福利政策。

引用注释:斯里坎特 · 孔达帕利(2024) 印中经济走向与迈向第四次工业革命//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 3, No. 2, pp. 51–69. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-51-69

Введение

В Индии и Китае проживает практически треть населения Земли, причем в июле 2023 г. Индия заняла первое место в мире по численности населения, обогнав Китай. Оба государства обладают обширными территориями и достаточными для дальнейшего экономического развития ресурсами. В этих странах наблюдается рост среднего класса, обеспечивающего политическую стабильность и внутреннее потребление. Ранее вплоть до XIX века китайская и индийская экономики были крупнейшими в мире, пока в их историю не вмешался колониализм. В течение последних 40 лет Индия и Китай переживают период «великого возрождения», реализуемого посредством глубоких экономических реформ. Будучи еще сравнительно недавно преимущественно аграрными странами, находившимися на доиндустриальном этапе своего развития, Индия и Китай относительно быстро добились впечатляющих успехов, активизировав экономический рост и расширив долю секторов промышленного производства и услуг в национальном ВВП. Обе страны входят во Всемирную торговую организацию (ВТО). Индия стояла у истоков Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), предшествовавшего ее созданию, а Китай стал членом ВТО в 2001 г. Благодаря экономическим реформам и активной интеграции в мировую экономику, Китай и Индия усилили свои позиции и влияние на международной арене. Они создают специальные экономические зоны для развития экспорта, расширяют объемы внешней торговли, привлекают ПИИ, активно внедряют рыночные механизмы, развивают новые технологии.

На XIX съезде КПК в 2017 г. Китай представил долгосрочную стратегию достижения целей «социалистической модернизации» до 2049 г. – к столетию КНР. К этому времени страна должна стать «современной социалистической державой, процветающей, могущественной, демократической, культурно развитой и гармоничной». Ранее сообщалось, что к столетию КПК в 2021 г. будет достигнута задача построения «xiaokang shehui», или «общества малого благоденствия», и победа в борьбе с нищетой. 11 декабря 2023 г. Индия поставила задачу достижения результатов «Viksit Bharat» к 2047 г. – столетию республики. Идея превращения Индии в развитое и прогрессирующее государство «стоит» на четыре столпах – «yuva» (молодежь), «garib» (бедные), «mahila» (женщины) и «kisan» (фермеры) – и охватывает четыре ключевых направления, включающих экономический рост, экологическую устойчивость, социальный прогресс и эффективное управление. По сути, основная цель Китая и Индии заключается в трансформации из «развивающихся» стран в «развитые». Всемирный банк и Программа развития ООН предложили следующие базовые критерии перехода в статус «развитой» экономики: достижение определенного уровня дохода на душу населения (порядка 13 845 долл.) и установленного значения индекса человеческого развития (75 %), соответственно. Дополнительные критерии включают также качество инфраструктуры (включая цифровую и т.д.), уровень индустриализации, качество жизни с системой социальной безопасности, чистоту окружающей среды и т.д. На данный момент некоторые из перечисленных выше показателей Китая и Индии не соответствуют параметрам развитых

стран. К примеру, доход на душу населения в Китае увеличился с 614 долл. в 1950 г. только почти до 12 850 долл. к 2023 г., в то время как в Индии он вырос с 597 долл. в 1950 г. лишь до 2 484 долл. в 2023 г.; Китай занимает 79-е место в мире по ИЧР (при значении 0,77), Индия находится на 132-м месте (при значении 0,63). Кроме того, Китай затрачивает менее 5 % ВВП на здравоохранение и около 3 % – на образование, расходы Индии оцениваются примерно в 3 и 4,5 %, соответственно; ожидаемая продолжительность жизни в Китае составляет 78 лет, в Индии – около 68 лет[1]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что путь к обретению статуса экономически развитой страны для Китая и Индии будет непростым.

Выстраиваемые и непрерывно корректируемые Китаем и Индией с учетом меняющихся условий планы, траектории и модели экономического роста и развития различны и могут послужить важным наглядным примером для других крупных развивающихся стран. В Китае действует особая однопартийная политическая система (при наличии других политических партий), и выстраивается «социалистическая рыночная экономика». Индия же является самой большой демократией в мире с рыночной экономикой и развитым государственным сектором. Централизованная система планирования и пятилетние планы, характерные для Советского Союза, до сих пор применяются в Индии и Китае, хотя и с учетом рыночных правил. Обе страны стали мощными производственными центрами. По данным Всемирного банка, в 2023 г. вклад Китая в мировую экономику оценивается в 4,66 трлн долл. и выводит страну на первое место по объему производства, Индия с 455 млрд долл. располагается на пятом месте. Кроме того, обе страны активно развивают сектор услуг, например, Индия известна как «бэк-офис мира». Обе страны успешно движутся к четвертой промышленной революции и прогрессу в социальном секторе[2].

Далее будут рассмотрены три важных аспекта: пути Китая и Индии в области модернизации своих экономических систем, предпринимаемые для перехода к четвертой промышленной революции шаги и социальные реформы для активизации экономической трансформации и повышения уровня благосостояния населения. В заключение краткого обзора приводится сравнительный анализ и выводы. Несмотря на то, что пути развития Китая и Индии различны и отражают их уникальные особенности, обе страны эффективно работают на рост ВВП и развитие секторов промышленного производства и услуг в процессе перехода к четвертой промышленной революции и цифровизации. Они активно использовали

[1] См. ежегодные оценки Всемирного банка, UNDP и других организаций. См. также: Kochhar S. India 2047 High Income With Equity. Gurugram, OakBridge: 2023; Moritz B., Sanjeev Krishan S. India Rising: Five springboards to developed nation status by 2047. URL: https://www.pwc.com/gx/en/issues/c-suite-insights/publications/india-rising-5-springboards-to-developed-nation-status-by-2047.html; Dollar D., Yiping Huang, Yang Yao (Eds.). China 2049 – Economic Challenges of a Rising Global Power. Brookings Institution, 2020: Angang Hu, Yilong Yan, Xiao Tang, Shenglong Liu. 2050 China – Becoming a Great Modern Socialist Country. Singapore: Springer, 2021.

[2] Существует обширная литература, посвященная сравнению экономики Индии и Китая. См.: Yokokawa N., Ghosh J., Rowthorn R. (Eds.). Industrialization of China and India – Their Impacts on the world economy. London: Routledge, 2013; TP Bhat, Guha A., Paul M. (Eds.). India and China – Trade Complementarities and Competitiveness. New Delhi: Bookwell, 2008; Reddy S. (Ed.). Economic Reforms in India and China – Emerging Issues and Challenges. New Delhi: Sage Publications, 2009; Sharma S.D. China and India in the Age of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2009; D. BH Denoon. The Economic and Strategic rise of China and India – Asian Realignments after the 1997 Asian Financial Crisis. New York: Palgrave Macmillan, 2007; Gupta A.K., Wang H. Getting China and India Right. San Fransisco: Jossey-Bass Books, 2009; Aziz J., Dunaway S., Prasad E. China and India – Learning from Each Other. Washington: IMF, 2006; Kundra A. India China – A Comparative Analysis of FDI Policy and Performance. New Delhi: Academic Foundation, 2009; Xu Yi-chong (Ed.). The Political Economy of State-owned Enterprises in China and India. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2012; Jeffrelot C., P. van der Veer. Patterns of Middle class Consumption in India and China. New Delhi: Sage, 2008.

технологические инновации для совершенствования всеобъемлющей политики социального развития и обеспечения. Несмотря на участие в процессах глобализации, обе страны, будучи «большими» с точки зрения численности населения, площади занимаемой территории и размеров экономики, все-таки делают упор на автономию и многополярность. Хотя, переживая переходный период, Индия и Китай уделяют недостаточно внимания прямому двустороннему сотрудничеству между собой, их сложно назвать агрессивными конкурентами – эти страны просто развиваются параллельно.

Направления развития Китая

Китай занял 2-е место в мире по величине экономики, вытеснив в 2010 г. Японию. Он также является крупнейшим экспортером высокотехнологичной продукции, опередив в 2012 г. Германию. ВВП Китая составляет около 18 трлн долл., КНР является крупнейшим торговым партнером более чем для 120 стран. До пандемии COVID-19 Китай также занимал центральное место в глобальных цепочках создания стоимости. Во многом эта репутация обусловлена активным развитием промышленного сектора, которому изначально способствовал Советский Союз: в 1950-х гг. именно СССР помог создать 156 крупных предприятий для производства продукции гражданского и военного значения. Сегодня Китай известен как «фабрика мира», обеспечивающая товарами внутренний рынок, а также успешно работающая на экспорт. В течение последних 14 лет Китай занимает лидирующие позиции в мировом промышленном секторе. В 2023 г. его промышленное производство с добавленной стоимостью достигло 4,5 трлн долл. Ранее промышленный сектор составлял более 56 % ВВП Китая, к 2023 г. этот показатель был скорректирован и снизился до порядка 38 %. Промышленное производство наряду со строительством, добычей полезных ископаемых и коммунальными услугами обеспечивает значительную долю китайского ВВП. В свою очередь, это привело к постоянно растущему экспорту товаров и импорту сырья. Для сектора промышленного производства требуется все больше железа, стали, алюминия, цемента, химических препаратов, текстиля, электроники и т.п.

Динамика китайского ВВП впечатляет: в 1987 г. он составлял 327 млрд долл., в 1997 г. увеличился до 957 млрд, в 2007 г. – до 3,5 трлн, в 2017 г. – до 12 трлн долл., в 2023 г. достиг 17,6 трлн долл. К 2027 г. ожидается рост ВВП до 22,2 трлн долл.[1]. Хотя в последнее время темпы роста ВВП замедлились до 3-5 % из-за пандемии COVID-19, ухудшения отношений с США, увеличения затрат на рабочую силу и других факторов, стоит отметить, что этот рост в довольно непростых условиях был обеспечен все тем же промышленным сектором, а в последнее время – и сектором услуг. Кроме того, изначально большая часть экспорта приходилась на иностранные компании, финансируемые США, ЕС, Японией, Южной Кореей и другими странами. Однако в последнее время отечественные компании Китая существенно укрепили свои позиции[2]. Если ранее легкая, химическая и нефтехимическая промышленность формировали основу для промышленного сектора, то в последнее время электроника обеспечивает основные статьи китайского экспорта [Baldwin, 2024].

[1] Темпы роста Китая в 1949-1978 гг. оценивались в 5-6 %, а после программы реформ увеличились до 9,6 % за 1980-2023 гг. В случае с Индией темпы роста составляли около 3 % в год в 1950-1979 гг., 5-6 % – в 1980-2004 гг., и около 6-7% – в последнее десятилетие. См.: Chai J.C.H., Roy K.C., Economic Reform in China and India – Development Experience in a Comparative Perspective. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2006.

[2] TCA Ranganathan. Herald D. What really made China the manufacturing superpower? July, 2023. URL: https://www.deccanherald.com/opinion/what-really-made-china-the-manufacturing-superpower-1237398.html.

Китай – признанный лидер среди мировых производителей: на его долю приходится более 40 % выпуска основных видов промышленной продукции (из выделенных 500). Свыше половины мирового производства персональных компьютеров, смартфонов и солнечных батарей обеспечивается КНР[1]. В 2023 г. Китай сделал более 30 млн. транспортных средств, в то время как США и Япония – всего по 10 и 9 млн., соответственно, а Индия – 6 млн[2]. В настоящее время свыше половины мирового выпуска электромобилей приходится на Китай.

Хотя промышленное производство по-прежнему играет важную роль, по мере диверсификации и развития экономики происходит постепенный сдвиг в сторону расширения китайского сектора услуг. В последние годы он переживает бурный рост, увеличивая свой вклад в ВВП на фоне сжатия промышленного сектора. В 2023 г. на сектор услуг приходилось более 54% ВВП Китая с учетом сферы финансов, недвижимости, транспорта, здравоохранения, образования и т.д. В настоящее время этот сектор вносит существенный вклад в создание рабочих мест и стимулирование внутреннего потребления.

С начала программы реформ Китай привлек несколько триллионов прямых иностранных инвестиций (ПИИ), но особенно активный приток отмечается после «южного турне» Дэн Сяопина в 1992 г. В 1990 г. Китай получил лишь 0,4 млрд долл. ПИИ, но уже к 2002 г. этот показатель увеличился до 52,7 млрд, в 2011 г. составил 124 млрд, а к 2021 г. достиг 344 млрд долл. Позднее приток ПИИ сократился [Herrald, 2024]. В целом, совокупные накопленные ПИИ за 2010-2023 гг. составили порядка 1,9 трлн долл. [Min Ye, 2024]. Согласно экспертным оценкам, увеличению притока ПИИ в Китай способствовали обширный внутренний рынок и более тесные международные торговые связи со странами ОЭСР, Индия же привлекает ПИИ благодаря более дешевой рабочей силе и низким рискам финансовых потерь [Wei Wenhui, 2005; Yu Zheng, 2014; Bowles, Harriss, 2010]. Полученные ПИИ были направлены на реализацию производственных и инфраструктурных проектов по всей стране, в промышленность, специальные экономические зоны, на строительство автомобильных и железных дорог, высокоскоростных железнодорожных магистралей, аэропортов, развитие водных путей, оптоволоконных сетей и других объектов. Все это способствовало экономическому росту. Однако в последнее время 70% инвестиций «перетянул на себя» сектор услуг [Textor, 2024].

Четвертая промышленная революция

Китай активно реализует план перехода к четвертой промышленной революции. С 2015 г. он запустил несколько программ, включая «Сделано в Китае 2025» для модернизации производства с акцентом на «инновации, качество, «зеленое» развитие, структурную оптимизацию и поддержку талантов»; «Интернет плюс», ориентированную на интеграцию интернет-технологий в различные отрасли в целях стимулирования экономического роста и инновации; план развития искусственного интеллекта, предусматривающий инвестиции в исследования и т.п. Для реализации этих проектов Китай значительно увеличил финансирование НИОКР, сосредоточившись на таких областях, как искусственный интеллект,

[1] Приведено на основе: China’s manufacturing sector strives to remain competitive amid headwinds. March 11, 2024. URL: http://english.scio.gov.cn/chinavoices/2024-03/11/content_117052667.htm.

[2] См. оценки в: International Organization of Motor Vehicle Manufacturers. URL: https://www.oica.net/category/production-statistics/2023-statistics/.

робототехника и квантовые вычисления, а также 5G как основе для развития интернета вещей и других передовых технологий[1]. Китай также приступил к реализации инициативы «Умный город», используя в комплексе интернет вещей, искусственный интеллект и большие данные для эффективного управления городским хозяйством.

Китай стимулирует переход к развитию высокотехнологичных отраслей, таким как производство электромобилей, полупроводников и развитие аэрокосмической промышленности. Промышленные роботы все чаще используются для автоматизации производственных процессов и повышения их эффективности. Китай также прилагает усилия по трансформации традиционных отраслей с помощью цифровых технологий для усиления их конкурентоспособности. Страна активно инвестирует в развитие STEM-образования (включая естественные науки, технологии, инженерию, математику), чтобы в будущем обеспечить себя квалифицированными кадрами. В целях привлечения талантливых специалистов со всего мира, Китай также разработал соответствующую систему стимулирования.

Перечисленные шаги в направлении четвертой промышленной революции ускорились в рамках реализации 14-го пятилетнего плана (2021-2025 гг.)[2]. Прежде всего, Китай намерен стать «производственной сверхдержавой» (制造强国). Уже сейчас по производству более чем 200 видов промышленной продукции КНР занимает первое место в мире. Китай заявил, что будет реализовывать «проекты и развивать высокотехнологичное, интеллектуальное (智能化) и «зеленое» производство, а также разрабатывать новые производственные модели, ориентированные на сферу услуг». КНР собирается «совершенствовать систему передовых производственных кластеров и способствовать инновационному развитию производства интегральных схем, промышленного, медицинского, судового и железнодорожного оборудования, а также аэрокосмической промышленности, робототехники, высокотехнологичного станкостроения с числовым программным управлением (ЧПУ) и т.п.»[3]. Кроме того, Китай нацелен на укрепление статуса «локомотива качества» (质 量强国, quality powerhouse) посредством развития инноваций, управления и эффективного создания бренда. Было отмечено, что прямые потери сектора промышленного производства страны из-за проблем с качеством продукции превышают 170 млрд долл. в год, причем в больших количествах расходуются ресурсы и энергия, загрязняется окружающая среда. Еще одно очень важное направление преобразований – «наращивание кибернетической мощи» (网络强国) Китая путем многоаспектной цифровой трансформации. Китай занял лидирующие позиции в этой сфере: почти 3,5 млн базовых станций 5G охватывают основные города и районы[4]. Сегодня цифровая индустрия составляет 7% ВВП Китая. Однако ограничения, введенные США в отношении Huawei, ZTE и других китайских компаний, привели к тому, что в КНР усилилась ориентация на внутренний рынок и создание инноваций. Китай также ориентирован на превращение в научно-технический и технологический центр (科技强国), чему

[1] С 2017 г. Китай демонстрирует высокие показатели в области инноваций, увеличив их на 28,2 п.п. и,обогнав Японию, хотя и уступая Южной Корее, США, Канаде и Австралии. См.: European Innovation Scorecard 2024. Brussels: EU, 2024. P. 9.

[2] См. «十四五 国家信息化规划» [14th Five-Year Plan for National Informatization]. December 2021. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-12/28/5664873/files/1760823a103e4d75ac681564fe481af4.pdf.

[3] Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035. Xinhua. March 12, 2021. URL:https://perma.cc/73AK-BUW2.

[4] Это по сравнению с 460 тыс. базовыми станциями в Европе, 307 тыс. в Южной Корее, 175 тыс. в США и 146 тыс. в Японии, согласно данным European 5G Observatory statistics.

способствуют разработки суперкомпьютеров серии «Тяньхэ» и движение по пути достижения «квантового превосходства».

В этом контексте на Третьем пленуме XX съезда КПК в июле 2024 года вновь была подчеркнута необходимость «всестороннего углубления реформ» и объявлен курс на «совершенствование механизмов стимулирования высококачественного развития и создание новых драйверов роста. Мы намерены улучшать институты и механизмы для формирования качественно новых производительных сил с учетом местных условий, содействовать полной интеграции реальной и цифровой экономики, развивать сектор услуг, модернизировать инфраструктуру, а также повышать устойчивость и безопасность промышленных и производственно-сбытовых цепочек»[1].

Хотя Китай добился значительных успехов на пути к четвертой промышленной революции, он также сталкивается с рядом проблем. Прежде всего, учитывая усиление зависимости и уязвимости КНР вследствие глобализации, ограничения на продажу полупроводников со стороны США и на экспорт электромобилей, солнечных батарей и стали – со стороны ЕС – не только сдерживают, но и существенно ослабляют положительный эффект от перехода к четвертой промышленной революции. Кроме того, КНР сталкивается с недостатком собственных технологических инноваций и необходимостью совершенствования методов защиты прав интеллектуальной собственности для их развития[2].

Социальный сектор

Известно, что инвестиции в социальный сектор способствуют повышению темпов экономического роста. Китай добился значительных успехов в развитии своего социального сектора, в частности сфер образования, здравоохранения, борьбы с бедностью и социального обеспечения [Jianguo Gao, Baikady, Govindappa, 2020; Nakray, Zhang Yi, Clammer, Wenjuan Zhang, 2022]. В рамках достижения стратегической цели построения «общества малого благоденствия» («well-off society») к столетию КПК Китай проводил политику, направленную на избавление миллионов людей от бедности посредством развития инфраструктуры, создания рабочих мест, переселения и прочих мер. Одним из главных направлений кампании по борьбе с бедностью стало возрождение сельских районов с акцентом на развитие образования и здравоохранения, сокращение неравенства между сельскими и городскими районами, улучшение условий жизни в сельской местности[3].

Когда Китай начал проводить политику реформ и открытости, около 770 млн человек в сельской местности (т.е. примерно 97,5 % сельского населения) находились за чертой бедности. Согласно официальным отчетам Китая, более 700 млн человек избавились от бедности, что составляет более 70 % общемирового сокращения бедности. Отмечалось, что Си Цзиньпин назвал программы по борьбе с бедностью приоритетными и обозначил «единую цель и пять основных задач»: снижение уровня бедности как ключевой ориентир социально-ориентированной политики в качестве единой цели, а инновации, координа-

[1] Communiqué of the Third Plenary Session of the 20th Central Committee of the Communist Party of China. CGTN. July 18, 2024. URL: https://news.cgtn.com/news/2024-07-18/Full-text-Communique-of-3rd-plenum-of-20th-CPC-Central-Committee-1vlbk42sCyI/p.html.

[2] Для сравнения см.: Irwin Crookes P.C. Intellectual Property Regime Evolution in China and India – Technological, Political and Social Drivers of Change. Leiden: Brill, 2010.

[3] Для сравнения см.: AS Bhalla, Dan Luo, Poverty and Exclusion of Minorities in China and India. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2013.

цию, экологичность, открытость и совместное использование – в числе пяти основных положений[1]. В 2014 г. Китай определил 832 района (в фокусе Тибет, Цинхай, Ганьсу, Сычуань, Юньнань и Гуйчжоу) для целенаправленной борьбы с бедностью[2]. Согласно 13-му пятилетнему плану (2016-2020 гг.), Китай стремился к ликвидации абсолютной бедности к 2020 г.; по оценкам, за 2013-2016 гг. свыше 55,6 млн китайских сельских жителей были выведены из бедности[3]. Отмечалась самоотверженная работа более 255 тыс. сельских рабочих групп и 2 млн городских кадров и членов партии, которые помогли вырваться из нищеты 98,99 млн человек в сельской местности. Интересен комментарий: «Если Китай сможет выиграть борьбу с бедностью и стабилизировать экономику, он добьется цели построения общества средней зажиточности» [Omoruyi, 2018]. 4 декабря 2020 г. и 25 февраля 2021 г. Председатель КНР Си Цзиньпин объявил о «полной победе» над абсолютной бедностью, хотя, по другим оценкам, в Китае по-прежнему живут в нищете более 200 млн человек[4]. Очевидна разница в методологии оценки. По данным Всемирного банка, национальный доход на душу населения в Китае в 2019 г. составил около 10 410 долл., в то время как Национальное бюро статистики КНР оценило располагаемый доход на душу населения для сельских домохозяйств в 16 021 юаней (2 440 долл.) и в 42 359 юаней (6 450 долл.) – в городских районах [Westcott, 2020]. Причем в мае 2020 г. премьер Ли Кэцян на сессии Всекитайского собрания народных представителей отметил, что «располагаемый доход на душу населения в Китае составляет 30 тыс. юаней. Но еще около 600 млн человек получают средний или низкий доход. Их доход составляет всего 1тыс. юаней (около 140 долл.) в месяц»[5]. Более того, черта бедности в Китае, «проводимая» по планке в 2,3 тыс. юаней (339,7 долл.) в год по ценам 2010 г. (или 0,93 долл./день), отличается от «порогового значения» Всемирного банка (1,90 долл./день по ППС 2011 г.). В китайских программах по борьбе с бедностью упомянуты данные по сельскому населению, а не общенациональная статистика. Кроме того, хотя Китай и добился прогресса в борьбе с крайней нищетой и абсолютной бедностью, низкие доходы и невысокий уровень жизни сохраняются у значительной доли населения[6].

[1] См.: Lei Ming. 论习近平扶贫攻坚战略思想" [On Xi Jinping's strategic thought for poverty alleviation] 南京农业大学学报(社会科学版) [Journal of Nanjing Agricultural University(Social Sciences Edition)]. August 2018. No. 1, pp. 1-11. Автор упоминает о ежегодном сокращении бедности более чем на 14 млн человек с 2016 г.

[2] См.: State Council Leading Group Office of Poverty Alleviation and Development. 832个国家贫困县历年摘帽名单" [List of 832 poor counties in the country]. URL:http://www.cpad.gov.cn/art/2020/10/16/art_343_1140.html.

[3] См.: Challenges, goals and proposals from China's ruling party plenum communiqué. CGTN. October 30, 2020. URL: https://news.cgtn.com/news/2020-10-29/19th-CPC-Central-Committee-concludes-fifth-plenary-session-UZ8ZC4kHhm/index.html; Rabi Sankar Bosu. Xi leading China to a well-off society // China Daily. September 25, 2017. URL:http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2017-09/25/content_32453376.htm.

[4] См.: China's bid to eradicate poverty: What has been achieved? // The Japan Times. February 24, 2021. URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2021/02/24/asia-pacific/china-poverty-achievements/; Shapiro R.A., Lin A. How China achieved its poverty alleviation goal by seasoning its 'stone soup' strategy // South China Morning Post. March 15, 2021. URL: https://scmp.com/comment/opinion/article/3125222/how-china-achieved-its-poverty-alleviation-goal-seasoning-its-stone.

[5] The State Council of the PRC. Premier Li Keqiang Meets the Press: Full Transcript of Questions and Answers. May 29, 2020. URL: http://english.www.gov.cn/premier/news/202005/29/content_WS5ed058d2c6d0b3f0e9498f21.html.

[6] См.: China Power Team. Is China succeeding at eradicating poverty? // China Power. October 23, 2020. URL: https://chinapower.csis.org/poverty/; Yuen Yuen Ang. How China Escaped the Poverty Trap. Ithaca: Cornell University Press, 2016; Hu Ping. 中国脱贫率世界第一是因为中国造贫率世界第一 —写在辞旧迎新之际 [China's rate of poverty alleviation is the highest in the world because China's poverty rate is the highest in the world – Written on the occasion of leaving the old and welcoming the new]. December 31, 2020. URL: https://www.rfa.org/mandarin/pinglun/huping/hp-12312020145247.html; China's "all-round well-off society" an inspiration for whole world. Xinhua. October 3, 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-10/03/c_136656535.htm.

Второе направление развития – сфера образования. В Китае практически все получают начальное и среднее образование, а уровень грамотности населения в возрасте 15 лет и старше составляет 97,15%. Китай ввел бесплатное обязательное образование, сделал упор на профессиональное обучение для подготовки квалифицированных кадров, сформировал сеть из 3 074 вузов. В китайских ВУЗах обучается более 47 млн студентов. Китай уделяет особое внимание STEM-образованию для стимулирования экономического роста и инноваций. Однако, несмотря на прогресс в данной сфере, проблема неравенства между городом и деревней сказывается и на эффективности работы китайских учебных заведений, ориентирующихся не на качество, а на количество.

Третье важное направление – здравоохранение. В Китае практически все население (городское и сельское) охвачено базовым медицинским страхованием. Кроме того, государство поддерживает семьи с низким уровнем дохода, выделяя субсидии на медицинское обслуживание. Китай может похвастаться разработанной в 1950-х гг. децентрализованной программой «Босоногий доктор» с шестимесячной продолжительностью базового обучения. В 2009 г. был представлен Первый пятилетний план реформы здравоохранения. Благодаря повышенному вниманию к данной сфере ожидаемая продолжительность жизни в Китае выросла с 41 года в 1950 г. до 78,2 лет, а коэффициент младенческой смертности за аналогичный период времени снизился с 195 до менее чем 13. Однако уровень рождаемости снизился с 5 в 1950 г. до менее 1,1 в 2022 г., что намного ниже коэффициента воспроизводства населения (равного 2,1), что заставляет задуматься о негативных последствиях старения населения Китая. Растущие расходы на здравоохранение, нехватка больниц в сельской местности, перенаселенность городских центров, некачественные лекарства и другие проблемы встают перед системой здравоохранения Китая[1]. Кроме того, она столкнулась с серьезными вызовами из-за распространения атипичной пневмонии в 2003 г. и вируса COVID-19 в конце 2019 г. Здравоохранение, совместно со сферой образования и социального обеспечения, образует «три новые вершины» – модели, созданной по старому образцу «трех больших гор» (империализма, феодализма и бюрократического капитализма), использованному КПК для свержения власти Гоминьдана.

Четвертая направление – система социального обеспечения, значительно расширившаяся и охватившая большинство районов Китая. Помимо пенсионной системы, она включает в себя финансовую поддержку безработных, страхование от производственных травм, медицинское страхование, страхование материнства, субсидии на недвижимость и т.п. Однако в связи с быстрым старением населения, коррупцией, региональным социальным неравенством и иными факторами, пенсионные программы находятся под угрозой.

Направления развития Индии

Сегодня Индия – самая быстрорастущая крупная (пятая по масштабам) экономика мира, стремящаяся выйти на третье место в текущем десятилетии. Средний возраст населения Индии составляет около 27 лет, в то время как в Китае – 38 лет. Помимо демографических преимуществ, Индия характеризуется стабильным политическим курсом

[1] Для сравнения см.: Catherine Yuk-Ping Loю HIV/AIDS in China and India Governing Health Security. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2015.

и обстановкой, масштабным внутренним спросом (более 400 млн потребителей)[1], наличием долго работающей фондовой биржи, преодолевшей за свою 150-летнюю историю множество потрясений и утвердившейся в 2024 г. на четвертом месте в мире по капитализации (потеснив в соответствующем рейтинге Гонконг), ростом экспорта, притока ПИИ и активным внедрением технологий. В этой стране насчитывается более 127 тыс. стартапов, развиваются инновации в различных сферах. ВВП Индии в 1987 г. составлял около 283 млрд долл., в 1997 г. увеличился до 423 млрд, в 2007 г. – 1,2 трлн, в 2017 г. – 2,6 трлн; он достиг 3,5 трлн долл. в 2023 г., а к 2027 г. ожидается рост анализируемого показателя до 5,2 трлн долл.

В настоящее время доля промышленного сектора в ВВП Индии составляет около 17 %, но в рамках реализации инициативы «Сделай в Индии» к 2025 г. планируется увеличить эту долю до 25 %. Ожидается, что к 2025 г. его вклад в экономику составит около 1 трлн долл., главным образом, за счет развития электроники, автомобилестроения и прочего. В этом секторе занято более 27 млн человек, и Индия стремится увеличить данный показатель более чем в три раза. Индекс деловой активности (PMI) Индии, рассчитанный с учетом заказов, уровня запасов, показателей производства, поставок и условий занятости, в среднем за 2012-2024 гг. оценивается в 52,2 п. и в 2023 г. – в 55,6 п. Для сравнения, PMI Китая продемонстрировал в 2011–2024 гг. 50,11 п., а в 2023 г. – примерно 49,8 п.[2]. Упомянутый индекс PMI является индикатором роста обрабатывающей промышленности, и приведенные выше данные отражают высокие результаты Индии.

В целях укрепления роли промышленного сектора, Индия запустила ряд программ. Помимо программы «Сделай в Индии», реализуемой с сентября 2014 г., в 2022 г. вводится схема стимулирования производства (Production Linked Incentive, PLI). Она направлена на развитие «ядра» сектора промышленного производства промышленного сектора и повышение уровня его развития с учетом международных стандартов. Она охватывает 14 ключевых отраслей и сфер, предполагает выделение около 26 млрд долл. В таких областях, как производство лекарств и фармацевтических препаратов (+46%), пищевая промышленность (+26 %) и медицинское оборудование (+91%) отмечено расширение притока ПИИ[3]. Кроме того, в целях стимулирования развития шести новых сфер предполагается выделение 2,2 млрд долл. на развитие производства продукции химической промышленности, морских контейнеров, компонентов вакцин и т.п. Благодаря схеме PLI, привлекаемые за счет получения льгот в размере 3-5 % от увеличения стоимости продаж компании (такие, как Foxconn, Pegatron, Rising Star, Samsung и Wistron) постепенно формируют мощную произ-

[1] По оценкам экспертом, к 2030 г. индийский средний класс будет занимать второе место в мировом потреблении (с долей в 17%). См.: Manufacturing sector in India. URL: https://www.ibef.org/industry/manufacturing-sector-india; для сравнения демографических показателей, см.: Guilmoto C.Z., Jones G.W. (Eds.). Contemporary Demographic Transformations in China, India and Indonesia. Heidelberg: Springer, 2016; Mahadevan K., Chihsien Tuan, Jingyuan Yu, Sumangala M. Differential Development and Demographic Dilemma – Perspectives from China and India. Delhi: Neeraj Publishing, 2008.

[2] India's manufacturing PMI. URL: https://www.fxempire.com/macro/india/manufacturing-pmi; China Manufacturing Purchasing Managers Index (PMI). URL: https://www.investing.com/economic-calendar/chinese-manufacturing-pmi-594. Исследование динамики развития промышленности и результаты сравнительного анализа см.: Ohara M., Vijayabaskar M., Hong Lin. Industrial Dynamics in China and India - Firms, Clusters, and Different Growth Paths. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2011.

[3] Press Information Bureau. PLI Schemes contribute to increase in production, employment generation, and economic growth. June 13, 2023. URL: https://pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=1932051.

водственную базу Индии[1]. Индия также инициировала введение налога на товары и услуги (Goods and Services Tax, GST) для совершенствования системы налогообложения, которая ранее затрудняла их движение в рамках страны.

Перед Индией также стоят задачи улучшения инфраструктуры, профессионального развития и привлечения инвестиций. В отличие от Китая она делает упор на сектор услуг, обеспечивающий более 56% ВВП и являющийся «локомотивом экономического роста» на протяжении нескольких десятилетий. В секторе услуг особенно заметную роль в сыграли IT, финансы, аутсорсинг бизнес-процессов и знаний.

В последнее десятилетие приток ПИИ в Индию значительно расширился благодаря созданию и постоянному развитию комфортной среды для ведения бизнеса (63 место из 190 в соответствующем рейтинге) и реализации мер по привлечения инвестиции[2]. Если в 2004 г. он составлял около 4 млрд долл., то за период 2012-2024 гг. совокупные ПИИ оцениваются более чем в 778 млрд долл. В 2022 г. приток ПИИ в промышленное производство увеличился на 76 %.

В последнее время расходы Индии на инфраструктурные проекты значительно возросли, что поспособствует дальнейшему экономическому росту страны. Считается, что каждая вложенная в инфраструктуру рупия приносит стране 3 дополнительных рупии. И наоборот, более 10-20% затрат в секторе промышленного производства связано с качеством инфраструктуры. Инфраструктурные активы Индии оцениваются более чем в 16 трлн. долл. В 2020-2021 гг. темпы строительства автомагистралей достигли впечатляющего уровня – 37 км/день. Сеть автомобильных дорог национального значения расширилась на 60 % (с 91 287 км в 2014 г. до 146 145 км к 2023 г.), протяженность автомагистралей, находящихся в ведении штатов, составила 179 535 км, общая же протяженность автодорог Индии (с учетом иных объектов инфраструктуры) оценивается в 6 545 403 км. В рамках программы «Pradhan Mantri Sadak Yojana» и других инициатив в Индии было завершено строительство 755 000 км сельских дорог. Для повышения эффективности движения товаров и услуг Индия запустила проект развития экономических коридоров «Bharatmala Pariyojana», по которому 20 из 25 высокоскоростных коридоров по типу Greenfield были успешно завершены. В 2020 г. свыше 25 трлн пассажиров воспользовались автомобильным транспортом (в расчете на километр). Сегодня Индия занимает 4-е место в мире по величине сети железных дорог при наличии 23 тыс. поездов с пассажиропотоком в 24 млн чел./день и грузопотоком в 203 млн т. Электрифицировано 61 508 км железнодорожных путей, запущено свыше 100 поездов «Vande Bharat», проводится модернизация вокзалов, более чем в 21 городе появилось метро протяженностью около 1тыс. км. Однако, в отличие от Китая, имеющего свыше 40 тыс. км высокоскоростных железных дорог, в Индии таковых нет. В последнее время активно развивается авиационный транспорт. Было открыто более 500 новых авиамаршрутов, введены в эксплуатацию 158 и построены 84 новых аэропорта, способствовало повышению транспортной доступности и мобильности населения (эти меры позволили предоставить услуги более чем 152 млн. чел. в 2023 г.). Список национальных водных путей Индии включает

[1] Mobile phone manufacturing jumps 21 times to Rs 4.1 trn in 10 yrs: ICEA. Business Standard. March 10, 2024. URL: https://www.business-standard.com/industry/news/mobile-phone-manufacturing-jumps-21-times-to-rs-4-1-trn-in-10-yrs-icea-124031000300_1.html.

[2] См.: Department for Promotion of Industry and Internal Trade. FDI Statistics. URL: https://dpiit.gov.in/publications/fdi-statistics; Press Information Bureau. India gets the highest annual FDI inflow of USD 83.57 billion in FY21-22. May 20, 2022. URL: https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1826946.

более ста позиций. Страна запустила программу «Sagarmala», направленную на развитие ряда портов, сокращение издержек на логистику, профессиональное развитие и ускорение экономического роста. В рамках этой программы Индия инвестировала 77 млрд долл. в более чем 800 проектов, 250 из которых были завершены[1]. Наряду с развитием внутреннего водного транспорта и путей Индия заинтересована в международном сотрудничестве в данной сфере, включая участие в таких инфраструктурных проектах и инициативах, как Международный транспортный коридор Север-Юг, Build Back Better World, коридор «Индия – Ближний Восток – Европа», Chahbahar и Sabang и т.п.

Четвертая промышленная революция

В рамках перехода к четвертой промышленной революции Индия приняла ряд мер, включая направленную на стимулирование производства инициативу «Сделай в Индии». Ориентированная прежде всего на традиционные отрасли и сферы, она также предполагает развитие новых технологий и концепции «умного» производства. Проект «Цифровая Индия» направлен на формирование цифрового общества и трансформацию национальной экономики в экономику знаний. Он предполагает создание и внедрение цифровой инфраструктуры и электронного управления, повышение цифровой грамотности и расширение цифровых возможностей. Особое внимание уделяется области развивающихся технологий и реализации «Start-up India». Ожидается, что благодаря цифровой общественной инфраструктуре (Digital Public Infrastructures, DPI) с учетом системы идентификации Aadhar, единого платежного интерфейса UPI, отрывающего возможности для платежей в режиме реального времени и обмена данными, к 2030 г. индийская цифровая экономика расширится до 1 трлн долл. К апрелю 2024 г. в Индии насчитывалось свыше 127 тыс. стартапов, что позволит ей занять 5-е место в мире после США, Великобритании, Канады и Израиля [Wilson, 2024]. В 2023 г. вклад индийской ИТ-индустрии составил примерно 254 млрд долл. (китайской – около 1,7 трлн долл.)[2]. Рынок робототехники Индии оценивается в 531 млн долл. (в КНР – в 6,2 млрд долл.). Индия также представила концепцию развития ИИ в своей Национальной стратегии (и политике) в области искусственного интеллекта, сосредоточив внимание на исследованиях, разработке и внедрении этих передовых технологий. Была начата новая национальная образовательная политика, в которой основное внимание уделяется STEM-обучению, развитию навыков, цифровой грамотности и подготовке будущих кадров.

Помимо вышеупомянутой физической инфраструктурной трансформации, особое внимание в Индии уделяется развитию цифровой инфраструктуры (в частности, широкополосной связи, оптоволоконным сетям и центрам обработки данных). В рамках инициативы Skill India mission по схеме «Pradhan Mantri Kaushal Vikas Yojana» (PMKVY) с 2015 г. прошли обучение свыше 14 млн человек. Индия также приступила к реализации проекта «Миссия умных городов» (Smart Cities Mission) с идеей внедрения интернета вещей, искусственного интеллекта и больших данных для эффективного управления городским хозяйством. Кро-

[1] Press Information Bureau. 10 Years of Infrastructure Development. March 14, 2024. URL: https://static.pib.gov.in/WriteReadData/specificdocs/documents/2024/mar/doc2024315324501.pdf.

[2] О роли Индии и Китая в IT-секторе и сегменте программного обеспечения см.: Mcmanus J., Mingzhi Li, Moitra D. China and India: Opportunities and Threats for the Global Software Industry. Oxford: Chandos, 2007. См. также: Franda M. China and India Online - Information Technology Politics and Diplomacy in the World's Two Largest Nations. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2002; Gregory N., Nollen S., Tenev S. New Industries from New Places - The Emergence of the Software and Hardware Industries in China and India. Washington, D.C. Stanford, 2009.

ме того, опираясь на развитый сегмент аутсорсинга бизнес-процессов (BPO), на который приходится порядка 56% глобальных операций, и ИТ-услуг, Индия стремится к адаптации технологий искусственного интеллекта, машинного обучения, блокчейн, облачных вычислений, биотехнологий и т.п.

Хотя на долю Индии приходится всего пока 4% мирового рынка электроники (оцениваемого примерно в 4 трлн долл.), электронная промышленность этой страны демонстрирует довольно высокие темпы развития, учитывая рост производства с 48 млрд долл. в 2017 г. до 155 млрд долл. в 2023 г. Благодаря принятой в мае 2017 г. программе поэтапного производства (Phased Manufacturing Programme) доля отечественных мобильных телефонов в совокупном объеме индийской электронной продукции увеличилась до 43%, что позволило существенно снизить их импорт. Экспорт мобильных телефонов в 2023-2024 гг. оценивается в 15 млрд долл.: продемонстрировав 42%-й рост, он стал четвертой по величине статьей совокупного экспорта Индии. Для преодоления ограничений в сфере проектирования и производства компонентов, Индии необходимо инвестировать в НИОКР, а также развивать стратегическое партнерство с мировыми технологическими лидерами. Чтобы увеличить объем производства электроники до 500 млрд долл. к 2030 г., Индия подготовила ряд инициатив. В рамках упомянутой выше схемы PLI на производство полупроводников было выделено 9,7 млрд долл. В апреле 2021 г. компания Samsung начала производство панелей для мобильных устройств на заводе в Нойде недалеко от Дели. Руководство компании приняло решение перенести завод из Китая в Индию (штат Уттар-Прадеш), инвестировав 650 млн долл. К 2025 г. Индия также намерена увеличить производство ноутбуков и планшетов до 100 млрд долл.[1]. Согласно экспертным оценкам, индийский рынок дисплейных панелей расширится с 7 млрд долл. в 2021 г. до 15 млрд долл. в 2025 г. В августе 2021 г. компания Wistron-Optiemus Electronics приступила к созданию центров по производству смартфонов и ноутбуков. В апреле 2021 г. Bharti Electronics и Dixon Technologies начали сотрудничество в области создания и развития телекоммуникационных и сетевых продуктов. Foxconn и Vedanta заключили соглашение в июле 2023 г. Компания Foxconn уже инвестировала 2,7 млрд долл. и получила около 10 млрд долл. дохода от своих индийских заводов. В феврале 2024 г. Индия разрешила строительство трех полупроводниковых заводов в штатах Гуджарат и Ассам с участием компаний Tata, Test и CG Power на общую сумму в 15 млрд долл. Хотя Индия добилась значительных успехов в области четвертой промышленной революции, все еще сохраняются такие проблемы, как «цифровой разрыв», дефицит профессиональных навыков и несовершенство инфраструктуры. Чистая вода, бесперебойное электроснабжение, устойчивая электронная экосистема и другие факторы значимы для развития полупроводниковой промышленности. Показательно, что Китай смог значительно продвинуться в данном направлении, несмотря на ухудшение отношений с США.

Социальный сектор

Стремление Индии к скорейшему переходу к четвертой промышленной революции продиктованы успехами в развитии социального сектора. Был запущен комплекс мер для решения таких социальных проблем, как бедность, неравенство и ограниченный доступ к базовым услугам. Индия добилась значительных успехов в борьбе с бедностью. За по-

[1] NITI Ayog. Electronics – Powering India's Participation in Global Value Chains. July 2024. URL: https://www.niti.gov.in/sites/default/files/2024-07/GVC%20Report_Updated_Final_11zon.pdf.

следнее десятилетие доля населения Индии, живущего в условиях так называемой многомерной бедности, сократилась с 24,9 % до 14,9 %. За 2005-2021 гг. удалось уменьшить число бедных на 415 млн человек[1]. Согласно отчету по глобальному индексу многомерной бедности, ее уровень снизился с 55 % (645 млн человек) в 2005-2006 гг. до 16 % (230 млн человек) в 2019-2021 гг. Причем в Индии количество людей, относимых к категории бедных и обездоленных, сократилось с 44 % в 2005-2006 гг. до 12 % в 2019-2021 гг., детская смертность снизилась с 4 до 1,5 %. Уменьшилось количество людей, лишенных базовых благ: доступа к «чистым» видам топлива для приготовления пищи – с 53 % до 14 %, нормальных санитарных условий – с 50 % до 11,3 %, доступа к питьевой воде – с 16 % до 3 %, доступа к электричеству – с 29 % до 2 %, нормальных условий проживания – с 44 % до 14 %[2]. Индия инициировала ряд программ и мер, направленных на борьбу с бедностью. В частности, в 2005 г. был принят Национальный закон о гарантиях занятости в сельской местности им. Махатмы Ганди (MGNREGA) для предоставления возможности сельским жителям получить оплачиваемую работу сроком на сто дней[3]. Другая инициатива – Pradhan Mantri Awas Yojana (PMAY) – предусматривает финансовую помощь бездомным, живущим за чертой бедности. В Индии существует нехватка жилья: в сельской местности – более 20 млн, в городских центрах – свыше 3 млн. Согласно статистике *PMAY*, на строительство более 8 млн домов было потрачено 29 млрд долл., что позволило лишь на четверть удовлетворить реальный спрос на жилье[4]. Еще одной важной мерой по борьбе с бедностью является Закон о национальной продовольственной безопасности 2013 г. (National Food Security Act, NFSA), принятый в целях обеспечения продовольственными субсидиями 75 % сельского и 50 % городского населения. Его действие охватило более 800 млн человек, в том числе, посредством программ развития детей, обеспечение обедов в школах, прямых выплат пособий и т.п.[5].

В сфере образования перед Индией также стоит довольно сложная задача – повысить уровень грамотности населения, находящийся 77 %-й отметке. Для этого были запущены три основные меры: 1) программа «Sarva Shiksha Abhiyan», направленная на обеспечение всеобщего начального образования более чем для 192 млн детей; 2) с учетом высокого уровня выбытия детей из начальной и средней школы в Индии введена Схема (программа) полуденного школьного питания, нацеленная на решение проблемы голода и недоедания и позволяющая полноценно работать в течение учебного дня; 3) Закон о праве на бесплатное и обязательное образование детей в возрасте от 6 до 14 лет.

Еще одна сложнейшая задача, стоящая перед Индией – обеспечение медицинского обслуживания для 1,4 млрд человек. Многие родители в стране мечтают, чтобы их дети стали врачами. Поскольку имеющихся медицинских учебных заведений недостаточно для удовлетворения столь масштабного спроса на образование, сотни тысяч индийцев обучаются

[1] National Multidimensional Poverty Index – A Progress Review 2023. UNDP. July 18, 2023. URL: https://www.undp.org/india/publications/national-multidimensional-poverty-index-progress-review-2023.

[2] Приведено на основе: 415 million people exited poverty in India in 15 years – UN Report // The Times of India. July 16, 2023. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/india/415-million-people-exited-poverty-in-india-in-15-years-un-report/articleshow/101678289.cms.

[3] Mahatma Gandhi National Rural Employment Guarantee Act. URL: https://nrega.nic.in/MGNREGA_new/Nrega_home.aspx.

[4] См.: Ministry of Housing and Urban Affairs website. URL: https://pmaymis.gov.in/; Tikender Singh Panwar. An overview of the PMAY-U scheme – Explained // The Hindu. April 23, 2024. URL: https://www.thehindu.com/news/national/an-overview-of-the-pmay-u-scheme-explained/article68099465.ece.

[5] См.: National Food Security Act 2013. URL: https://nfsa.gov.in/portal/nfsa-act.

за границей, в том числе, в Китае, России и других странах постсоветского пространства. Индия специализируется на подготовке медицинского персонала: сотни тысяч медсестер из южного штата Керала работают в Западной Азии и других регионах мира. По оценкам экспертов, в Индии на 1тыс. человек приходится менее 2 медсестер, а соотношение врачей и пациентам составляет 1:1500 по всей стране. Ожидается, что к 2025 г. рынок здравоохранения Индии, на котором занято около 7,5 млн человек, вырастет до 600 млрд долл. Государственные расходы на здравоохранение составляют примерно 2% ВВП, при этом порядка 10 млрд долл. выделяется Министерству здравоохранения и поддержки семьи Индии[1]. Фармацевтическая промышленность Индии, предоставляющая быстродействующие лекарственные препараты, известна во всем мире. Особую роль она сыграла во время пандемии COVID-19, обеспечив производство бесплатных вакцин. Несмотря на то, что вирус возник не в Индии, страна быстро развернула программу-схему безвозмездной помощи по поставке вакцин «Vaccine Maitri» для целого ряда государств. 17 июля 2024 г. Индия и Маврикий открыли «Jan Aushadhi Kendra» («народные аптеки») для поставки лекарств по доступным ценам. Объем производства индийской фармацевтической промышленности, составляющий около 50 млрд долл., планируется увеличить к 2030 г. до 130 млрд долл. Сфера медицинского туризма Индии привлекает порядка 2 млн человек из 78 стран и оценивается в 9 млрд долл. по состоянию на 2022 г. В сфере здравоохранения Индия также запустила ряд инициатив: например, «Ayushman Bharat» в области медицинского страхования, реализацию Национальной миссии здравоохранения, (направленной на улучшение здоровья матери и ребенка, подростков), «Jan Aushadhi Kendras» для распространения лекарств по доступным ценам.

В Индии также были введены меры социального обеспечения, сопряженные с гендерными вопросами, например, «Beti Bachao, Beti Padhao» («Спаси дочь, обучи дочь») 2015 г., в том числе для решения проблемы абортов, борьбы с гендерными предрассудками и неравенством, содействия образованию девочек; «Mahila Shakti Kendra» для расширения возможностей профессиональной реализации женщин; Национальная миссия по обеспечению средств к существованию в сельских районах (NRLM) для поощрения групп самопомощи. Об эффективности этих мер свидетельствует, в частности, постепенное увеличение с 2017 г. доли женщин, занятых в сельском хозяйстве. Однако, согласно отчетам об их реализации, имеют место случаи нецелевого использования выделенных средств и коррупция[2].

Индийские меры в области социального обеспечения включают реализацию таких инициатив, как «Pradhan Mantri Jan Dhan Yojana» с 2014 г., нацеленную на повышение финансовой доступности посредством прямых денежных переводов на банковские счета целевых групп населения; Национальную пенсионную программу-схему 2009 г., «*Atal Pension Yojana*» 2015 г. для решения пенсионного вопроса в неорганизованном секторе и «Pradhan Mantri Jeevan Jyoti Bima Yojana» для предоставление услуг по страхованию жизни маломущим[3].

[1] См. данные в: Healthcare Industry in India. URL: https://www.ibef.org/industry/healthcare-india.

[2] 80% Funds for 'Beti Bachao Beti Padhao' Spent on Ads, Says Parl Committee // The Quint. December 11, 2021. URL: https://www.thequint.com/news/india/beti-bachao-beti-padhao-80-funds-spent-on-ads-says-parliamentary-committee.

[3] Несмотря на большую численность населения Индии, в 2024 г. на долю людей старше 60 лет приходится всего порядка 11 % (что составляет примерно 160 млн человек). Прогнозируется, что к 2025 г. эта доля увеличится до 20 % (или 350 млн человек). Около 30 % процентов из них получают пенсию.

Несмотря на то, что факты бюрократизации и нецелевого использования средств, региональное неравенство и дефицит инфраструктурных объектов в сельской местности, а также недостаточная продуктивность предпринимаемых мер затрудняют трансформацию социального сектора Индии, переход к рубежу четвертой промышленной революции способствует ускорению реализации и повышению эффективности перечисленных выше инициатив. Например, цифровые технологии все чаще используются для рационализации предоставления услуг. Необходимо проводить политику, ориентированную на современные условия, и привлекать гражданское общество. Хотя и отмечается успешность ряда мер (в частности, схемы «jandhan» для решения проблемы получения кредитов на строительство домов, образование и другие цели), однако поставленные задачи развития социального сектора еще нельзя считать полностью решенными.

Выводы

Результаты исследовательского анализа доказывают, что Индия и Китай предпринимают меры для ускорения темпов экономического роста, обеспечиваемого секторами промышленного производства и услуг. Они также стремятся осуществить эффективный переход к четвертой промышленной революции посредством развития социального сектора, способствующего внедрению инноваций и повышению благосостояния миллионов людей. Экономический и технологический прогресс, безусловно, отразится на трансформации общества в Индии и Китае и ускорит эволюцию их социального капитала. Ориентиры и направления развития понятны обеим сторонам, и это коллективное осознание целей и средств уже предопределяет успех осуществляемой трансформации. Опираясь на опыт существования в условиях глобализации и повышенной зависимости и стремясь избежать негативных последствий финансовых и экономических кризисов, обе страны начали проводить политику самообеспечения: Китай стремится нарастить внутреннее потребление, а Индия – реализовать идею «Atmanirbharata».

В данном контексте можно говорить о том, что Индия и Китай следуют по неким параллельным траекториям, тесно не сотрудничая, но и не вступая в открытое соперничество. Стратегические цели Индии и Китая – вывести национальную экономику на уровень развитых стран к концу 2040-х гг. – совпадают и не противоречат друг другу. Это подчеркивается и в официальных совместных заявлениях, одобряющих и поощряющих взаимный рост и развитие обеих стран. Однако необходимо отметить, что краеугольным камнем, ставшим причиной индокитайских территориальных споров и столкновений (в особенности в 1962 и 2020 гг.), является до сих пор сохраняющаяся неопределенность границ. Урегулирование этого конфликта интересов крайне важно не только для национального самоопределения, но и участия в международных социально-экономических отношениях. Следствием нерешенности территориального вопроса стало сведение любого взаимодействия к минимуму. Кроме того, на двустороннем уровне негативно сказывается ограничение доступа на рынки друг друга. Конечно, поддерживается ряд совместных многосторонних инициатив в рамках ВТО, в сфере решения торговых, экологических и климатических проблем и т.п.) – но это пока «капля в море». Кроме того, обе страны непрерывно изучают опыт социально-экономического развития друг друга [Ramesh, 2017a; Ramesh, 2017b].

Китай раньше начал реализацию своей суперэффективной политики реформ и открытости (с 1978 г.), в Индии экономическая либерализация стартовала только в 1991 г. [Young-

Chan Kim, 2020]. Однако Индия продемонстрировала впечатляющую скорость развития, и сегодня темпы ее экономического роста превосходят китайские. Но ей еще предстоит пройти длинный путь. В Индии высокоуровневый сектор услуг и только набирает обороты промышленное производство, в то время как в Китае наблюдается противоположная тенденция: переход от развитого промышленного производства к прогрессирующему росту сектора услуг. Фактически Китай и Индия соперничают на рынках сбыта своей продукции, но эта конкуренция носит пока в основным скрытый характер. Кроме того, если Индия открыла широкие возможности для ГЧП, несмотря на наличие таких сдерживающих факторов, как недостаточное институциональное развитие, бюрократизм, проблемы с инфраструктурой и финансированием, то Китай сделал ставку на государственные предприятия и достижение «всеобщего благосостояния», что приводит к ограничению деятельности частных компаний (таких как Alibaba, Tencent, Meituan и т.п.). В результате темпы экономического роста Китая замедляются, рынок недвижимости оказывается втянутым в формирование финансового «пузыря», чрезмерная зависимость от экспорта повышает уязвимость экономики на фоне политических разногласий, безработица увеличивается, рабочая сила дорожает, скачка уровня потребления не происходит [Lina Sun, 2024], а нарастают риски дефляции и старения населения. Тем не менее, обе страны достигли высокого уровня экономического и технологического развития, достаточного для преодоления любого кризиса.

Хотя Китай и Индия активизировали переход к четвертой промышленной революции с учетом реализации политики самообеспечения, четко осознавая свою миссию и ориентируясь на собственные конкретные цели и направления развития, им еще многое предстоит сделать для формирования многополярного мира и нового миропорядка. Стоимость китайской продукции все еще существенно зависит от иностранных компаний (американских, европейских, японских, корейских), даже несмотря на то, что доля китайских предприятий в объеме производства постепенно растет. Дефицит собственных инноваций, низкие расходы на НИОКР, зависимость от импорта высокотехнологичной продукции и компонентов и другие факторы все еще создают проблемы и риски для Китая и Индии.

Список источников/References

Baldwin R. (2024). China is the world's sole manufacturing superpower: A line sketch of the rise. URL: https://cepr.org/voxeu/columns/china-worlds-sole-manufacturing-superpower- line-sketch-rise.

Bowles P., Harriss J. (2010). Globalization and Labour in China and India – Impacts and Responses. Hampshire: Palgrave Macmillan.

Herrald D. (2024). FDI slump in China is not headed towards India. URL: https://www.deccanherald.com/opinion/fdi-slump-in-china-is-not-headed-towards-india-2990162.

Jianguo Gao, Baikady R., Govindappa L. (2020). Social Welfare in India and China – A Comparative Perspective. Singapore: Palgrave Macmillan.

Lina Sun (2024). With pessimism in China and optimism in India, confidence seen key to economic puzzle // South China Morning Post. URL: https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3269617/pessimism-china-and-optimism-india-confidence-seen-key-economic-puzzle?campaign=3269617&module=perpetual_scroll_0&pgtype=article.

Min Ye. (2024). Diasporas and Foreign Direct Investment in China and India. New York: Cambridge University Press.
Nakray K., Zhang Yi, Clammer J., Wenjuan Zhang (2022). Social and Economic Transitions in China and India – Welfare and Policy Changes. Singapore: Palgrave Macmillan.
Omoruyi E.M. (2018). China's march towards a moderately well-off society // China Daily. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201803/16/WS5aab21d6a3106e7dcc142020.html.
Ramesh S. (2017b). China's Lessons for India: The Political Economy of Change. Vol. II. Switzerland: Palgrave Macmillan.
Ramesh S. (2017a). China's Lessons for India – The Political Economy of Development. Vol. I. Switzerland: Palgrave Macmillan.
Textor C. (2024). Annual inflow of foreign direct investment (FDI) to China from 2010 to 2023. URL:https://www.statista.com/statistics/1016973/china-foreign-direct-investment-inflows/.
Wei Wenhui (2005).China and India: Any difference in their FDI performances? // Journal of Asian Economics. Vol. 16. Iss. 4. Pp.719-736.
Westcott B. (2020). China has reached a major milestone in ending absolute poverty. But the Communist Party isn't celebrating yet // CNN. URL: https://edition.cnn.com/2020/11/27/asia/china-xi-jinping-poverty-alleviation-intl-hnk/index.html.
Wilson D. (2024). Ranked: World's Most Startup-Friendly Countries, 2024 // CEO World Magazine. URL: https://ceoworld.biz/2024/04/09/ranked-worlds-most-startup-friendly-countries-2024/.
Young-Chan Kim (2020). China-India Relations – Geo-political Competition, Economic Cooperation, Cultural Exchange and Business Ties. Springer.
Yu Zheng (2014). Governance and Foreign Investment in China, India, and Taiwan. Ann Arbor: The University of Michigan Press.

Информация об авторе

Шрикант Кондапалли
Декан школы международных исследований, профессор китаеведения Университета имени Джавахарлала Неру (110067, Индия, Нью-Дели)
E-mail: profsrikanthkondapalli@gmail.com

Information about the author

Srikanth Kondapalli
Dean of School of International Studies, Professor in Chinese Studies at Jawaharlal Nehru University (110067, New Delhi, India)
E-mail: profsrikanthkondapalli@gmail.com

DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-70-78

Матсас Саввас М.
Афинский национальный университет (Греция)

ПОСЛЕ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА И ЕГО ПРОВАЛА: НООНОМИКА КАК ВОЗМОЖНОСТЬ[1]

Аннотация: глобальный финансовый кризис 2008 года и его последствия, которые распространялись по принципу домино, стали символом провала неолиберализма как стратегии преодоления кризиса после коллапса международной Бреттон-Вудской кейнсианской системы, сформированной после Второй мировой войны. Технологический прогресс как таковой не способен разрешить стратегический тупик, о чем свидетельствуют проблемы роста производительности. Модернизация должна преодолеть препятствия, вызванные фундаментальным кризисом позднего модерна в эпоху развитого капиталистического упадка. Ноономика представляет собой открытое пространство для изучения взаимодействия научно-технического прогресса и политической экономии в XXI веке. В фокусе внимания – прогресс интеграции науки в общественное производство, основанное на познании и лишенное эксплуатации. Сравнительный анализ концепции «всеобщего интеллекта», предложенной Карлом Марксом в работе «Очерк критики политической экономии», и связанных с ней дискуссий последних десятилетий может оказаться продуктивным. В этой связи ноономика предлагает новые идеи и возможности для пересмотра социалистической стратегии выхода из глобального кризиса.
Ключевые слова: ноономика, неолиберализм, современность, всеобщий интеллект, Маркс, социализм.

Для цитирования: Матсас Саввас М. (2024). После неолиберализма и его провала: ноономика как возможность // Ноономика и нообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 3, № 2. С. 70–78. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-70-78

Matsas Savvas M.
National University of Athens (Greece)

BEYOND NEOLIBERALISM AND ITS FAILURE: NOONOMY AS POSSIBILITY

Abstract: The 2008 global financial crash and its ongoing spiraling consequences mark the failure of neoliberalism as a strategy of exit from the crisis following the collapse of the post-World War II international Bretton Woods Keynesian framework. Technological progress per se cannot

[1] Статья подготовлена по материалам доклада на 37-й сессии Международного теоретического семинара Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте «Ноономика, модернизация и неолиберализм» (2-3 августа 2024 г., г. Афины, Греция).

solve the strategic impasse as the problems in productivity growth demonstrate. Modernization itself has to overcome the obstacles posed by a fundamental crisis of late modernity in the epoch of advanced capitalist decline noonomy provides an open field of research of the relations between scientific-technological progress and political economy in the 21st century. It focus on the progress of integration of science into a cognition based social production without exploitation. A comparative study with the 'General Intellect" concept advanced by Karl Marx in Grundrisse and the related debates on this topic during the last decades could be fruitful. In this context, noonomy provides new insights and possibilities for a re-elaboration of a socialist strategy of exit from the global crisis.
Keywords: Noonomy, neoliberalism, modernity, General Intellect, Marx, Socialism

For citation: Matsas S.M. (2024). Beyond Neoliberalism and its Failure: Noonomy as Possibility. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, Vol. 3, No. 2, pp. 70–78. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-70-78

马萨斯·萨瓦斯 M.
雅典国立大学(希腊)

新自由主义失败及之后,其智慧经济出路

摘要:2008 年的全球金融危机及其所带来的像多米诺骨牌连锁反应一样的后果,象征着新自由主义作为第二次世界大战后形成的国际布雷顿森林凯恩斯体系崩溃后的应对危机策略的失败。技术进步本身并不能克服战略僵局,生产能力增长问题就是证明。现代化必须克服资本主义没落时代晚期根本危机所造成的障碍。智慧经济学为探索二十一世纪科技进步与政治经济学之间的相互作用关系提供了开放的空间。重点在于将科学融入以认知为基础、没有剥削的社会生产方面的进步。对马克思在《政治经济学批判大纲》中提出的 "普遍智慧 "概念以及近几十年来的相关讨论进行比较分析,可能会有所收获。在这方面,智慧经济学为重新审视走出全球危机的社会主义战略提供了新的思想和视角。
关键词:智慧经济、新自由主义、现代性、普遍智慧、马克思、社会主义。

引用注释:马萨斯·萨瓦斯 M. (2024) 新自由主义失败及之后,其智慧经济出路//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 3, No. 2, pp. 70–78. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-70-78

Конец заблуждения о «конце истории» и угрожающая катастрофа

Глобальный финансовый кризис 2008 года представляет собой ключевой поворотный момент в мировой истории – своеобразный ***Zeitenwende*** (смена эпох), задолго до того, как канцлер Германии Олаф Шольц применил этот термин в 2022 году в контексте начала специальной военной операции на Украине. Это момент Немезиды истории, наносящий сокрушительный удар по высокомерию иллюзии о «конце истории», которую преждевременно провозгласил западный капитализм в конце XX века после распада СССР в 1991 году.

Разрыв исторической преемственности, произошедший после 1980-х годов, является результатом десятилетий мирового доминирования неограниченного неолиберализма и глобальной экспансии финансового капитала, которую в мейнстримном дискурсе называют глобализацией. Кризис 2008 года представляет собой стратегический провал неолиберализма, а также кульминацию накопившихся глобальных внутренних и внешних противоречий финансового капитала [Matsas, 2022; Matsas, 2024].

Этот кризис стал началом затяжного глобального капиталистического кризиса, великой рецессии или, как ее еще называют, долгой депрессии [Roberts, 2016]. Некоторые исследователи также определяют этот период как третью великую депрессию [Savran, Tonak, 2024, pp. 335-382]. Этот структурно-системный кризис мирового капитализма до сих пор остается неразрешенным, развиваясь по спирали через последовательные кризисные этапы, сопровождающиеся политическими, экономическими и социальными потрясениями. Среди них – кризис еврозоны, нарастающий долговой кризис и финансовое разорение стран Глобального Юга, вызывающие беспрецедентные волны миграции, усиление протекционизма и торговых войн, глобальное гибридное противостояние «коллективного Запада» с Россией и Китаем, сбои в глобальных цепочках поставок, энергетический и продовольственный кризисы, разрушение климата и окружающей среды, пандемии, а также эскалация глобальной геополитической напряженности и конфликтов, угрожающих катастрофой Третьей мировой войны.

Провал неолиберализма знаменует собой стратегический тупик. Неолиберализм функционировал как экономическая стратегия выхода из кризиса, возникшего после краха международной Бреттон-Вудской кейнсианской системы, созданной после Второй мировой войны. Одновременно он служил политической стратегией для сдерживания последствий этого кризиса, в том числе международного революционного подъема рабочего класса, молодежи, угнетенных наций и меньшинств в 1960-1970-е годы.

Кейнсианство и неолиберализм во всех их формах были двумя ключевыми социально-экономическими и политическими стратегиями капитала, разработанными в XX и начале XXI века для того, чтобы сдержать, а в идеале – обратить вспять упадок капитализма в эпоху империализма. Их главной целью было предотвратить повторение краха 1929 года и Великой депрессии 1930-х годов со всеми их катастрофическими последствиями: революциями, фашизмом и новой мировой войной. И в том, и в другом случае они не достигли своей стратегической цели.

Кейнсианство после Второй мировой войны потерпело крах в социально-экономическом и политическом хаосе в конце 1960-х – начале 1980-х годов. Неолиберализм как стратегический выход из провала кейнсианства встретил свой предел и провал в 2007-2008 годах. Крупные буржуазные экономисты, аналитические центры, а также международные институты, такие как МВФ, Всемирный банк и Банк международных расчетов вынуждены публично признать отсутствие долгосрочной альтернативной стратегии. В арсенале остаются лишь экстренные тактические меры для реагирования на чрезвычайные ситуации [Matsas, 2023]. Их реакция носит эмпирический характер, возникая постфактум после каждого нового кризиса. Это выражается в применении смеси «гетеродоксальной» фискальной и монетарной политики со стороны центральных банков и правительств, включающей стимулирующие пакеты ликвидности, количественное смягчение или ужесточение через манипуляции процентными ставками и другие меры. В результате каждый такой инструмент превращается в бумеранг, что, как показывает новый рост инфляции, усугубляет тупиковую ситуацию.

Сочетание централизованного государственного вмешательства с усилением неолиберальной политики приватизации и дальнейшим ухудшением условий жизни обездоленных масс не может рассматриваться как последовательная стратегия выхода из кризиса. Все эти попытки преодоления кризиса, включая иллюзорные идеи «*анархо-капиталистического либертарианства*», представляемые такими фашистскими фигурами, как Милей, Болсонаро или Республиканская партия при Трампе, указывают не на жизнеспособность неолиберализма, а на его необратимое банкротство и исторический тупик, в котором оказались деградирующие правящие классы.

Варварские тенденции выходят на передний план как средство преодоления исторического тупика упадка глобальной социальной системы с помощью *manu militari,* через политическое насилие как внутри страны, так и на международной арене. Государственный авторитаризм, фашизм и глобальная война империалистического Запада против «опасного остатка» грозят всему человечеству тотальной катастрофой. Необходимость альтернативного выхода из этого тупика сейчас как никогда актуальна.

Сможет ли технический прогресс выйти из исторического тупика?

В 1990-е годы, в «горячие дни» триумфальной глобализации капитала и «*однополярного момента*» глобальной гегемонии США, внедрение Интернета и цифровая технологическая революция были встречены на Всемирном экономическом форуме в Давосе как «*4-я промышленная революция*» и даже как создание «*постиндустриального общества*».

Даже сейчас, после четырнадцати лет глобального кризиса, доминирующий нарратив об искусственном интеллекте и возвышение высокотехнологичных гигантов Кремниевой долины продолжают формировать идеологическое мировоззрение, в котором будущее определяется неостановимым технологическим детерминизмом, игнорируя социальные препятствия и противоречия. Технология вне истории становится фетишистской формой нового/старого нарратива о «конце истории». Уже на рубеже нового века, в книге Дж. Стиглица *«Глобализация и ее недостатки»* [Stiglitz, 2002], отмечаются возникающие проблемы, связанные с цифровой революцией.

Фундаментальным *экономическим* критерием для исследования влияния внедрения новых высоких технологий в мировую экономику является *темп роста производительности труда.* Несмотря на цифровую революцию, темпы роста производительности труда после первоначального импульса в 1990-х годах вновь начинают замедляться в США и на Глобальном Севере. Примечательно, что в период 1997-2022 гг. рост производительности труда в Китае составила 7,7%, а в Северной Америке – 1,6%. За тот же период вклад в рост мировой производительности, взвешенный по доле ВВП, составил 37 % для Китая и 13 % для Северной Америки[1].

Неравномерность и разрыв в росте производительности труда между сектором высоких технологий и другими отраслями американской экономики становятся все более глубокими. В результате нарастает *кризис диспропорций*, который усугубляет затянувшийся ***к**ризис перепроизводства капитала*, особенно заметный в стагнации и спаде *производственного* сектора «реальной производственной экономики». Американские высокотехнологичные гиганты, известные как «Большая семерка», играют ключевую роль в финансовом секторе, о чем свидетельствует их доминирование в сфере высоких технологий на индексах NASDAQ

[1] McKinsey Global Institute (2024). Labor Productivity Growth, CAGR 1997-2022.

и S&P. Разрыв между разросшейся финансовой сферой сверхнакопленного фиктивного капитала и его материальной основой в стагнирующей и даже сокращающейся производственной сфере американской и мировой экономики становится чудовищным. Дикие спекулятивные ожидания, основанные на фетишистских иллюзиях о высоких технологиях, порождают огромные финансовые «пузыри», которые представляют собой большую угрозу, чем те, что лопнули во время кризиса «дот.ком» в 2001 году или в 2007 году на рынке субстандартной ипотеки в США, ставшего предвестником глобального финансового кризиса 2008-2009 годов. Теперь неравномерный финансовый рост стран «Большой семерки» делает их не только главной движущей силой фондового бума, но и источником *огромной финансовой нестабильности* не только в США, но и на *мировых* рынках[1].

Согласно данным, недавно опубликованным МОТ, технологический прогресс в условиях капитализма значительно усиливает социальное неравенство как между странами «Глобального Севера» и «Глобального Юга», так и внутри обществ с развитой капиталистической системой на «Глобальном Севере». Как пишет Д. Штраус в Financial Times, за периодом «восстановления» после пандемии Covid-19 последовало *«заметное снижение доли труда в мировом производстве»*. Работники действительно сталкиваются с «*растущим неравенством по мере того, как все больше распространяется генеративный искусственный интеллект*» [Strauss, 2024].

Д. Асемоглу, выдающийся профессор экономики Массачусетского технологического института, в своих исследованиях, публикациях [Acemoglu, 2023; Acemoglu, 2024] говорит о необходимости «переосмыслить искусственный интеллект». По его мнению, нужно обеспечить необходимый контроль со стороны человека, чтобы избежать неправильного использования этой технологии и направить ее на благо человечества.

Влияние передовых технологий на социальную структуру, основанных на искусственном интеллекте, стало центральной темой исследований и дискуссий среди социологов. Также данным вопросом обеспокоены представители профсоюзного движения, которые изучают влияние этих технологий на современный рынок труда и его будущее [Ponce del Castillio A, 2024].

«Искусственный интеллект – еще один пример пропасти между имущими и неимущими», – подчеркивает Джон Феффер. По его словам, «более богатые страны используют искусственный интеллект для создания экономики нового поколения. В остальном мире, который борется за выживание, небольшое количество электроэнергии означает разницу между жизнью и смертью. Без более справедливого распределения власти – как политической, так и в сфере электроэнергии – страны «Глобального Юга» с помощью искусственного интеллекта смогут сделать лишь пару шагов вперед, в то время как «Глобальный Север» уйдет далеко вперед» [Feffer, 2024].

И, наконец, не стоит забывать о влиянии сектора высоких технологий на ухудшающееся, угрожающее жизни глобальное изменение климата. Искусственный интеллект потребляет большое количество энергии, особенно электрической. Это серьезно усугубляет экологиче-

[1] Примечание: глобальная турбулентность на мировых финансовых рынках 2-4 августа, совпавшая с 17-й Международной конференцией WAPE, на которой впервые была представлена эта статья, и завершившаяся «черным понедельником» 5 августа 2024 года, началась с проблем в американском высокотехнологичном секторе. Эти проблемы также совпали с новостями о замедлении экономического роста США, а затем со спекулятивной деятельностью, такой как торговля иеной в Японии, и свертыванием монетарной политики количественного смягчения.

ский кризис и затрудняет принятие срочных мер по его преодолению. Таким образом, впечатляющий технологический прогресс последних десятилетий *не помог выйти из стратегического тупика,* в который попали неолиберализм и кейнсианство после своего провала, и *не привел к выходу из глобального кризиса* и началу новой эры мирового экономического роста при капитализме. Напротив, в условиях доминирующих социально-экономических, геополитических и геоэкономических факторов он усиливает и обостряет *все существующие системные противоречия: перепроизводство, диспропорции, недопотребление, тенденцию к снижению нормы прибыли.*

Как предсказывал К. Маркс, «мировой кризис следует рассматривать как действительное сосредоточение и насильственное приспособление всех противоречий буржуазной экономики» [Marx, 1975, p. 510]. Эти противоречия не разделены и не являются внешними по отношению друг к другу, они сходятся не случайно. Они образуют интегрированное, развивающееся «единство многообразного» [Marx, 1973, p. 101].

К. Маркс, технология и всеобщий интеллект

Научно-технический прогресс все больше интегрируется в производство, знания становятся общественной силой производства и все сильнее сталкиваются с общественными производственными отношениями капитализма, как точно предсказал Маркс. Знаменитая глава Маркса «Всеобщий интеллект» в «Очерке критики политической экономии» [Marx, 1973, pp. 704-706] становится особенно актуальной и поучительной в эпоху новой научно-технической революции.

Давайте еще раз внимательно прочитаем эту главу. Во-первых, интеграция познания в производство, основанное на отношении стоимости и «массе непосредственного рабочего времени», не только изменяет условия процесса труда, но и, что самое важное, подрывает трудовой закон стоимости, который доминирует в капиталистическом производстве. Обмен живого труда на овеществленный труд, т.е. выдвижение общественного труда в виде противопоставления капитала и наемного труда, есть высшее развитие ценностного отношения и производства, опирающегося на ценность. Его предпосылкой является – и остается – количество непосредственного рабочего времени, затраченного труда как определяющий фактор производства богатства. Но с развитием крупной промышленности создание реального богатства начинает зависеть не столько от времени труда и количества затраченных усилий, сколько от мощности задействованных в процессе производства механизмов. Их «могучая действенность» сама по себе не связана напрямую с продолжительностью рабочего времени, потраченного на их изготовление. Она определяется общим уровнем развития науки и прогрессом технологий, а также применением научных достижений в производстве. Развитие же этой науки, особенно естественных наук, и всех остальных вместе с ней, в свою очередь, связано с прогрессом материального производства.

Исторически сложившаяся форма реального социального жизненного процесса, который представляет собой социальный обмен между человеческим обществом и природой, основанная на ценностном отношении как регулятивном принципе, становится совершенно не соответствующей глубинным требованиям своего содержания. Труд больше не воспринимается как непосредственная часть производственного процесса; вместо этого человек рассматривает сам процесс производства как наблюдатель и регулятор. Рабочий

больше не вставляет модифицированную природную вещь [Naturgegenstand] в качестве промежуточного звена между объектом [Objekt] и собой; вместо этого он интегрирует преобразованный в промышленный процесс природы в качестве средства между собой и неорганической природой, овладевая ею. Он становится частью производственного процесса, а не его основным действующим лицом. В этой трансформации речь идет не о непосредственном человеческом труде и времени работы, а о присвоении общей производительной силы, понимании и владении природой как социальной сущности. В конечном итоге это развитие социального индивида становится основой для производства и создания богатства.

Капиталистическая эксплуатация, или «кража чужого времени», основанная на отчуждении непосредственных производителей от средств производства, процесса производства и его продукта, а также на отчуждении субъекта производства от самого себя, обнажает «жалкую основу» богатства, созданного промышленным развитием и технологическими революциями. Кража чужого рабочего времени, на которой зиждется нынешнее богатство, представляется жалким фундаментом на фоне нового, созданного самой крупной промышленностью. Как только труд в непосредственной форме перестает быть великим источником богатства, время труда перестает и должно перестать быть его мерой, а значит, меновая стоимость должна перестать быть мерой потребительной стоимости. Прибавочный труд массы больше не является условием развития общего богатства, как и нетрудовая деятельность немногих людей – условием развития общих сил человеческого разума. При этом производство, основанное на меновой стоимости, распадается, а непосредственный, материальный процесс производства лишается формы нищеты и антитезы. Создаются исторические материальные условия для освобождения от отчуждения, для «свободного развития индивидуальностей», для *Homo Creator*.

Речь идет о свободном развитии индивидуальностей, а значит, не об уменьшении необходимого рабочего времени ради создания прибавочного труда, а об общем сокращении необходимого труда общества до минимума. Это время затем будет посвящено художественному, научному и другим видам развития индивидов с использованием созданных для всех средств. Капитал как движущееся противоречие сам создает эти материальные условия, чтобы взлелеять свой собственный ограниченный фундамент.

Капитал сам по себе представляет собой движущееся противоречие, поскольку он стремится сократить время труда до минимума. При этом, с другой стороны, он рассматривает время труда как единственный критерий и источник богатства. Таким образом, он сокращает время труда в необходимой форме, чтобы увеличить его в излишней форме. Излишек во все большей степени становится условием – вопросом жизни или смерти – для необходимого. С одной стороны, он пробуждает все силы науки и природы, а также социальной комбинации и социального взаимодействия, чтобы сделать создание богатства независимым (относительно) от времени труда, затраченного на него. С другой стороны, он хочет использовать рабочее время в качестве измерительного инструмента для созданных таким образом гигантских социальных сил и ограничить их пределами, необходимыми для сохранения уже созданной ценности. Силы производства и общественные отношения – две разные стороны развития социального индивида – представляются капиталу лишь средствами, которые он использует на своей ограниченной основе. На самом деле, однако, они являются материальными условиями для того, чтобы завалить этот фундамент до небес.

С этой диалектико-исторической материалистической точки зрения процесс интеграции научных знаний в производство, включая современную цифровую революцию искусственного интеллекта, не отменяет, а обостряет противоречия в отношениях между капиталом и трудом. Она не отменяет классовую борьбу, а, напротив, поднимает ее на новый, более высокий уровень, формируя новое поле боя. Недавняя борьба работников Amazon – одно из первых проявлений. НТР всегда взаимосвязана с переходной эпохой социальных преобразований.

Маркс подчеркивал: «Природа не создает никаких машин, никаких локомотивов, железных дорог, электрических телеграфов, самодвижущихся мулов и т.д. Это продукты человеческой промышленности; природный материал, превращенный в органы человеческой воли над природой или человеческого участия в ней. Они – органы человеческого мозга, созданные человеческой рукой; сила знания, овеществленная. Развитие основного капитала показывает, насколько общее социальное знание стало непосредственной силой производства и в какой степени условия самого процесса социальной жизни оказались под контролем общего интеллекта и были преобразованы в соответствии с ним. В какой степени были произведены силы общественного производства, не только в форме знания, но и как непосредственные органы социальной практики, реального жизненного процесса» [Marx, 1973, с. 706].

Научный прогноз Маркса о переходе к обществу, в котором «условия самого процесса общественной жизни перешли под контроль всеобщего разума и преобразуются в соответствии с ним», можно рассматривать как предчувствие, в марксовом понимании, *нооообщества*. В нем всеобщий разум играет роль ноосферы, согласно Вернадскому, которую теория ноономики исследовала под новым углом зрения.

Ноономика и социализм

Ноономика, представленная в публикациях профессора Сергея Бодрунова [Bodrunov, 2024; Bodrunov, Desai, Freeman, 2022], не является набором фиксированных технократических правил, которые навязываются быстро меняющейся социальной реальности. Она не ограничивается повторной разработкой необходимого экономического проекта реиндустриализации и модернизации. К ней нужно подходить как к *открытому полю для исследования отношений между научно-техническим прогрессом и политической экономией в XXI веке*. В центре внимания – прогресс интеграции науки в социальное производство, основанное на познании. Оно по своим внутренним потребностям развития требует перехода не только за пределы провала неолиберализма, но и за *пределы экономики, основанной на прибыли, эксплуатации и отчуждения*. В ней говорится о возможности и необходимости перехода от *Homo Economicus к Homo Creator,* эмансипированному постэкономическому человеку, способному свободно развивать все свои потенциальные возможности. С этой точки зрения ноономика сходится с социалистическим проектом перехода к царству универсальной человеческой эмансипации, где «*свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех*». Развиваясь в этом направлении, ноономика может дать новые плодотворные идеи и возможности для повторной разработки социалистической стратегии выхода из текущего глобального кризиса.

Список источников/References

Acemoglu D. (2024). The Simple Macroeconomics of AI. *Economic Policy.* 49 (120)

Acemoglu D., Johnson S. (2023). *Power and Progress: Our Thousand-Year Struggle Over Technology and Prosperity.* New York: Public Affairs. 560 p.

Acemoglu D. (2024). Rethinking the AI, The Economic Show with Soumaya Keynes, Transcript in Financial Times, September 2.

Bodrunov S. (2024). Noonomy. USA: Apple Academic Press. 260 p.

Bodrunov S.D, Desai R., Freeman A. (2022). Beyond the Global Crisis: Noonomy, Creativity, Geopolitical Economy St.-Petersburg: S.Y Witte INID publications Mc Kinsey Institute. 296 p.

Feffer J. (2024). Foreign Policy in Focus, July 17.

Marx K. (1973). *Grundrisse.* London: Penguin. 862 p.

Marx K. (1975). *Theories of Surplus-Value, Part* II. Moscow: Progress Publishers. 510 p.

Matsas S.M. (2022). *"De-globalization" or Capital Globalization in Crisis?* Paper presented at the IV Russian Social Forum (RSF-2022).

Matsas S.M. (2023). *Crisis of Global Transition: Noonomy as Possible Future,* Noonomy and Noosociety: Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID. Vol. 2. No 3. Pp 60-67.

Matsas S.M. (2024). *Global Trends of integration and fragmentation*. Paper presented at the SPEC–2024.

Ponce del Cartillo A. (2024). *Artificial Intelligence, Labour, and Society* European Trade Union Institute ETUI.

Roberts M. (2016). *The Long Depression*, Haymarket Books.

Savran S., Tonak E.A. (2024). *In the Tracks of Marx's.* Capital Palgrave MacMillan. Pp. 335-382.

Информация об авторе

Матсас Саввас Михаил

Профессор Афинского национального университета (Греция)

E-mail: savvasmatsas@gmail.com

Information about the author

Matsas Savvas Michael

Professor at the National University of Athens (Greece)

E-mail: savvasmatsas@gmail.com

DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-79-94

Аннамария Артнер
Университет имени М. Фридмана (Будапешт, Венгрия)

КАКИМ ОБРАЗОМ ПРОИЗОЙДЕТ ПАДЕНИЕ ИМПЕРИАЛИЗМА И ЧТО ПОСЛЕДУЕТ ЗА НИМ? ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НООНОМИКИ[1]

Аннотация: статья призвана разъяснить что такое ноономика, чем она отличается от экономики знаний в неолиберальном смысле и каковы предпосылки для ее достижения. Кроме того, автор рассматривает перерастание капитализма в империализм, а также эволюцию и изменение форм империализма. В пяти тезисах объясняется какова нынешняя форма империализма и каковы механизмы и силы, которые работают над его свержением и над формированием многополярного мира. Делается вывод, что при экономическом и общественном лидерстве Китая и военном лидерстве России фронт деколонизаторских и антиимпериалистических сил расширяется, а империализм ослабевает за счет отрыва и формирования многополярного мирового порядка, который открывает путь к лучшему обществу, основанному на истинных и широких знаниях, способному к переходу к ноономике или социализму.
Ключевые слова: глобальный юг, империализм, многополярность, ноономика, социализм.

Для цитирования: Артнер А. (2024). Каким образом произойдет падение империализма и что последует за ним? Геополитические предпосылки ноономики // Ноономика и нообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 3, № 2. , С. 79–94. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-79-94

Annamaria Artner
Milton Friedman University (Budapest, Hungary)

HOW WILL IMPERIALISM FALL AND WHAT COMES AFTER IT? GEOPOLITICAL PRECONDITIONS OF NOONOMY

Abstract: This article aims at clarifying what is noonomy, how it differs from a knowledge-based economy in a neoliberal sense and what are the preconditions to achieve it. Furthermore, the author discusses the development of capitalism into imperialism and the evolution and changes of form if imperialism. She explains in five theses what is the present form of imperialism and what are the mechanisms and powers that are working on dismantling it and forming a multipolar world. She concludes that with the economic and societal leadership of China and military leadership of Russia the front of the decolonizer and anti-imperialist forces is broadening, and

[1] Статья подготовлена по материалам доклада на 37-й сессии Международного теоретического семинара Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте «Ноономика, модернизация и неолиберализм» (2-3 августа 2024 г., г. Афины, Греция).

imperialism is weakening through delinking and the formulation of a multipolar world order that opens the way a better society that is based on a true and broad knowledge and can be called to noonomy or socialism as well.
Keywords: delinking, global south, imperialism, multipolarity, noonomy, socialism

For citation: Artner A. (2024). How Will Imperialism Fall and What Comes After It? Geopolitical Preconditions of Noonomy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, Vol. 3, No. 2, pp. 79–94. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-79-94

安娜玛丽亚·阿尔特涅尔
弗里德曼大学（匈牙利，布达佩斯）

帝国主义的衰落及其后的社会制度与智慧经济的地缘政治前提

摘要：文章旨在阐明什么是智慧经济学及其与新自由主义意义上的知识经济的不同，以及实现智慧经济的前提条件。此外，作者还探讨了资本主义发展为帝国主义问题以及帝国主义的发展和演变形式。文章从五个方面阐述了当前的帝国主义形态，以及推翻帝国主义并形成多极世界的机制和力量。作者得出结论，在中国在经济社会方面居于领先地位及俄罗斯在军事方面居于领先地位的形势下，非殖民化和反帝国主义力量的阵线正在不断扩大。帝国主义因多极世界秩序的产生和形成而被削弱，而多极世界秩序则为建立在正确而广泛知识基础上的更美好社会开辟道路，并将推动社会过渡到智慧经济或社会主义。
关键词：全球南部、帝国主义、多极化、智慧经济、社会主义。

引用注释：安娜玛丽亚 · 阿尔特涅尔 （2024） 帝国主义的衰落及其后的社会制度与智慧经济的地缘政治前提//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 3, No. 2, pp. 79–94. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-79-94

Введение

В нашу эпоху высокого уровня развития технологий и искусственного интеллекта становится все более модным говорить об «обществе, основанном на знаниях», предсказывать его наступление и требовать, чтобы государственная политика и образование были направлены на достижение этой цели. Однако, как и все в прошлом столетии, и особенно после исчезновения Советского Союза, понятие общества, основанного на знаниях, и его содержание были сконструированы идеологами западного капитализма. Когда речь идет о «знаниях», они обычно ограничиваются знаниями для конкурирующих компаний и служат накоплению капитала.

Идея же ноономики, сформулированная Сергеем Бодруновым, с одной стороны, иная, а с другой – имеет более широкий охват. Она касается всех аспектов общества и охватывает знания из всех сфер человеческой жизни.

Хотя идея общества, основанного на знаниях, и является популярной, однако этого нельзя сказать о понятии империализма. В этом нет ничего удивительного, поскольку

империализм господствует в мире уже долгое время. Империализм взял под контроль не только земли, природные ресурсы, оружие массового поражения, технологии, но также и средства массовой информации и сферу образования. Подавляющее большинство сетевых и печатных научных ресурсов (журналов, книг) также являются продуктом платных пропагандистов или «полезных идиотов» от империализма.

Однако реальность неподвластна словам и наговорам. Мир меняется, и стремление к суверенитету народов, подчиненных империализму, растет и начинает приносить результаты.

Научная новизна статьи в том, что в ней обсуждаются перспективы лучшего, широкого и истинного общества, основанного на знаниях – ноономики в рамках смены империалистического мирового порядка на многополярный.

В первой части статьи обсуждается эволюция капитализма в монополистический капитализм/империализм и эволюция империализма в современный чрезмерно централизованный и концентрированный гегемонистский империализм. Далее следует исследование понятия ноономики и то, каким образом, по мнению автора, она связана с социализмом. Далее автор представляет свои пять тезисов о мире и его изменении. Эссе завершается обобщающей и заключительной главой.

Эволюция капитализма и империализма

Капиталистический мир, зародившийся в конце XV – начале XVI века, исчерпал свой потенциал. Эта пятивековая система была выстроена на эксплуатации большей части мира горсткой стран. Такие страны были почти исключительно европейскими вплоть до XX века, когда их мощь начала ослабевать. На рубеже XIX-XX веков появилась новая держава – Соединенные Штаты Америки, которая переняла у Европы ведущую роль. Это стало эпохой появления монополистического капитала и эволюции капитализма в империализм. В двух мировых войнах, спровоцированных империализмом, Европа была разрушена и стала второй по значимости страной после Соединенных Штатов. США вышли из войны более сильными, стали гегемоном капиталистического/империалистического мирового порядка.

Хотя Соединенные Штаты и были рождены Европой, они все же оказались намного могущественнее своего родителя. Наиболее важными причинами этого явления были следующие: 1) бесплатные и обильные природные ресурсы, которые европейские иммигранты присвоили в Северной Америке; 2) неравномерное и комбинированное развитие в духе Троцкого (взято у Маркса и Энгельса), позже известное как преимущество новичков в духе Александра Гершенкрона, который также заимствовал эту концепцию у Маркса [ван дер Линден, 2012]; 3) ранняя политическая революция и успешная война за независимость (произошедшая раньше, чем знаковая Французская революция 1789 года!); 4) успешно завершившаяся гражданская война, объединившая огромную и богатую ресурсами североамериканскую территорию; и 5) превосходное географическое положение недавно созданной страны, которое обеспечивало как защиту, так и доступ к другим землям через океаны.

Благодаря вышеперечисленному, к концу XIX века США стали великой державой, а к середине XX века поднялись на позицию экономического, военного, политического и технологического лидера капиталистического мирового порядка. Экономической основой такого изменения геополитической структуры мира стало накопление и международная экспансия капитала, приведшая к появлению монополистического капитала. Гобсон, Гиль-

фердинг, Ленин, а также Освальд Шпенглер осознали возникновение монополий, финансового капитала и империализма на рубеже XIX и XX веков. Все они восприняли эти изменения как упадок капитализма.

Гобсон отмечал, что «развращенный выбор национальной жизни», основанный на остатках животного духа («животная борьба за существование»), является «неискоренимым пороком всех успешных государств, и наказание за него неотвратимо в силу природы» [Гобсон 1902, Глава VII]. Гильфердинг писал: «Финансовый капитал в его завершении – это высшая ступень… диктатуры магнатов капитала» [Гильфердинг, 1910, гл. 25]. По словам Ленина, империализм есть конечная стадия капитализма, «паразитический или загнивающий капитализм». В то же время Шпенглер обнаружил, что империализм (на примере Сесила Родса, организатора экспансии в Африку, в качестве «первого человека новой эпохи», высказывавшегося, что «экспансия – это наше все») является элементом упадка Запада: империализм – это «типичный символ ухода» [Шпенглер, 1918, с. 36-37]. Свидетельством упадка системы стало то, что сразу после своего появления на исторической сцене империализм спровоцировал две мировые войны.

Важно подчеркнуть, что империализм – это экономическая, внешняя и социальная *политика*, которая служила расширению и росту национального капитала на мировом рынке и способствовала появлению и росту транснациональных корпораций. В целом империализм – это политика экспансии. В эпоху капитализма это означает *экспансию капитала*.

Империалистическая политика позволила повысить норму и размер прибыли, что дало возможность удовлетворить потребности трудящихся в империалистических странах и отвлечь их от революции. И здесь снова на сцену выходит символическая фигура империализма – Сесил Родс. Ленин цитировал его слова из 1895 года:

«Я был вчера в лондонском Ист-Энде (рабочий квартал) и посетил одно собрание безработных. Когда я послушал там дикие речи, которые были сплошным криком: хлеба, хлеба!, я, идя домой и размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма… Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами» [Ленин, 1916, гл. VI].

Это были слова Сесила Родса. И действительно, с развитием накопления капитала и его политической формы – империализма – рабочие классы империалистических стран утратили свою революционную жилку. Вследствие этого «могильщик» системы (так Маркс называл рабочий класс) поднял голову на полупериферии капиталистического мирового порядка, а именно в России. Последующие десятилетия ознаменовались крахом колониализма, появлением во всем мире стран социалистической ориентации и неизбежной борьбой между империализмом и антиимпериалистическими силами.

В первые десятилетия силы социализма были мощны и динамичны, однако после кризиса 1970-х годов они утратили свой импульс, и к концу 1980-х годов социализм в Европе рухнул.

Безуспешная борьба колонизированного мира за обретение реальной независимости после Второй мировой войны привела к признанию того, что глобальный капитализм/

империализм также развивается. Он продолжил глобальную эксплуатацию и угнетение в форме *неоколониализма*. В 1960-х годах Кваме Нкрума, африканский революционер и президент Ганы, пришел к выводу, что неоколониализм является последней стадией и худшей формой империализма [Нкрума, 1965]. Однако это утверждение также устарело несколько десятилетий спустя, когда империализм вступил в еще более позднюю стадию.

Благодаря неолиберальной политике накопление капитала продолжалось беспрепятственно в глобальном масштабе в 1980-х годах. К моменту распада Советского Союза в 1991 году империализм восторжествовал на определенный исторический момент, т.е. в течение нескольких десятилетий обладал неограниченной властью над всем человечеством. Фрэнсис Фукуяма прославился своим заявлением о том, что тандем свободного рынка и либеральной демократии в западном стиле является наиболее развитой формой общества [Фукуяма, 1992].

Такая эволюция и изменение форм империализма стали известны в 1980-х годах как «глобализация». Этот термин, на первый взгляд кажущийся нейтральным, прекрасно иллюстрирует господство стран Северной Атлантики над миром, поскольку скрывает суть процесса, а именно экспансию (финансового) капитала. Глобализация не является объединением мира или усилением связей стран, народов и культур, с которыми ее обычно отождествляют. Совершенно не является!!! Глобализация означает объединение стран под покровительством империалистического центра, т.е. в соответствии с экономическими правилами, политическими институтами, интересами, эстетическими и моральными ценностями Запада. Никто не имеет права подвергать сомнению превосходство этих правил и ценностей «развитых» (империалистических) стран, если хочет быть с ними в хороших отношениях. Те, кто осмеливается это сделать, будь то отдельные личности или целые страны, вскоре объявляются врагами Запада и подвергаются соответствующему обращению посредством военных и политических действий, а также экономических санкций.

Возвращаясь к распаду Советского Союза: эта победа империализма оказалась Пирровой. Социализм, возможно, и потерпел поражение в Европе, однако продолжал развиваться в Китае. С ростом влияния Китая и его инициативы «Один пояс, один путь», запущенной в 2013 году, а также с проведением Россией специальной военной операции на Украине в 2022 году, на глобальном Юге вспыхнули антинеоколониалистские и антиимпериалистические настроения.

Мы живем в период между иррациональным империалистическим миром и многообещающим будущим, которое делают возможным современные производственные силы. Столкновение империалистических и антиимпериалистических сил неизбежно, но мы пока не знаем его исхода. История учит, что каждый правитель придерживается своей позиции и делает все возможное, чтобы не допустить смены системы, которой он правит. Потому что системные изменения означают конец существования правителя как властителя. И по этой причине правитель борется с любым претендентом на его положение до самой смерти и даже до конца существования мира, его мира, после которого для него не останется места. Империалистические силы во главе с Соединенными Штатами Америки не являются исключением. Они готовы уничтожить мир, если не смогут продолжать им править. Мы можем только надеяться, что этого не произойдет.

В борьбе за лучший мир империализм представляет собой экзистенциальную угрозу человечеству. Лучший мир, построенный на любви и истинных знаниях, предполагает силу

и упорство антиимпериалистических сил. Прежде чем строить лучшее общество, необходимо победить империализм.

Целью настоящего эссе является внесение вклада в дискуссию о будущем путем описания геополитических и экономических предпосылок лучшего общества, которое будет пользоваться возможностями, заложенными в технологиях XXI века, использовать их на благо людей.

Ноономика и социализм

Начнем с интерпретации концепции посткапиталистического будущего общества под названием «ноономика» Сергея Бодрунова [Бодрунов, 2024]. Отправной точкой аргументации профессора Бодрунова является критика глобального капитализма. На основе этой критики он выстраивает концепцию ноономики как результата и отрицания режима свободного рынка, ориентированного на прибыль и основанного на конкуренции. Ноономика, с одной стороны, базируется на современных технологиях, выработанных в основном мировым капитализмом, а с другой стороны – представляет собой лучшее, более развитое общество, чем капитализм, т.е. новое качество *общественной жизни*.

В центре концепции Бодрунова – технологическое развитие, выводящее общество с индустриального на постиндустриальный уровень. Однако не в неолиберальном смысле. Постиндустриальное общество Бодрунова – это не капиталистическое общество, где главенствует расчет стоимости и прибыли. Наоборот – это общество, в котором решающее значение приобретают человеческие знания и культура, в то время как материальное производство по-прежнему будет обеспечивать *базу* в марксистском смысле. С помощью технического прогресса общество возвышается *из царства необходимости в царство свободы*, говорит Бодрунов словами Маркса [Бодрунов, 2024, с. 188].

Выражение «ноономика» происходит от *«ноо/ноос (noo/noos)»* и *«номи (nomy)»*. Слово *«ноо (noo)»* происходит от греческого слова *«noos»*, означающего разум (восприятие, чувство) и акт разума (мысль, цель, планирование), интеллект и рассудок. «Noos» также означает принцип (по Анаксагору), который действует на элементарные частицы материи (Wiktionary.org). В понимании Бодрунова «noo/noos» означают свет понимания, знание Истины.

Вторая часть выражения, *«номи (nomy)»*, происходит от *«nomos»*, что означает закон, порядок и правило. Итак, сложив эти два понятия, мы получаем *ноономику (noonomy)*, т.е. метод управления общественной жизнью в обществе, которым руководит чистый разум (нообщество), способ удовлетворения потребностей в обществе, где сходятся рынок и план, частная и общественная собственность. Это общество построено на «свете понимания», который скрывает в себе гораздо более широкие и глубокие знания, чем простое научное знание о мире, служащее конкурирующим компаниям. Свет понимания связывает все сегменты человеческой жизни, включая научные, технологические, культурные, духовные и т.д. знания. Ноономика – это общество, в котором *чистый, непорочный дух правит* всеми действиями людей. В продолжение, ноопроизводство означает прямое материальное производство, в котором доминируют цифровые и когнитивные технологии. Ноопроизводство и ноономика формируют *ноосферу*, а значит, целую постиндустриальную *цивилизацию*.

В этом и заключаются объяснения Бодрунова. С марксистской точки зрения, ноономика, по-видимому, является еще одним названием социализма. Маркс в своем *«Очерке критики*

политической экономии» (Grundrisse) писал, что в результате технического прогресса рабочий становится *рядом с производственным процессом* вместо того, чтобы быть его главным агентом, при этом оставляя за собой «функции контроля и регулировки». Маркс отмечал, что социализм – это прыжок общества из царства труда, основанного на потребностях, в царство свободы. Эта свобода означает, что ни один человек не будет вынужден выполнять наемный труд на частных капиталистов, которые экспроприируют добавленную стоимость в своих собственных целях. Таким образом, свобода означает свободу от частной собственности на средства производства.

Принимая во внимание стремительные технологические, геополитические и общественные изменения нашего времени, мы можем с полным основанием утверждать, что мир приближается к социализму/ноономике. Говоря о технологическом развитии, можно вспомнить, например, распространение использования искусственного интеллекта, Интернета вещей, технологий связи пятого поколения (5G), нано- и биотехнологий, сверхскоростных поездов (магнитная левитация) и т.д. С геополитической точки зрения достаточно упомянуть структурные изменения в мировом порядке, возглавляемые Китаем и Россией, а также международное сотрудничество, которое они выстраивают с другими странами Глобального Юга (БРИКС+, инициатива «Один пояс, один путь», ШОС, Международный транспортный коридор «Север-Юг» и т.д.). И, наконец, что касается общественной стороны, то успех «социализма с китайской спецификой» служит ориентиром в будущее для многих стран мира.

Эти события, очевидно, указывают на движение в сторону социализма/ноономики, но империализм все еще стоит у них на пути. Поэтому остается вопрос: как мир может продолжить движение к социализму? Недостаточно просто заявить, что мир приближается к этому, мы должны также выяснить, каковы предпосылки для достижения общества, которым не будет править мотив прибыли – называйте его ноономикой, социализмом или как угодно. «Философы лишь различным образом объясняли мир. Но дело заключается в том, чтобы изменить его», – отмечал Маркс в конце «Тезисов о Фейербахе».

Учитывая, что именно империализм сформировал структуру мира в прошлом веке, первым шагом, который, очевидно, необходимо сделать, является изменение геополитической расстановки сил путем устранения господства империализма в мире.

Пять тезисов о том, как победить империализм

Что касается современного империализма и вопроса о том, как его преодолеть, я обобщаю свою точку зрения в пяти тезисах ниже.

Тезис №1. Конечная стадия империализма – однополярный гегемонистский транснациональный монополистический капитализм (ОГТМК).

Империализм – это политика экспансии первых и наиболее развитых капиталистических стран. Экономическая и политическая структура, международные институты и лоббистские группы, т.е. надстройка мира (международные правила, МВФ, Всемирный банк, НАТО, ЕС, ВТО, ВОЗ, G7, ВЭФ и т.д.), были сформированы в соответствии с их интересами, которые заключаются в сохранении контроля над природными и человеческими ресурсами мира. Одним словом, империализм – это организация капиталистического мирового порядка. Экономическим корнем империализма, как мы знаем из трудов Ленина, является накопление капитала, приведшее к монополистическому капиталу. В свое время Ленин

справедливо утверждал, что империализм есть монополистический капитализм. Он также заявлял, что это последняя стадия капитализма. Был ли он прав? В каком-то смысле так оно и было, если рассматривать «монополистический капитализм» как одну из стадий капитализма, имеющую множество *внутренних стадий*. Однако мы должны помнить, что Ленин также осознал возникновение новой стадии монополистического капитализма, а именно *государственно-монополистического капитализма*. Он также утверждал, что это порог для перехода к социализму, первый шаг на долгом пути к социализму.

Будучи последователем Маркса, Ленин отмечал, что философия ценна лишь настолько, насколько она соотносится с практикой. Он также подчеркнул первостепенную важность «конкретного анализа конкретной ситуации» во всех случаях. Следуя его указаниям, мы должны осознать, что после смерти Ленина империализм претерпел изменения.

По мере накопления капитала развивается монополистический капитализм, а империализм меняет свою форму, поднимаясь на все более высокий уровень концентрации власти. На сегодняшний день мы можем выделить следующие стадии и формы империализма.

За *рыночным капитализмом* на рубеже XIX и XX веков последовала эпоха *монополистического капитализма*. Накопление капитала, управление его кризисами и вечная потребность капитала в экспансии и захвате ресурсов других стран для получения большей прибыли и финансирования относительного благосостояния своего внутреннего рабочего класса впервые привели к возникновению *государственно-монополистического капитализма* после Первой мировой войны. Государственно-монополистический капитализм также приобретал многочисленные формы. Одна из них – *фашизм*, самая жестокая форма диктатуры финансового капитала. Другая – т.н. «*государство всеобщего благосостояния (социальное государство)*», возникшее после Второй мировой войны в Западной Европе. Эта форма является наглядным примером исключительного положения рабочего класса Глобального Севера на фоне жалкого положения трудящихся Глобального Юга.

После кризиса 1970-х годов продолжение накопления капитала потребовало еще больших ресурсов и меньших препятствий для экспансии капитала. Правительства развитых капиталистических стран скорректировали и изменили свою политику в пользу печально известного неолиберализма, построенного на свободных принципах: либерализация торговли, отмена регулирования экономики и приватизация государственных компаний. Международные институты империализма заставили бедные и обремененные долгами страны Глобального Юга принять эту политику и открыть свои рынки. Накопление капитала продолжалось и привело к появлению еще больших монополий: транснациональных корпораций, возвышающихся над государствами. Так родился новый уровень монополистического капитализма, а именно *транснациональный монополистический капитализм*. В связи с этими изменениями финансово-военная мощь Глобального Севера продолжает переходить к Соединенным Штатам.

В 1990-х годах с крахом социалистических режимов Восточной Европы и роспуском их военной организации (Варшавского договора), которая до того времени служила неким противовесом глобальному накоплению капитала и монополизации, мы вступили на новый этап: *однополярный гегемонистский транснациональный монополистический капитализм* с Соединенными Штатами в качестве гегемона.

Таковы этапы накопления капитала, рассматриваемые с точки зрения Глобального Севера. Рассматривая историю с точки зрения Глобального Юга, мы обнаруживаем, что

в конце XV века сначала возник *колониализм*, а затем *империализм*, принявший новую форму – *неоколониализм* – после Второй мировой войны. Затем, при однополярном гегемонистском транснациональном монополистическом капитализме мы пришли к финансово-, военно-, технологически и идеологически крайне централизованному и институционализированному империализму. С. Амин (2015) назвал это коллективным империализмом триады (Северная Америка, Западная Европа и Япония). Однако история украинского кризиса с 2014 года и по настоящее время показывает, что империализм больше не является коллективным. Империалистические страны полностью находятся под командованием военного комплекса США и не способны больше действовать без него.

Эта форма, по-видимому, является конечной стадией монополизации капитала и империализма, поскольку трудно представить себе более централизованный и концентрированный капитализм, чем тот, который находится под контролем одной-единственной страны. Если что-то не может развиваться, оно исчезнет.

В то же время, когда Запад применял неолиберализм, Китай проводил аналогичные реформы, следуя указаниям Дэн Сяопина. Коммунистическая партия Китая использовала силы капитализма для сдерживания экономического развития и удовлетворения потребностей людей в стране. Экономическое, политическое и идеологическое влияние Китая растет, особенно после запуска инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 году. Таким образом, конечная стадия империализма является окончательной не только потому, что накопление капитала и концентрация достигли чрезвычайно высокого уровня, но и потому, что у *империализма появился новый соперник*. Мир стремительно меняется, и мы видим арьергардные бои империализма.

Тезис №2. В империализме классовые противоречия достигли глобального уровня.

С тех пор, как капитализм стал глобальным и установил в мире империалистическую иерархию, классовые противоречия вышли на глобальный уровень. Это означает, что классовые противоречия проявляются в форме противоречий между государствами, т.е. противоречий между центром и полупериферией капиталистическо-империалистического мирового порядка (рис. 1). На вершине империалистической иерархии стоят Соединенные Штаты как гегемон, чьим интересам служат дополнительные слои империалистических государств. Первый слой состоит, прежде всего, из Великобритании, за которой следуют наиболее развитые члены Европейского союза (Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Люксембург, Нидерланды, Швеция) и другие сильные европейские государства (Норвегия, Швейцария), а также азиатские страны, такие как Япония, Австралия и Новая Зеландия. Эти страны я называю краем центра или «краем-центром». Этот центр империализма также обслуживается теми периферийными и полупериферийными странами, которые прочно связаны в надстройку империализма, например, Европейский союз, НАТО, НАФТА, глобальные цепочки создания стоимости и финансовые сети транснациональных корпораций. Их я называю *интегрированной полупериферией* и *интегрированной периферией*. Интегрированная периферия состоит из Италии, Ирландии, Греции, Португалии, Испании, других небольших европейских стран, таких как Кипр или Мальта, а также «тигров» Юго-Восточной Азии (Гонконг, Сингапур, Тайвань, Южная Корея). К группе интегрированной периферии относятся одиннадцать государств Центральной и Восточной Европы – членов ЕС, Мексика. Могут быть упомянуты и другие страны в

зависимости от фактического правительства, которое у них есть на данный момент (например, Филиппины). Такова организованная и предельно централизованная структура современного империализма.

Все остальные страны, большая часть мира, относятся к исторически эксплуатируемой и/или систематически угнетаемой глобальной полупериферией и глобальной периферией. То, что мы видим сегодня, это восстание этих стран под руководством сильнейших государств мировой полупериферии, Китая и России, против централизованного империализма. К группе глобальной полупериферии относятся страны-основатели БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), Турция, Иран, Саудовская Аравия, и эта группа растет. Наконец, глобальная периферия состоит из «третьего мира», как его называли во время холодной войны между Западом во главе с США и социалистическим Востоком во главе с Советским Союзом. К этой группе относятся бедные страны Азии, Африки и Латинской Америки. Степень эксплуатации стран империалистическим центром имеет тенденцию к увеличению сверху вниз в этой пирамиде.

Как показано на рисунке 1, глобальная полупериферия включает в себя не только полупериферию (БРИКС и т.д.), но и интегрированную периферию. Положение последней весьма неприятно и неопределенно. Страны этой группы будут одними из первых, кто захочет покинуть империалистический загон. Примером такой возможности является Венгрия. Глобальная периферия и глобальная полупериферия в моей классификации вместе образуют Глобальный Юг.

Рис. 1. Иерархия однополярного гегемонистского транснационального монополистического капитализма

Примечание: IC= внутренний центр, IP = внутренняя (полу)периферия
(источник: составлено автором)

Рисунок 1 также иллюстрирует, что все слои имеют свою внутреннюю иерархию, которая содержит внутренние центры и внутренние полупериферии. Ни одна из стран не свободна от какого-либо более или менее сильного внутреннего классового конфликта, который империалистические силы, равно как и антиимпериалистические, могут использовать в борьбе, которая ведется сегодня на глобальном уровне. Наконец, рисунок 1 символизирует подъем Китая, выходящего из периферии, и его путь развития, нацеленный не на положение гегемона, а на новую мировую систему.

За Китаем и его ближайшими партнерами по БРИКС следует все больше стран, которым они предлагают лучшее сотрудничество, чем Запад. Такая переориентация стран третьего мира выбьет почву из-под ног империализма, лишив его природных и человеческих ресурсов, которые на протяжении столетий обеспечивали накопление капитала, развитие и благосостояние.

Тезис №3. Отрыв Глобального Юга от империализма является предпосылкой суверенитета.

Такое лишение ресурсов империалистических стран было названо С. Амином (1985) «отрывом», но его также можно назвать «размыканием», «расцеплением» или «разрывом пары», как предложил А. Дугин [Дугин, 2024]. Отрыв/расцепление – это экономический, политический, идеологический и культурный процесс, посредством которого страны Глобального Юга могут восстановить свой суверенитет.

Отрыв не означает автаркию. Он означает прекращение эксплуатации, высасывания ценностей и ресурсов, а также отравляющих связей, посредством которых неоколонизированное государство подвергается политическому, культурному и другим влияниям. Отрыв не всегда является добровольным действием. Он может быть следствием политики стремления к суверенитету. Это произошло с Россией. Империализм не идет на компромиссы. Если страна не готова полностью подчиниться правилам игры империализма, она будет наказана. Из-за своей слепой гордыни Европа и США не могут представить, что какая-либо страна может выжить без них. Поэтому они вводят санкции против «недружественных» стран и тем самым сами разрывают связи, подталкивая к отрыву от них. Результат мы видим на примере Кубы, России, Китая, Северной Кореи, Ирана и т.д.

Страны, пострадавшие от санкций, запустили национальные стратегии развития, основанные на собственных ресурсах и талантах. Даже если санкции наносят ущерб странам, на которые они распространяются, политика санкций имеет эффект бумеранга для тех, кто ее применяет. Отрыв более вреден для эксплуататора, чем для эксплуатируемого. Экономическая ситуация в Европе ухудшается, в то время как в сотрудничающих странах Глобального Юга она укрепляется, а их суверенитет восстанавливается. Вот в чем смысл отрыва: восстановить суверенитет и свободу выбора. После установления суверенитета классы каждой нации могут вести свою национальную борьбу или, если они того пожелают, заключать компромиссы относительно социально-экономического развития нации без вмешательства иностранных держав.

Отрыв лишает империализм ресурсов, которые позволяют ему существовать. Капитализм/империализм достиг своей финальной стадии – если только он не сможет покорить другие цивилизации во Вселенной. Даже в этом случае жизненный цикл империализма на земном шаре подошел к концу. Что же дальше?

Тезис №4. Антиимпериалистическая борьба, возглавляемая Китаем и Россией, ведет к многополярному миру.

Благодаря Китаю и России классовая борьба усилилась на глобальном уровне в форме обостряющегося противостояния между империалистическим центром и Глобальным Югом. Китай с его «социализмом с китайской спецификой» доказал миру, что существует альтернативный хищническому, неоколонизаторскому и империалистическому капитализму общественный порядок. Нравится нам это или нет, Россия является правопреемницей Советского Союза в глазах многих стран третьего мира. Она также представляет собой боеспособное в военном отношении сопротивление империализму. Китай является лидером в экономической и социальной трансформации мира, а Россия предоставляет ему военный потенциал и обильные природные ресурсы. Дружба этих двух держав стала логичным развитием событий, поскольку империализм определил их как своих главных врагов.

Чем больше стран присоединятся к Китаю и России для совместного развития экономики и повышения уровня жизни людей, тем больше будет продвигаться процесс отрыва и развиваться многополярный мир. Ни Китай, ни Россия даже в советское время, никогда не стремились к гегемонии над миром. На протяжении всей своей истории им приходилось упорно трудиться ради своего развития или даже выживания, будучи бедными периферийными/полупериферийными странами, а также вести вооруженную борьбу против империалистических стран. Тем не менее, они обе помогали другим странам на основе невмешательства, мирного сосуществования, взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества. Это, очевидно, представляет собой политику многополярности.

Китай возглавляет коммунистическая партия, а Конституция Китая провозглашает Китай социалистической страной. Россия была первой социалистической страной, которая смогла не только выжить, но и оказалась достаточно сильной, чтобы победить самую жестокую форму империализма – фашизм. Сегодня КПРФ является второй по величине партией в Думе. Таким образом, и Китай, и Россия являются пионерами глобальной классовой борьбы против монополистического капитала, который является общим врагом всего третьего мира. Подводя итог, можно сказать, что Китаю и России суждено служить делу социализма. Это подводит нас к пятому тезису.

Тезис №5. Многополярность открывает путь к социалистической трансформации с национальными особенностями повсюду.

Укрепление многополярности будет означать не только структурные изменения в модели международных отношений стран. Многополярность также будет способствовать глубоким изменениям в доминирующей общественной системе человечества. Потому что в многополярной системе ни одна страна не будет достаточно могущественной, чтобы принуждать других. Гегемония частного капитала исчезнет. Если империализм будет побежден, гегемонии частного капитала придет конец. Страны смогут выбирать свой собственный путь развития. Таким образом, многополярность открывает путь к социалистической трансформации с национальными особенностями повсюду. Если этого не произойдет, т.е. если капитализм, олицетворяющий империализм, продолжит господствовать в мире, изменение мирового порядка не будет завершено. Борьба против империализма, как старого, так и нового, будет продолжаться.

Борьба с империализмом длится столько же, сколько существует и сам империализм. По сути, она длится уже больше века. Она началась с Октябрьской революции 1917 года

в России, продолжилась в ходе борьбы Советского Союза с фашизмом и усилилась после Второй мировой войны в форме деколонизации. Новый – многополярный, как мы сейчас говорим – мировой порядок был требованием третьего мира с 1950-х годов, когда в Бандунге (Индонезия) прошла первая Азиатско-африканская конференция. Здесь представители двух континентов изложили принципы международных отношений, которые они хотели бы установить. Они основывались на Пяти принципах (на языке хинди – «Панча Шила») мирных международных отношений, закрепленных в китайско-индийском соглашении между Китаем и Индией по Тибету в 1954 году. Этими принципами международных отношений являются: взаимное признание суверенитета и территориальной целостности друг друга, ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование.

В последующие десятилетия произошло много событий и было создано много организаций, которые продемонстрировали укрепление самоорганизации Глобального Юга: Организация солидарности с народами стран Африки и Азии, Движение неприсоединения, ЮНКТАД, документ о Новом международном экономическом порядке и т.д. – лишь некоторые из них (рис. 2).

Деколонизация, национальный суверенитет, формирование национальной идентичности и т.д. привели к отрыву, и стремящийся к независимости Глобальный Юг постепенно окружил имперский Север. Этот круг окружения империализма [Артнер, 2023b] со все более уверенным в себе и организованным Глобальным Югом прекратился только до кризиса цен на нефть 1970-х годов. Последующий долговой кризис развивающихся стран остановил процесс эмансипации. Неолиберализм и распад Советского Союза вновь подтолкнули Глобальный Юг к угнетению.

Новый импульс делу Глобального Юга придали кризис 2008 года и, в особенности, 2013 год, когда Си Цзиньпин запустил монументальный инфраструктурный проект «Один пояс, один путь». В то же время Си Цзиньпин также повернул колесо развития Китая от капиталистического к социалистическому направлению и поставил в центр внимания внутреннюю экономику, инновации и повышение уровня жизни людей, а также активизировал международное сотрудничество. Империализм ответил на этот вызов организацией цветных революций, введением санкций и провокацией России с распространением НАТО на Украину.

Важным этапом в борьбе с империализмом стало начало специальной военной операции России на Украине. Это было неизбежное антиимпериалистическое действие, поскольку на карту были поставлены жизненно важные интересы России [Артнер, 2023a]. Такой смелый шаг России ускорил отрыв и окружение. Достаточно вспомнить события во франкоязычных странах Африки к югу от Сахары, ракетные атаки йеменских хуситов на корабли империалистических государств в Красном море, живой интерес многих стран к членству в БРИКС и т.д.

Ни одна система не исчезает со сцены истории, пока она не разовьется полностью. Капитализм реализовал свою сущность, развив *однополярный гегемонистский транснациональный монополистический капитализм* (ОГТМК) и *полностью централизованный империализм*.

Мир кипит, и эпоха империализма заканчивается. Вопрос в том, можно ли мирным путем изменить мир на многополярный, или империализм спровоцирует новую мировую войну. На момент написания этих строк перспективы кажутся многообещающими, поскольку вслед за США уже и Германия, похоже, тоже думает о прекращении разжигания войны на Украине.

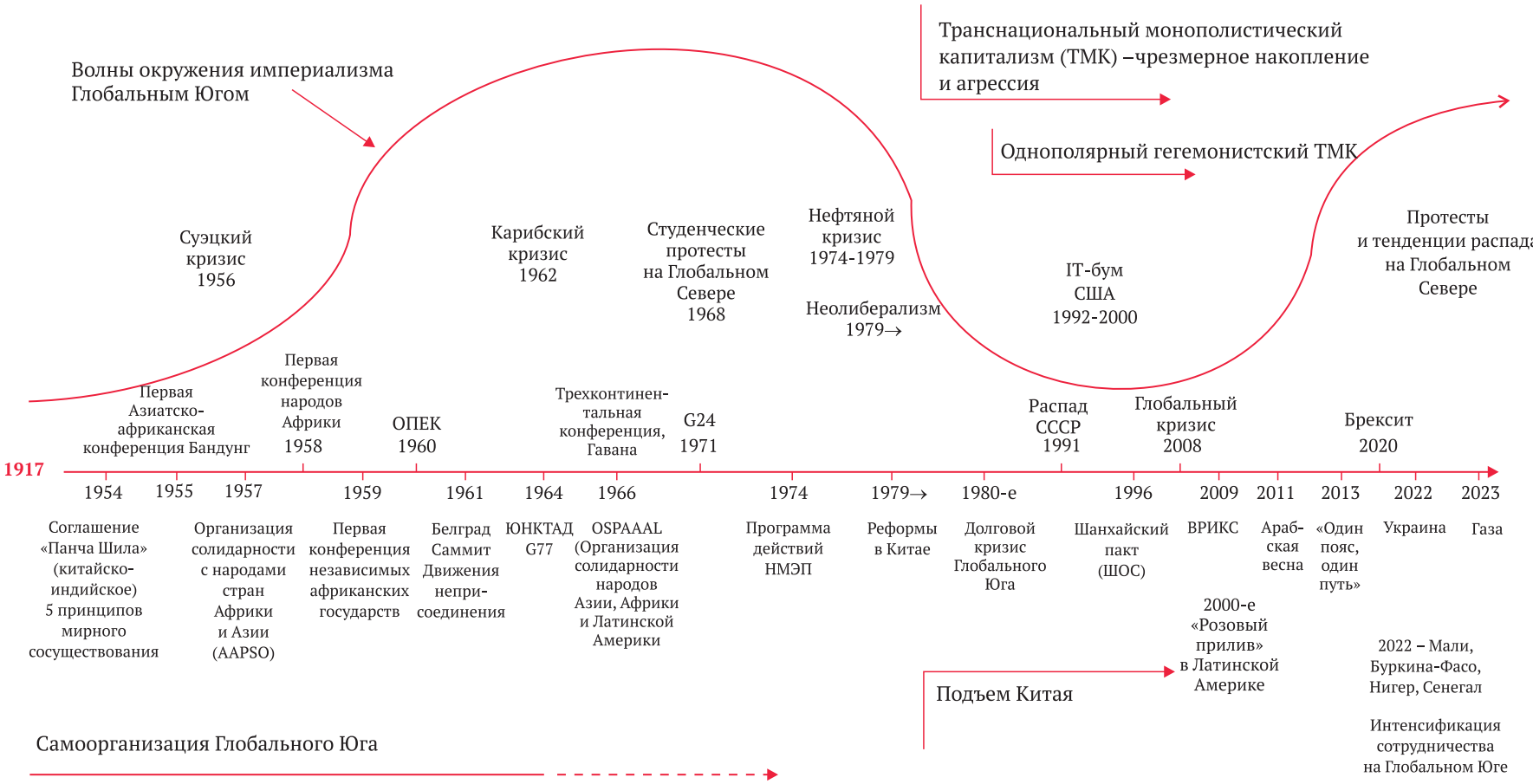


Рис. 2. Волны окружения империализма Глобальным Югом

(источник: составлено автором)

Резюме и заключение

После представления исторической эволюции капитализма и империализма была представлена концепция ноономики Сергея Бодрунова, а также обозначена ее схожесть с социализмом. Объяснено, почему однополярный гегемонистский транснациональный монополистический капитализм (ОГТМК), а также централизованный и концентрированный империализм являются окончательной экономической и политической формой империализма, и почему борьба с империализмом является фактической формой борьбы капиталистического класса на глобальном уровне. Затем последовало обсуждение вопросов отрыва от империализма, принудительного отрыва и окружения, которые являются элементами антиимпериалистической политики Глобального Юга. Раскрыта роль Китая и России в организации Глобального Юга и формировании многополярного мира, а также то, почему многополярный мир открывает путь к социализму или ноономике.

Считаю, что мой анализ доказывает, что переход к обществу, дружественному к людям, будь то постиндустриальное некапиталистическое общество, вроде ноономики, или его вариант в форме социализма с национальными особенностями, уже происходит. Идеи сообщества, коммунизма, социализма возвращаются в форме новой волны деколонизации, оси сопротивления и социализма с национальными особенностями, что мы видим в Китае, Северной Корее, Вьетнаме, Кубе, Буркина-Фасо (взращивающей дух Т. Санкары), Мали и Нигере, Венесуэле и т.д. Более того, мы видим попытки отойти от империалистических отношений во многих странах государственного капитализма в арабском мире, а также в Европе, например, в Венгрии, где существует правое правительство, стремящееся к суверенитету и основанное на национальном капиталистическом классе. Пока такие правые правительства не борются за суверенитет нации, даже если они на словах являются антикоммунистами, они объективно служат делу социализма и некапиталистического постиндустриального общества, каковым является ноономика.

Список источников

Амин С. (1985). Отрыв: в стремлении к многополярному миру. Лондон: издательство Zed Books.

Амин С. (2015). Современный империализм. Monthly Review. Vol. 67 (3). Pp. 23-39.

Артнер А. (2023a). Рождение нового мира: антиимпериалистическая борьба России в Украине. International Critical Thought. Vol. 13 (1). Pp. 37-55.

Артнер А. (2023b). Глобальное окружение и перспективы социализма в XXI веке // Россия в глобальной политике. № 21 (4). С. 96-122.

Бодрунов С.Д. (2024). Ноономика. Палм-Бэй и Берлингтон: издательство Apple Academic Press.

Ван дер Линден М. (2012). Секрет Гершенкрона: исследовательская записка. Critique. Vol. 40 (4). Pp. 553-562. https://doi.org/10.1080/03017605.2012.735873

Гильфердинг (1910). Финансовый капитал. Глава 25. Марксистский интернет-архив: https://www.marxists.org/archive/hilferding/1910/finkap/

Гобсон Дж.А. (1902). Империализм, исследование. Первое издание. Размечено Эйнде О›Каллаган для Марксистского интернет-архива. Глава VII. https://www.marxists.org/archive/hobson/1902/imperialism/index.htm

Дугин А. (2024). Декаплинг. ARKTOS, 8 августа 2024 г. https://www.arktosjournal.com/p/decoupling

Ленин В.И. (1916). Империализм как высшая стадия капитализма. Марксистский интернет-архив: https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1916/imp-hsc/
Нкрума К. (1965). Неоколониализм как последняя стадия империализма. Лондон: Thomas Nelson & Sons, Ltd.
Фукуяма Ф. (1992). Конец истории и последний человек. Нью-Йорк: The Free Press.
Шпенглер О. (1918). Упадок Запада. Лондон: Allen & Unwin. https://archive.org/details/declineofwest01spenuoft/page/n5/mode/2up

References

Amin, S. (1985) *Delinking: Towards a Polycentric World*. London: Zed Books.
Amin, S. (2015) Contemporary Imperialism. *Monthly Review*, 67(3) pp. 23–39.
Artner, A. (2023a) A New World Is Born: Russia's Anti-imperialist Fight in Ukraine, *International Critical Thought*, 13(1) pp. 37-55.
Artner, A. (2023b) Global encirclement and prospects of socialism in the 21st century. *Russia in Global Affairs,* 21(4) pp 96-122.
Bodrunov, S. (2024) *Noonomy*. Palm Bay & Burlington: Apple Academic Press.
Van der Linden, M. (2012). Gerschenkron's Secret: A Research Note. *Critique*, *40*(4), 553–562. https://doi.org/10.1080/03017605.2012.735873
Hilferding (1910) Finance Capital. Chapter 25. Available at: Marxists' Internet Archive https://www.marxists.org/archive/hilferding/1910/finkap/
Hobson, J. A. (1902) *Imperialism, A Study*. First edition. Marked up by Einde O'Callaghan for the Marxists' Internet Archive. Chapter VII. The Outcome. Available at: https://www.marxists.org/archive/hobson/1902/imperialism/index.htm
Dugin, A. (2024) Decoupling. ARKTOS, Aug 08, 2024. Available at: https://www.arktosjournal.com/p/decoupling
Lenin, V.I. (1916) Imperialism, the Highest Stage of Capitalism. Available at: Marxists' Internet Archive https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1916/imp-hsc/
Nkrumah, K. (1965) *Neo-Colonialism, the Last Stage of Imperialism*. London: Thomas Nelson & Sons, Ltd. Available online:
Fukuyama, F. (1992) *The end* of *history* and the *last man*. New York: The Free Press.
Spengler, O. (1918) *The decline of the West*. London: Allen & Unwin. Available online: https://archive.org/details/declineofwest01spenuoft/page/n5/mode/2up

Информация об авторе

Аннамария Артнэр
Старший научный сотрудник Института мировой экономики, профессор Университета им. Милтона Фридмана (Будапешт, Венгрия)
E-mail: artner.annamaria@krtk.hun-ren.hu

Information about the author

Annamaria Artner
Senior research fellow, HUN-REN Institute of World Economics, Professor Milton Friedman University (Budapest, Hungary)
E-mail: artner.annamaria@krtk.hun-ren.hu

DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-95-105

Чен Эньфу
Китайская Академия общественных наук (Пекин, Китай)

ОБ ЭФФЕКТИВНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КИТАЯ И РОССИИ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» И СТРАТЕГИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Аннотация: в статье отмечается, что в отличие от неолиберальной гегемонистской политики и модернизации США и Запада, инициатива «Один пояс – один путь» выступает за свободный выбор странами собственного вектора развития в рамках взаимовыгодного сотрудничества, «зеленого» экологического сообщества и совместного использования результатов деятельности. В рамках активного расширения китайско-российского сотрудничества раскрывается идея стратегического совместного освоения Дальнего Востока, в частности – развитие сухопутного и морского Экономического пояса Нового Шелкового пути на северо-востоке Китая. Такая инициатива состоит из двух основных и вспомогательных узловых пункта с опорой на пять городов-ядер, соединяющая в себе пять стратегических проектов в один центр регионального развития. Подчеркивается, что цивилизованные страны и народы мира должны объединиться и совместными усилиями активно противостоять провокационному натиску и гегемонистскому доминированию США и Запада в экономической, политической и военной сферах, продолжать борьбу за подлинную многосторонность и построение Сообщества единой судьбы человечества, инициаторами которого являются страны Юга, такие как Китай и Россия.
Ключевые слова: ноономика, экономическая интеграция, стратегия опережающего развития, ЕАЭС, противоречия западного мира, стратегическое планирование, сообщество единой судьбы человечества, инициатива «Один пояс – один путь».

Для цитирования: Чен Эньфу. (2024). Об эффективном взаимодействии Китая и России в рамках инициативы «Один пояс - один путь» и стратегии евразийского экономического союза // Ноономика и нооообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 3, № 2, С. 95–105. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-95-105

Cheng Enfu
Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, China)

REGARDING EFFICIENT COORDINATION BETWEEN CHINA AND RUSSIA AS PART OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE AND THE STRATEGY OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Abstract: The article states that, in contrast to the neoliberal hegemonic policies and modernization of the United States and the West, the Belt and Road Initiative advocates for countries to freely

choose their own development vector as part of mutually beneficial cooperation, a “green” community, and the joint use of work products. As part of a vigorous intensification of Chinese-Russian cooperation, the idea of strategic joint development of the Far East is being disclosed, in particular, the development of the land and sea Economic Belt of the New Silk Road in northeast China. This initiative consists of two main and auxiliary hubs based on five core cities, combining five strategic projects into one regional development center. It is emphasized that civilized countries and peoples of the world must unite and, through joint efforts, heavily resist the provocative onslaught and hegemonic dominance of the United States and the West in the economic, political and military sectors, continue the struggle for genuine multilateralism and the construction of a Community of Shared Destiny for Mankind, initiated by the countries of the South, such as China and Russia.
Keywords: noonomy, economic integration, advanced development strategy, EAEU, contradictions of the Western world, strategic planning, Community of Shared Destiny for Mankind, Belt and Road Initiative.

For citation: Cheng Enfu (2024). Regarding Efficient Coordination between China and Russia as part of The Belt and Road Initiative and the Strategy of the Eurasian Economic Union // *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, Vol. 3, No. 2, pp. 95–105. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-95-105

程恩富
中国社会科学院(中国,北京)

论中俄在“一带一路”倡议和欧亚经济联盟战略架构下的成功合作

摘要:文章指出,与美国和西方的新自由主义霸权政策和现代化途径不同,“一带一路”倡议主张在互利合作、绿色生态共同体和共享合作成果的框架内自由选择本国的发展方向。在积极扩大中俄合作的背景下,联合对远东进行战略性开发,特别是中国东北陆海新丝绸之路经济带的开发。这一倡议包括一个主要枢纽和一个辅助枢纽,依托五个核心城市将五个战略项目联合为一个区域发展中心。作者强调,世界文明国家和人民应团结起来,共同积极反对美国和西方国家在经济、政治和军事领域的挑衅和霸权,继续为中国和俄罗斯等全球南方国家倡导的真正多边主义和构建人类共同命运共同体而努力。
关键词:智慧经济学、经济一体化、超前发展战略、欧洲经济联盟、西方世界的矛盾、战略规划、人类命运共同体、“一带一路”倡议。

引用注释:程恩富 (2024) 论中俄在“一带一路”倡议和欧亚经济联盟战略架构下的成功合作 //智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 3, No. 2, pp. 95–105. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-95-105

Инициатива «Один пояс – один путь» является для Китая важной платформой для его открытости внешнему миру на высоком уровне. За 10 лет, прошедших с момента начала продвижения инициативы «Один пояс – один путь», Китай коренным образом изменил мо-

дель открытия Китая для внешнего мира благодаря взаимному политическому доверию, экономической взаимовыручке и культурной интеграции между Китаем и странами и регионами, где внедряется данная инициатива. По состоянию на сентябрь 2023 года Китай подписал более 230 документов о сотрудничестве в рамках стратегии «Один пояс – один путь» с более чем 150 странами и 30 международными организациями в различных областях, включая торговлю и инвестиции, финансовое сотрудничество и культурный обмен, в результате чего было реализовано более 3 000 совместных проектов.

Согласно докладу Всемирного банка, участие в проектах «Один пояс – один путь» позволило увеличить объем торговли между участниками на 4,1 %, привлечь на 5 % больше иностранных инвестиций и увеличить ВВП стран с низким уровнем дохода на 3,4 %. В то же время некоторые страны, вовлеченные в программу «Один пояс – один путь» постепенно вступают на путь трансформации к более экологичному и технологичному производству, и большинство из них, включая Саудовскую Аравию, ЮАР и Эфиопию, разработали планы развития, связанные с реструктуризацией энергетики и строительством цифровой инфраструктуры, что обеспечит более широкое пространство для вовлечения китайских предприятий в строительство инфраструктуры стран-участниц проекта.

Таблица 1

Объем прямых нефинансовых инвестиций китайских предприятий в страны, реализующие стратегию «Один пояс – один путь», за 2015-2022 гг. (в млрд юаней)

Объем инвестиций	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Один пояс – один путь	148,2	145,3	143,6	156,4	150,4	177,9	1309,7	1410,5	2240,9
Прирост, в %	18,2	-2	-1,2	8,9	3,8	18,3 %	6,7	7,7	28,4

Источник информации: Статистический бюллетень исходящих прямых инвестиций КНР

По мере углубления реализации инициативы «Один пояс – один путь» все больше китайских предприятий активно осуществляют диверсифицированные инвестиционные проекты и совместные программы, которые включают в себя не только традиционное инфраструктурное строительство, но и сферы финансов, телекоммуникаций, энергетики и производства.

К 2023 году объем общеотраслевых внешних прямых инвестиций Китая показал быстрый рост, при этом нефинансовые инвестиции в страны, вовлеченные в инициативу «Один пояс – один путь», выросли на 28,4 % по сравнению с 2022 годом, а китайские предприятия подписали в данных странах новые строительные контракты на сумму 1 600,73 млрд юаней, рост составил 10,7 %. В то же время общий объем слияний и поглощений, объявленный китайскими предприятиями в странах «Пояса и пути», достиг 17,34. Одним словом, за последние 10 лет, по мере того как масштабы китайского «выхода в мир» продолжают расти, китайское зарубежное инвестиционное сотрудничество увеличилось как в количественном, так и в качественном отношении. Объем прямых внешних инвестиций Китая к концу 2022 года достиг 275 млрд юаней, что почти в пять раз больше, чем в конце 2013 года.

По сути, инициатива «Один пояс – один путь» не только открывает новый маршрут для независимого участия Китая в глобализации, но и дает китайской экономике возможность

выхода на международный рынок. Китайская экономика движется в направлении совместного развития стран и регионов «Пояса и пути» в более крупных масштабах, что свидетельствует о стойкой приверженности Китая концепции Сообщества единой судьбы человечества. Основные особенности данной стратегии заключаются в следующем:

Во-первых, это стремление к созданию союза стран на основе взаимовыгодного сотрудничества. В настоящее время дисбаланс в мировом развитии становится все более выраженным, усиливаются региональные конфликты, и этот дисбаланс отражается не только в отношениях между развитыми странами Запада и развивающимися странами, но и внутри самих западных стран. В западной модели мировой системы «центр-периферия» (в рамках такой модели профессор И. Валлерстайн из США и профессор А.В. Бузгалин из России рассматривают Россию как «полупериферийную» и «полузависимую» страну) большинство развивающихся стран находятся в крайне уязвимом положении. Им трудно иметь доступ к процессам международного дискурса и отстаивать свои права и интересы. В то же время стратегия «Пояса и пути» подразумевает общее гармоничное развитие вовлеченных стран. К концу 2022 года из 151 страны, подписавшей с Китаем соглашение о включении в программу «Один пояс – один путь», 144 страны (Сирия, Ливан, Афганистан, Куба, Палестина, остров Ниуэ и острова Кука не включены в статистику по причине отсутствия данных) имеют общий объем ВВП в размере 23,28 трлн долларов, что составляет 23,23 % от общемирового объема ВВП, а их совокупный годовой прирост составляет 1,68 %. Согласно докладу Всемирного банка, участие в проектах «Один пояс – один путь» позволило увеличить объем торговли между участниками на 4,1 %, привлечь на 5 % больше иностранных инвестиций и увеличить ВВП стран с низким уровнем дохода на 3,4 %.

Во-вторых, это стремление к созданию «зеленого» экологичного сообщества стран.

«Зеленое» экологичное сообщество – это глубокая интеграция идеи экологической цивилизации и инициативы международного сотрудничества «Один пояс – один путь». С глобальной точки зрения, в отличие от экоимпериалистического пути западных стран, зеленое экосообщество, центром которого является «Пояс и путь», представляет собой новую платформу для общения и сотрудничества стран друг с другом на равных условиях и создает новую модель экономического развития, основанную на совместном строительстве, управлении и совместном использовании. Например, в 2023 году пять стран Центральной Азии на Китайско-центральноазиатском саммите достигли консенсуса по «Инициативе зеленого и низкоуглеродного развития Центральной Азии», активно выступая за углубление сотрудничества в области зеленого развития и противодействия изменению климата.

Таким образом, создание зеленого экосообщества под руководством вдохновителей и разработчиков стратегии «Пояса и пути» – это экологическая концепция глобального масштаба, включающая целый ряд инициатив, таких как зеленые финансы, зеленая инфраструктура, зеленая энергетика, зеленый транспорт и т. д., которая не только играет положительную роль в устойчивом развитии стран вдоль маршрута, но и использует весь опыт и мудрость Китая в отношении глобального экологического устойчивого развития.

В-третьих, это стремление к поиску общих точек соприкосновения, приспособлению к различиям стран-участников.

В той версии глобализации, которую предлагает Запад, первый этап – это своего рода «дипломатия канонерок», в которой сильный пожирает слабого, средний этап – глобальная

геополитическая война за ресурсы и рынки колоний, а поздний этап – это, в основном, экспансия промышленного капитала, финансов и культурная экспансия стран-гегемонов, и проявления особенностей этих трех этапов будут появляться попеременно в разные периоды, сменяя друг друга.

Чтобы сохранить вековые привилегии западного капитала во всем мире, Группа семи (G7), ядром которой являются Соединенные Штаты, привыкшая к собственной монополии, вмешивается во внутренние дела других стран, препятствуя нормальному экономическому развитию других стран, таких как Китай, Россия, Иран, Сирия и Корейская Народная Демократическая Республика. Однако правильное направление мировой модернизации должно соответствовать глобальной концепции Сообщества единой судьбы человечества, которую отстаивает модернизация китайского типа. Это такой тип развития, который подчеркивает взаимное уважение, поиск точек соприкосновения при сохранении различий, взаимную выгоду и такое взаимодействие между странами, в котором нет победителей и проигравших.

Несмотря на различия в политических системах, уровнях развития и путях развития стран «Пояса и пути», Китай с уважением относится к текущему состоянию развития каждой страны, способствуя взаимовыгодному сотрудничеству между странами вдоль маршрута. Благодаря практическим мерам, под руководством разработчиков стратегии «Пояса и пути» было создано сообщество, стремящееся найти общую почву для взаимодействия, смириться с разногласиями и сотрудничать на общих основаниях.

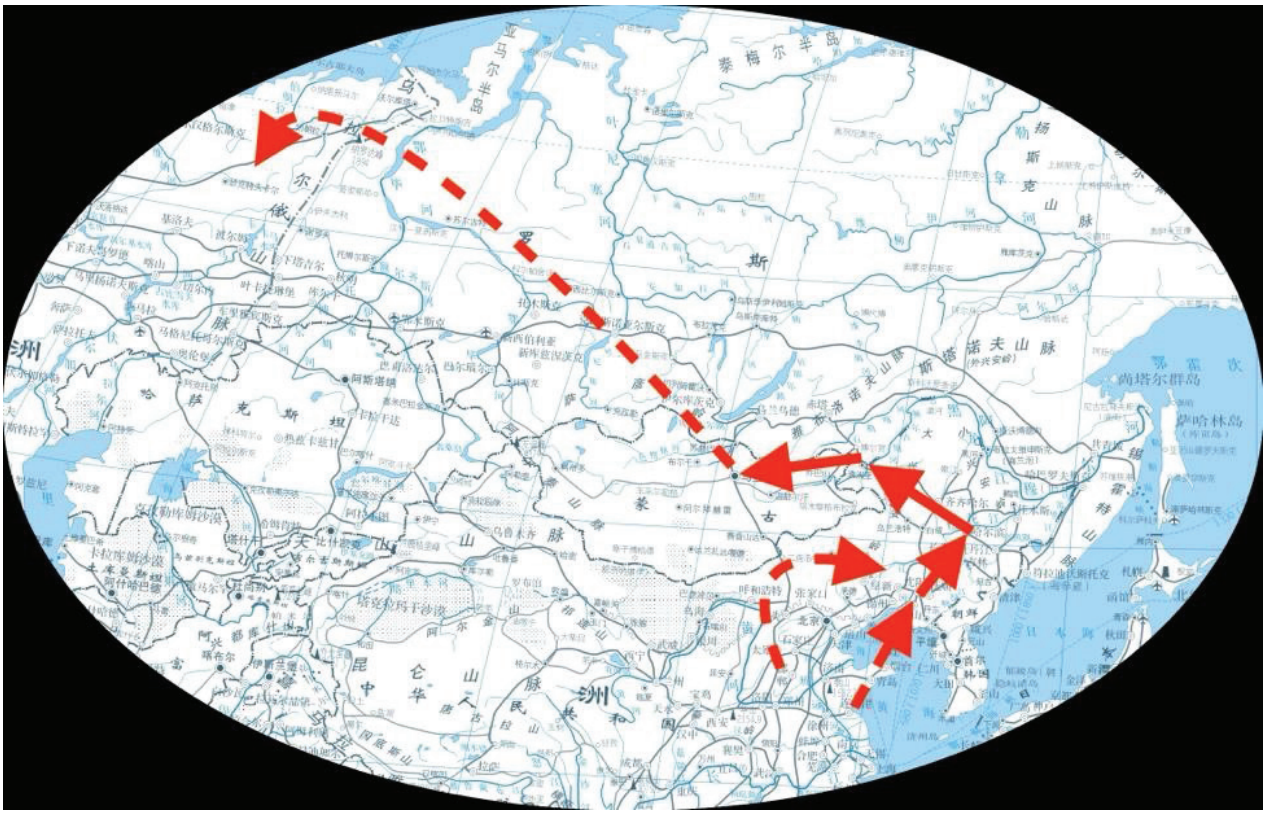
Далее хотелось бы поговорить о развитии взаимодействия инициативы «Один пояс – один путь» и Евразийского экономического союза. Возьмем за пример совместное освоение Дальнего Востока Россией и Китаем. Вопрос совместного развития Дальневосточного федерального округа наиболее тесно связан с центральным звеном экономической программы Китая и является ключевой частью усилий Китая по оживлению экономики Северо-Востока КНР. Это основная тенденция и схема развития сухопутного и морского Экономического пояса Нового Шелкового пути в Северо-Восточном Китае на сегодняшний день. Отличительной особенностью «Пояса и пути» на северо-востоке Китая от других регионов является его взаимосвязанность с другими регионами. Поэтому строительство сухопутного и морского экономического пояса Нового Шелкового пути на северо-востоке Китая должно быть ориентировано на мир с прицелом на будущее, что является главной идеей новой эры. Следует заметить, что северо-восточный сухопутный и морской Экономический пояс Шелкового пути Китая представлен двумя основными и двумя вспомогательными узловыми пунктами и опирается на пять городов-ядер, соединяя пять стратегических проектов в один центр регионального развития. С учетом правильного понимания стратегии необходимо активно расширять китайско-российское сотрудничество, а через всестороннее сотрудничество с Россией, прагматичное сотрудничество со странами Центральной и Восточной Европы и взаимовыгодное сотрудничество с Европейским союзом мы должны энергично поддерживать и продвигать северо-восточную стратегическую ориентацию дипломатии «Пояса и пути», чтобы претворить ее в жизнь, дать ей пустить корни, расцвести и принести свои плоды.

Итак, для развития и строительства сухопутного и морского Экономического пояса Шелкового пути на северо-востоке Китая необходимо всестороннее укрепление китайско-российских отношений. Для этого необходимо разработать стратегическую кон-

цепцию сотрудничества между Китаем и Россией для развития сухопутного и морского экономического пояса Шелкового пути XXI века на северо-востоке, транснациональную стратегическую концепцию стыковки на границах Китая и России для построения сухопутного и морского экономического пояса Шелкового пути на северо-востоке, стратегическую концепцию укрепления морского сотрудничества между Китаем и Россией для продвижения морского Шелкового пути XXI века на северо-востоке и стратегическую концепцию сотрудничества Китая, России, Кореи и Монголии для развития транснационального морского выхода в дельте реки Тумэньцзян (Туманган), которые станут главной гарантией для развития и строительства сухопутного и морского экономического пояса Шелкового пути на северо-востоке Китая.

Фактическая ситуация показывает, что сухопутный и морской экономические пояса Шелкового пути в северо-восточном направлении Китая имеют как сухопутные и морские переходы, так и сухопутные и морские ответвления. Таким образом, формируется отчетливая дорожная карта основных маршрутов: один из них – северо-восточный сухопутный экономический пояс Шелкового пути Китая, в котором пути с двух направлений – с Шаньдуна и Хэбэя – сходятся в Шэньяне, затем продолжают двигаться к Чанчуню, Харбину, а затем из порта Маньчжурия в восточной части Внутренней Монголии выходят в Сибирский железнодорожный коридор, через Российскую Федерацию и страны Центральной и Восточной Европы прямиком на европейский рынок.

中国东北方向陆域丝绸之路经济带
哈萨克斯坦
KAZAKHSTAN
蒙古
MONGOLIA
中华人民共和国
CHINA



Чен Эньфу

Другой маршрут – северо-восточный морской шелковый путь Китая, от области Чанчунь-Цзилинь-Тумэньцзян по реке Тумэньцзян и далее через прибрежные моря – может способствовать укреплению морского сотрудничества между Китаем и Россией и обогащению смысла стратегического партнерства двух стран, а также более активному исполь-

зованию передовых российских ледокольных технологий и технологий судостроения для открытия морских путей в Северном Ледовитом океане, чтобы китайские товары могли транспортироваться на европейский рынок по более низкой цене. Китайские инженеры и техники, разработчики проекта Северного водного маршрута, уже передали данные рекомендации относительно «Китайско-российского сотрудничества в области строительства водного пути» президенту Владимиру Путину, и они уже были приняты администрацией президента. Гарантируется, что зимой этот северный морской путь, не требующий высоких инвестиционных и эксплуатационных затрат, замерзать не будет.

Как видно, оба маршрута – северо-восточный сухопутный и морской Экономический пояс Шелкового пути Китая – тесно связаны с Россией, поэтому необходимо продолжать строительство в рамках программы «Пояса и пути» и взаимодействие с Евразийским экономическим союзом, а также способствовать связи регионов и совместному экономическому развитию Евразийского континента.

Что касается России, то нам известно, что Дальневосточный федеральный округ, занимающий 40,6 % от территории России, где проживают 5,56 % населения страны, имеет огромное значение для экономического развития всей России. В настоящее время в состав Дальневосточного федерального округа входят 11 субъектов Федерации, а в его промышленной структуре преобладают добыча полезных ископаемых, транспорт и сфера услуг. В последние годы Правительство Российской Федерации придает большое значение развитию Дальнего Востока и Арктики, в результате чего экономическое развитие этих регионов и уровень жизни их населения значительно повысились. Вместе с тем очевидно, что собственными силами обеспечить должное развитие Дальневосточного региона невозможно, поэтому в последние годы Россия укрепляет торгово-экономическое сотрудничество с Китаем в этом регионе. По предварительным данным российской статистики, объем торговли из Приморского края в Китай в 2022 году составил около 7,3 млрд долларов, увеличившись на 43 %. Общее количество китайских предприятий, размещенных на Дальнем Востоке и в районе порта Владивосток, составляет 52 организации, в том числе 41 в свободном порту и 11 на территории опережающего развития, с 94 % и 89 % от общего объема начатых и завершенных инвестиций, соответственно. Общий объем инвестиционных обязательств и общий объем уже вложенных инвестиций составил 94 % и 89 % соответственно. Это говорит о том, что перспективы совместного освоения Дальнего Востока Россией и Китаем очень широки, а будущее безгранично.

Однако есть и существенные недостатки. За 30 лет население Дальнего Востока сократилось на 25 %, а 40 % трудоспособного населения хотят покинуть регион. Регион удален от основной части России, имеет слаборазвитую экономику, нехватку трудовых ресурсов и слабую транспортную инфраструктуру. Потребность в рабочей силе составляет 3 млн человек для умеренного развития и 6-8 млн – для активного развития. Иными словами, с учетом социально-экономической ситуации в северо-восточном регионе Китая, с которым Дальний Восток имеет общую границу, размещение инвестиций в совместное развитие Дальнего Востока Россией и Китаем должно быть направлено на комплексное освоение ресурсов и глубокую переработку продукции для международного рынка. Также следует заняться оживлением экономических проектов и строительством новых деревень и городов, а также развитием приграничных территорий и их стабилизацией. Одновременно с инвестициями в крупные проекты также следует учи-

тывать трудовые, культурные и промышленные преимущества трех северо-восточных провинций, чтобы совместно разработать комплексную, взаимодополняющую, взаимовыгодную политику сотрудничества. Это является краеугольным камнем для решения возникших проблем.

Общий сценарий совместного развития должен соответствовать географическим особенностям обширной территории, учитывать наличие высокогорного плато и небольшой доли равнинных земель, принимать во внимание протяженность береговой линии и естественные гавани Северного Ледовитого океана и восточной пограничной зоны, большое разнообразие минеральных и лесных растительных ресурсов, а также высокое качество и количество рыбных ресурсов. Учитывать холодный климат северного полушария, географию водных ресурсов, наличие заболоченных мест. Все это сочетается с нынешней ситуацией малочисленности населения с низкой плотностью и нехватки рабочей силы, а также с большим износом существующих железных и автомобильных дорог, устаревшим оборудованием и слабым сигналом связи. Программа развития должна включать активное преобразование и совершенствование транспорта, комплексное использование ресурсов, повышение уровня жизни населения, концентрацию усилий на создании агломераций и строительстве современных новых городов, а также модернизацию, интеллектуализацию и обогащение инфраструктуры. В частности, на практическом уровне реализации политики проект инвестирования в региональном масштабе будет ориентирован на преимущественный выбор Дальнего Востока России, в то же время большое значение будет придаваться пограничным территориям на границе с Китаем и Россией, Северной Кореей и Монголией, где будут построены современные небольшие города международного уровня. Планируется подготовка и реализация проектов в сфере национального благосостояния и базовой инфраструктуры, использования ресурсов и производства продуктов глубокой переработки, проектов по улучшению окружающей среды и экологии, освоения моря и переработки, хранения и транспортировки морепродуктов, переработки, хранения и транспортировки зерна, масла и продуктов питания, биофармацевтики и крупных проектов в области здравоохранения, проектов в области туризма и культуры, ледового спорта и т.д.

Разумеется, необходимо обратить внимание и на вопрос формирования портфеля инвестиционных проектов. В процессе освоения региона необходимо уделить особое внимание строительству зон свободной торговли на Дальнем Востоке и крупным проектам в области промышленности, науки и исследований, использованию особенностей малых городов и комплексному использованию ресурсов, строительству инфраструктуры и улучшению условий жизни людей, чтобы соответствовать проблеме, а также взаимодействию трех особых зон свободной торговли на пограничных переходах между российским Дальним Востоком с тремя северо-восточными провинциями Китая (Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин).

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что экономические и социальные связи и взаимодействие инициативы «Один пояс – один путь» и Евразийского экономического союза уже достигли многого и должны добиться еще больших успехов. Любые, даже самые разнузданные попытки США и Запада посеять раздор в дружественных и партнерских отношениях Китая и России обречены на провал.

Информация об авторе

Чен Эньфу
Директор Исследовательского центра экономического и социального развития при Китайской Академии общественных наук, ведущий профессор Университета Китайской Академии общественных наук, президент Всемирной ассоциации политической экономии (WAPE) (КНР, Пекин, Цзяньго мэнь нань дацзе, 5)
E-mail: winniewow@163.com

Information about the Author

Cheng Enfu
Director of the Research Center of Economic and Social Development at the Chinese Academy of Social Sciences, Principal Professor of the University of the Chinese Academy of Social Sciences, President of the World Association for Political Economy (WAPE) (China, Beijing, Jianguo men nan dajie, 5)
E-mail: winniewow@163.com

DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-106-122

С.Г. Пьянкова
Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)
Е.С. Заколюкина
Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

ШЕРИНГОВАЯ ЭКОНОМИКА В РАМКАХ ДВИЖЕНИЯ К НООНОМИКЕ

Аннотация: статья посвящена теоретическому осмыслению понятия шеринговой экономики. В ходе исследования рассматриваются взгляды российских и зарубежных ученых относительно данной концепции. В статье подтверждается тезис о наличии концептуальной путаницы касательно понятия шеринговой экономики. В работе приводятся факторы, влияющие на развитие шеринга, рассмотрены основные сегменты шеринговой экономики. В результате проведенного исследования теоретической базы авторы приводят специфику шеринговой экономики, также предлагается авторское определения понятия, в соответствии с которым шеринговая экономика представляет собой совокупность экономических и неэкономических отношений, в ходе которых удовлетворение потребностей осуществляется без права собственности со стороны потребителя или заключения иных долгосрочных договоренностей. В работе акцентируется внимание на том, что шеринговая экономика представляет собой этап движения к новому обществу, новому способу организации хозяйства. Авторы исследования ссылаются на концепцию ноономики Бодрунова С.Д. Одним из ключевых выводов работы является необходимость ориентироваться на нооценности в ходе дальнейшего развития шеринга, что позволит осуществить переход к ноономике, а также нивелирует имеющиеся противоречия и возможные риски шеринговой экономики.
Ключевые слова: шеринговая экономика, экономика совместного потребления, экономика совместного пользования, современные технологии, цифровые платформы, ноономика, нооообщество, диффузия собственности.

Для цитирования: Пьянкова С.Г., Заколюкина Е.С. (2024). Шеринговая экономика в рамках движения к ноономике // Ноономика и нооообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 3, № 2. С. 106–122. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-106-122

Svetlana G. Pyankova
Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)
Ekaterina S. Zakolyukina
Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

THE SHARING ECONOMY AS PART OF THE MOVEMENT TOWARDS NOONOMY

Abstract: This article is devoted to the theoretical understanding of the concept of a sharing economy. The research examines the views of Russian and foreign scientists on this con-

cept. The article confirms the thesis about the existence of conceptual confusion regarding the concept of a sharing economy. The paper presents the factors influencing the development of sharing, considers the main segments of the sharing economy. As a result of the conducted research of the theoretical base, the authors cite the specifics of the sharing economy, and also propose an author's definition of the concept, according to which the sharing economy is a set of economic and non-economic relations in which satisfaction of needs is carried out without the right of ownership on the part of the consumer or the conclusion of other long-term agreements. The paper focuses on the fact that the sharing economy is a stage of movement towards a new society, a new way of organizing the economy. The authors of the study refer to the concept of noonomy by Bodrunov S.D. One of the key conclusions of the work is the need to focus on noocenities in the course of further development of sharing, which will make it possible to make the transition to noonomy, as well as neutralize the existing contradictions and possible risks of the sharing economy.
Keywords: sharing economy, sharing economy, sharing economy, modern technologies, digital platforms, noonomy, no society, diffusion of ownership.

For citation: Pyankova S.G., Zakolyukina E.S. (2024). The Sharing Economy as Part of the Movement Towards Noonomy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID* Vol. 3, No. 2, pp. 106–122. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-106-122

波扬科娃S. G.
乌拉尔国立经济大学(俄罗斯,叶卡捷琳堡)
扎科留金娜E. S.
乌拉尔国立经济大学(俄罗斯,叶卡捷琳堡)

向智慧经济过度过程中的共享经济

摘要: 本文论述了如何从理论上理解共享经济的概念。在探索过程中,作者考虑了俄罗斯和外国科学家对这一概念的看法。文章说明了在共享经济概念上存在混淆问题。文章介绍了影响共享行业发展的因素,分析了共享经济的主要领域。通过对理论基础的研究,作者提出了共享经济的具体内容,并给出了作者对这一概念的定义。根据这一定义,共享经济体现为一系列经济和非经济关系,在满足需求的过程中消费者不享有所有权,也不签订其他长期协议。本文重点论述了共享经济是迈向新社会、新经济组织方式的一个经济阶段。作者参考了博德鲁诺夫 S. D. 提出的智慧经济概念。这项研究课题的主要结论之一是,在进一步发展共享经济的过程中,需要关注"智慧价值",这将有可能实现向智慧经济的过渡,并化解共享经济的现有矛盾和可能风险。
关键词: 共享经济、协作消费经济、合作使用经济、现代技术、数字平台、智慧经济、智慧社会、财产分散。

引用注释: 波扬科娃S. G.、扎科留金娜E. S. (2024) 向智慧经济过度过程中的共享经济//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 3, No. 2, pp. 106–122. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-106-122

В исследовании термины «шеринговая экономика», «экономика совместного потребления», «экономика совместного пользования» и др. будут использоваться в качестве синонимов. В понимании авторов данной работы термин «шеринговая экономика» является более удобным для употребления. При этом стоит подчеркнуть, что в ходе осмысления понятийного аппарата заявленной темы будут упоминаться именно те формулировки понятия, которые используют те или иные авторы в своих работах.

Касательно научного осмысления концепции экономики совместного потребления присутствует концептуальная путаница [Miguel, Martos-Carrión, Santa, 2022]. Несмотря на то, что совместное использование существовало давно, сама концепция экономики шеринга возникла в начале последнего столетия как реакция на ряд движущих сил, включающих растущую доступность цифровых технологий, интернет-платформ, приложений, смартфонов и других форм информационно-коммуникационных технологий [Davies, 2020]. Хотя феномен экономики совместного потребления очевиден, на сегодняшний день данное понятие не находит единого толкования в научной среде [Görög, 2018]. Многие научные публикации, как отечественные, так и зарубежные, содержат подтверждение данного тезиса. Так Лю Вейли и Хаят Хан, проанализировав около 280 статей, посвященных экономике совместного потребления, пришли к выводу об отсутствии единого согласованного определения, подчеркнув при этом, что наиболее часто понятие экономики совместного потребления акцентируют внимание на идее онлайн-платформы для обмена информацией, товарами и услугами и любыми другими вещами с целью заработка или бесплатно [Weili, Khan, 2020]. Термин «экономика совместного пользования» включает в себя множество неоднородных процессов и явлений [Семячков, 2022]. Такие понятие как сетевая экономика (mesh economy), коллаборативная экономика, gig-экономика, экономика сотрудничества, долевая экономика и др. родственны между собой и также часто используются как синонимы. В научной зарубежной литературе встречается такое определение понятия экономики совместного пользования: экономика совместного пользования - это модель, которая позволяет совместно использовать товары и услуги между физическими или юридическими лицами, используя технологии для максимизации социальных, экономических и экологических выгод от использования ресурсов [Haqqani, Elomri, Kerbache, 2022]. Григорьев А.В. и Шпаковский Н.А. понимают под экономикой совместного пользования социально-экономическую модель, для которой характерен осознанный отказ от частной собственности в пользу общей. Авторы подчеркивают, что подобный отказ связан в первую очередь со стремлением высвободить капитал для расширения человеческих возможностей [Григорьев, Шпаковский, 2020, с. 168]. Шичиях Р.А., Тугуз Н.С. определяют экономику совместного потребления как новую экономическую модель, основанную на информационных технологиях, интегрирующую социальные ресурсы, обеспечивающую платформу обмена ресурсами для заказчиков и поставщиков и передающую право на использование товаров [Шичиях, Тугуз, 2020]. Экономику совместного пользования называют также основанной на взаимном доверии экономической системой [Иванова, 2020]. В научных публикациях встречается также термин экономика совместного доступа или пользования [Валько, Мальцева, 2020]. Так, Валько Д.В. и Мальцева А.С. обозначают экономику совместного доступа и пользования зонтичным термином, включающим новые разнообразные бизнес-модели, форматы создания, доставки и обмена потребительскими ценностями между «одноранговыми» субъектами,

а также цифровые платформы, организующие подобное взаимодействие [Валько, Мальцева, 2020]. Согласно другой трактовке экономика совместного потребления – это новый тип экономической деятельности, основной характеристикой которого является обмен между равными [Daglis, 2022].

Одно из исследований зарубежных авторов содержит вывод о том, что экономика совместного потребления является ответом на мегатенденции, возникающие в силу ограниченности ресурсов и стимулируемые развитием технических инноваций [Gerlich, 2023]. Снижение потребности во владении ресурсами ведет к уменьшению избыточного производства [Daglis, 2022]. «Если вам это нужно, у кого-то это есть»[1]. Главный принцип шеринговой экономики заключается не в обладании благом, а в доступе к использованию им[2]. Возможность пользоваться различными благами позволяют на сегодняшний день всевозможные электронные сервисы.

Как видно из обзора теоретической базы тема шеринговой экономики активно изучается в научных кругах, при этом, как уже было отмечено выше, единое понятие данной концепции на сегодняшний день не сформировалось. Подобная ситуация связана как с актуальностью темы, множеством неисследованных проблем, так и с широким охватом самого понятия в целом. Несмотря на то, что сам феномен шеринга появился уже давно (библиотеки, например), на сегодняшний день шеринговые отношения настолько стремительно развиваются, что является сложным выделить все известные сегменты шеринговой экономики. Иными словами, повседневная жизнь опережают научную. Буквально несколько лет назад аренда каких-либо бытовых вещей на пару часов казалась чем-то немыслимым, сегодня это уже обыденность. Для демонстрации многообразия направлений шеринга в таблице 1 обозначены некоторые из ключевых сегментов шеренговой экономии.

В основе шеринговой экономики лежит какая-либо масштабируемая технология, объединяющая сети людей и подбирающая для них необходимые товары и услуги [Попов, Веретенникова, Мокрушникова, 2023]. Российские исследователи выделили следующие этапы развития шеринговой экономики, для каждого из которых характерен особый технологический инструмент [Попов, Веретенникова, Мокрушникова, 2023]:

- Базовый (технологический инструмент отсутствует; библиотека как пример шеринга);
- Технологический (Интернет-технология BitTorrent);
- Платформенный (онлайн-платформы);
- Социальный (онлайн-подписки; токенизация активов);
- Продвинутый (экосистемы).

Также исследование показало, что шеринговая экономика начинает активно распространяться на 3-ем этапе при достижении показателя «доля населения, использующая интернет» 70 % [Попов, Веретенникова, Мокрушникова, 2023].

На примере Китая выделяет следующие этапы развития экономики совместного потребления:

[1] «What are the advantages of the sharing economy?» // IE UNIVERSITY. URL: https://drivinginnovation.ie.edu/what-are-the-advantages-of-the-sharing-economy/ (дата обращения: 03.06.2024).

[2] «Экономика совместного потребления: что это такое и как она развивается в России» // Moneyzz.ru: журнал про деньги, откуда они берутся и кто их контролирует. URL: https://moneyzz.ru/blog/ekonomika-sovmestnogo-potrebleniya-chto-eto-takoe-i-kak-ona-razvivaetsya-v-rossii (дата обращения: 29.05.2024).

Таблица 1.
Ключевые сегменты шеринговой экономики

Наименование сегмента	Краткая характеристика
C2C - продажи	Продажа или предоставление услуг обычных людей другим людям («потребитель для потребителя»); продажа предметов ручной работы, ненужных вещей и т.п.; Авито, Юла, eBay и др.
Аренда вещей P2P	Аренда вещей посредством шеринговых сервисов (аренда премиальных вещей, электроники, вечерних костюмов, спортивного инвентаря и т.п.); Next2U, polka.rent, ПростоВещи и др.
Каршеринг	Краткосрочная аренда автомобиля; Belkacar, Делимобиль, Ситидрайв, Яндекс.Драйв и др.
Карпулинг (Райдшеринг)	Совместная поездка на автомобиле, поездка с попутчиками; BlaBlaCar, Едем.рф и др.
Краткосрочная аренда недвижимости	Аренда частного жилья на ограниченный период времени (комнаты, квартиры, апартаменты и т.д.); Суточно.ру, ЦИАН, ТВИЛ, Яндекс Путешествия и др.
Кикшеринг	Краткосрочная аренда средств индивидуальной мобильности (электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, моноколеса и т.п.); Яндекс Go самокаты, E-motion, Sun.rent, МТС Юрент и др.
Краудфандинг	Коллективное финансирование каких-либо проектов; Planeta.ru, CrowdRepublic, Boomstarter, Rounds, Сила Слова и др.
Фриланс	Продажа собственного труда через биржу самостоятельно («свободно») без постоянного трудоустройства; YouDo, Profi.ru, Авито и др.

Составлено авторами.

- Внедрение (2000–2008 гг.);
- Запуск (2009–2012 гг.);
- рост (2013 г. – настоящее время)[1].

Экономика совместного потребления перераспределяет существующие товары с целью максимизации их функциональности. В шеринговой экономике возможен как денежный обмен (Airbnb, BlaBlaCar), так и альтруистический (например, Timebanking, CouchSurfing). Тем не менее, по большей части платформы экономики совместного потребления функционируют как цифровые рынки, где спрос и предложение совпадают [Miguel, Martos-Carrión, Santa, 2022]. Все активнее потребители уходят от традиционных покупок в торговых точках к приобретению товаров через цифровые платформы [Нестерова, 2021]. Современные, прежде всего цифровые технологии, все больше персонализируют образ современного человека. На рисунке 1 представлены ключевые черты совместного потребления.

Для более четкого понимания раскроем обозначенные выше черты на конкретном примере сервиса Яндекс Такси. Сервисность – сам факт оказания услуги, удовлетворение потребности клиента в поездке; платформа – наличие мобильного приложение; клиентоцентричность – индивидуальный подход к клиенту (возможность выбора тарифа, поездок с детьми, животными; стоимость поездок может быть разная для пользователей и т.п.),

[1] China's sharing economy: a roller coaster ride of mixed performances in 2022 // Daxue Consulting China. URL: https://daxueconsulting.com/chinas-sharing-economy/ (дата обращения: 03.06.2024)

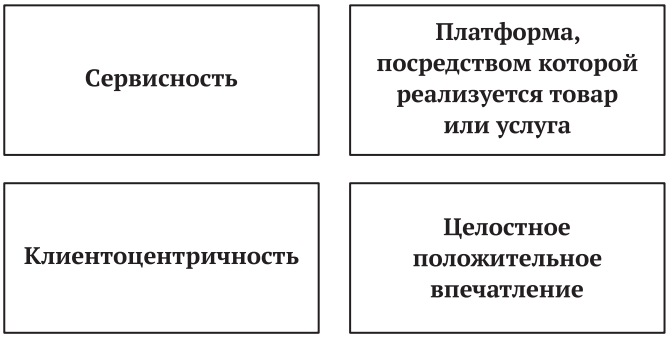


Рис.1. Черты совместного потребления (составлено по [Нестерова, 2021])

целостное положительное впечатление – действует система оценки поездок, рейтингов водителей, фиксация обращений пользователей и т.д.). К характерным особенностям шеринговой экономики относятся не только онлайн-технологии, но и система репутации и обратной связи [Görög, 2018]. Происходит трансформация клиентского обслуживания. Ключевым действующим лицом рынка становится не просто потребитель, а клиент [Блинникова, Данилина, Дашков, 2020].

К факторам, влияющим на развитие экономики совместного потребления, относят [16]:

- Развитие информационных технологий;
- Рост населения Земли; увеличение плотности населения, что ведет к необходимости совместного использования ресурсов;
- Увеличивается разрыв в уровне доходов;
- Часто возникающие глобальные финансовые, социальные, экологические кризисы.

Объясняя популярность экономики совместного пользования, называют два фактора: технологический и ценностный[1]. Так современные технологии (электронные платформы, программное обеспечение и т.д.) позволят связывать экономических агентов напрямую. В совокупности с технологическим прорывом произошли ценностные трансформации. На сегодняшний день ценность в виде мобильности приобретала первостепенное значение.

Авторы выделяют ряд ценностных установок, реализуемых в экономике совместного пользования [Валько, Мальцева, 2020]:

- Максимальное использование ресурсов вместо их сбережения (рост экологичности и экономия; устойчивое развитие);
- Кооперация и объединение вместо конкуренции (расширение и развитие горизонтальных связей);
- Отказ от владения в пользу эффективного временного использования (увеличение доступности);
- Открытость и прозрачность информации, коммуникации, взаимодействия (повышение мобильности).

«Шерить можно все, что угодно»[2]. Главным плюсом модели совместного использования является значительная гибкость. Развитие бизнес-моделей «шеринга» оказывает влияние

[1] Александр Чулок «Что такое шеринг-экономика?». URL: https://issek.hse.ru/news/212645529.html (дата обращения: 29.05.2024).

[2] «Ш — шеринг-экономика: поделись с другом» // РБК Тренды. URL: https://trends.rbc.ru/trends/education/61dc21bf9a79473ddd3d7677?from=copyhttps://trends.rbc.ru/trends/education/61dc21bf9a79473ddd3d7677?from=copy (дата обращения: 04.06.2024).

на традиционные отрасли, меняя условия конкуренции, стратегию завоевания рынка и т.д. [Батова, Точицкая, 2020]. Фирмы имеет возможность взаимодействовать с пользователями их услуг по всему миру благодаря приложениям и цифровым платформам. Тем самым для бизнеса открываются новые границы практически во всех отраслях[1]. В процессе взаимного пользования играют важную роль различные социальные медиа (пример), с помощью которых формируются группы заинтересованных, распространяются идеи, привлекаются новые потребители [Хусяинов, Урусова, 2017]. С помощью Интернета возможно эффективно координировать рынки, что подталкивает незнакомых людей доверять друг другу. Растет популярность платформ обмена информацией, основанных на доверии [Köbis, Soraperra, Shalvi, 2021]. Последствия какого-либо обмена, основанного на доверии, могут быть как положительными, так и отрицательными.

Для экономики совместного потребления характерно динамическое ценообразование [Kauffman, Naldi, 2020]. Касательно установления цен фирмы демонстрируют большую гибкость. Персональный подход к клиенту распространяется на установление цен, о чем опоминалось выше, что является одним из мотивов, побуждающих пользователей участвовать в экономике совместного потребления, наряду с удобством, экономией времени, доступностью, желанием испытать что-то уникальное.

На европейском потребительском рынке число людей, использующих онлайн-платформы, варьируется от страны к стране. Присутствует корреляция между доходами европейских поставщиков услуг и основными секторами экономики совместного потребления: физическими товарами, транспортными услугами, размещением P2P и бытовыми услугами по требованию. В секторе физических товаров наблюдаются самые большие потоки объемов транзакций. Остальные три важных сектора, а именно транспортные услуги, P2P-проживание и бытовые услуги по запросу, имеют самый низкий спрос среди европейских потребителей. В соответствии с исследованием Майкла Герлиха люди в возрасте от 25–34 до 35–44 лет, имеющие высшее образование и ориентированные на местный рынок, с большей вероятностью будут использовать платформы онлайн-торговли для совместной экономики [Gerlich, 2023]. «Возникает вопрос: почему не все люди в одинаковой степени участвуют в экономике совместного потребления?» Среди потребителей услуг совместной экономики присутствует неоднородность, сегментные группы основываются на поведении людей, их восприятии преимуществ и рисков совместного использования [Sands, et. al., 2020]. На сегодняшний день потребители не в полной мере информированы об услугах шеринга. Касательно осведомленности о различных формах совместного использования исследователями достигнуты следующие выводы [Tetrevova, Jelinkova, Munzarova, 2021]:

- Большая осведомленность присутствует о формах совместного использования в таких областях как размещение и пассажирские перевозки;
- Молодое поколение демонстрирует большую осведомленность о платформах экономики совместного пользования по сравнению со старшим поколением;
- Осведомленность сильно зависит от освещения в средствах массовой информации конкретного сегмента обмена информацией или платформы, как в положительном так в отрицательном ключе.

[1] «How The Sharing Economy Is Transforming Business». URL: https://onlinemba.wsu.edu/blog/how-the-sharing-economy-is-transforming-business (дата обращения: 28.05.2024).

В ходе одного из зарубежных исследований, было выявлено, что население, проживающее в городской части с большей вероятностью совместно использует автомобили, велосипеды и др. [Leland, Pinka, Boyer, 2023]. Модель экономики совместного использования изменила способ участия людей в различных видах деятельности, в том числе путешествиях, торговле, работе и т.д. [Quattrone, Kusek, Capra, 2022]. Группа зарубежных исследователей подчеркивает в своей работе, что модель экономики совместного пользования – это в первую очередь городской феномен, так как именно плотность городов создает возможности для того, чтобы малоиспользуемые товары и услуги были доступны и легко достижимы для удовлетворения спроса. Касательно особенностей формирования шеринговой экономики в России необходимо подчеркнуть наличие диспропорций социально-экономического развития по регионам РФ. Неравномерный уровень развития различных субъектов отражается на концентрации спроса и предложения услуг экономики совместного пользования преимущественно в крупных центрах, Москве, Санкт-Петербурге [Иванова, Влезкова, Логунова, 2020].

Потенциал шеринговой экономики связывают с реализацией целей устойчивого развития [Веретенникова, Козинская, 2022; Karobliene, Pilinkiene, 2021; Zhu et. al., 2023]. Веретенникова А.Ю., Козинская К.М. посредством корреляционно-регрессионного анализа выявили, что на уровне стран шеринговая экономика слабо влияет на устойчивое развитие, на уровне городов влияние отсутствует, при этом касательно отдельных аспектов шеринговой экономики и отдельных составляющих устойчивого развития связь присутствует [Веретенникова, Козинская, 2022]. Экономика совместного потребления дает возможность усилить экономическое и цифровое развитие в малых странах [Karobliene, Pilinkiene, 2021].

Экономика совместного потребления имеет потенциал для содействия не только устойчивому развитию, но и энергоэффективности. Шеринговая экономика характеризуется конвергенцией информации, маркетинга и технологий для создания новой парадигмы, в которой более ценным для клиентов является доступ, а не владение, что позволяет более эффективно использовать ресурсы [Zhu et. al., 2023]. Так, развитие экономики совместного потребления способствует сокращению выбросов углекислого газа [Gu, 2022]. В Москве в 2018 году удалось снизить объем выбросов угарного газа на 40 т. благодаря шерингу самокатов и велосипедов[1].

Необходимо отметить, что COVID-19 оказал положительное влияние на некоторые рынки шеринговой экономики. Пандемия привела к увеличению спроса со стороны потребителей. Согласно результатам исследования на примере США по мере усиления мер по борьбе с COVID-19, повышался объем шеринга [Liang, 2022].

Благодаря стремительному развитию технологий мобильного Интернета, экономика совместного использования достигла беспрецедентного роста в мировой экономике, особенно в Китае [Liu et. al., 2020]. Объем транзакций рынка шеринговой экономики Китая увеличился с 1,81 трлн. юаней в 2015 году до 3,83 трлн юаней в 2022 году[2]. Несмотря на существенные показатели в Китае, шеринговая экономика развивается повсеместно. Прогнозируют рост общей стоимости глобальной экономики совместного пользования

[1] Экономика шеринга в 30 цифрах и фактах // РБК Тренды. URL: https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5ddbb3279a7947b01be74c19 (дата обращения: 01.06.2024).

[2] China's sharing economy: a roller coaster ride of mixed performances in 2022 // Daxue Consulting China. URL: https://daxueconsulting.com/chinas-sharing-economy/ (дата обращения: 03.06.2024)

до 794 млрд долларов к 2031 году по сравнению со 150 млрд долларов в 2023 году, что означает совокупный годовой темп роста 32 %[1].

Первым глобальным индексом экономики совместного потребления считается индекс Timbro 2018 года. Данный показатель рассчитывался для 213 стран, среди которых Россия заняла 105 место рейтинга[2]. Центр потребительского выбора (организация базируется в США) ежегодно предоставляет рейтинг Индекса экономики совместного пользования. В 2023 году рейтинг включал 60 городов по разным странам, в первую пятерку которого вошли: Вильнюс, Буэнос-Айрес, Мадрид, Белград[3]. Отметим, что Россия не фигурировала в данном рейтинге. В РФ аналитику по теме шеринговой экономики предоставляют Российская ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК) совместно с ТИАР-Центром (независимый аналитический центр и консалтинговая компания). На рисунке 2 показана динамика шеринговой экономики на 2017-2020 гг.

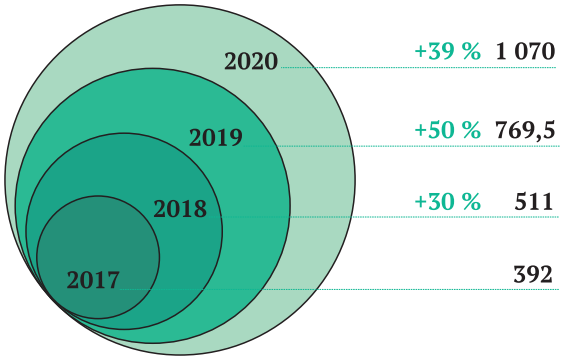


Рис.2. Динамика экономики совместного потребления в России, 2017–2020 гг. (млрд руб.)[4]

На рисунке 3 продемонстрирован объем транзакций по различным секторам шеринговой экономики в РФ за 2018–2019 гг.

Стоит подчеркнуть, что на сегодняшний день присутствуют сложности относительно оценки шеринговой экономики, что связано в первую очередь с отсутствием достоверных статистических данных. Как видно по приведенной выше аналитике, информация чаще исследуется консалтинговыми организациями, индексы экономики совместного потребления субъективны, государственная статистика не сегодняшний день не учитывает показатели шеринга. В реальной экономике совместного потребления существует множество и других сложностей [Liu et. al., 2020]. Несмотря на широкий спектр преимуществ, присутствует множество сквозных проблем, в том числе касательно вопросов налогообложения, вопросов занятости, защиты потребителей, конфиденциальности и др[5]. На данном этапе

[1] Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/830986/value-of-the-global-sharing-economy/ (дата обращения: 01.06.2024).

[2] Индекс экономики совместного потребления Timbro. URL: https://www.ifn.se/en/publications/books/2018/timbro-sharing-economy-index/ (дата обращения: 31.05.2024).

[3] SHARING ECONOMY INDEX 2023. URL: https://consumerchoicecenter.org/sharing-economy-index-2023/ (дата обращения: 01.06.2024).

[4] Экономика совместного потребления в России 2020. Испытание на прочность // ТИАР-Центр, кластер РАЭК. URL: https://tiarcenter.ru/wp-content/uploads/2021/02/TIARRAEC_Sharing-Economy-2020.pdf (дата обращения: 06.06.2024).

[5] «Regulatory Challenges in the Sharing Economy» by Nestor M. Davidson & John J. Infranca // American Bar Association. URL: https://www.americanbar.org/groups/government_public/publications/public_lawyer_articles/regulatory-challenges-in-the-sharing-economy/ (дата обращения: 04.06.2024).

развития деятельность экономики совместного использования может в какой-то степени противоречить существующим регулирующим структурам, представлять риски для потребителей.

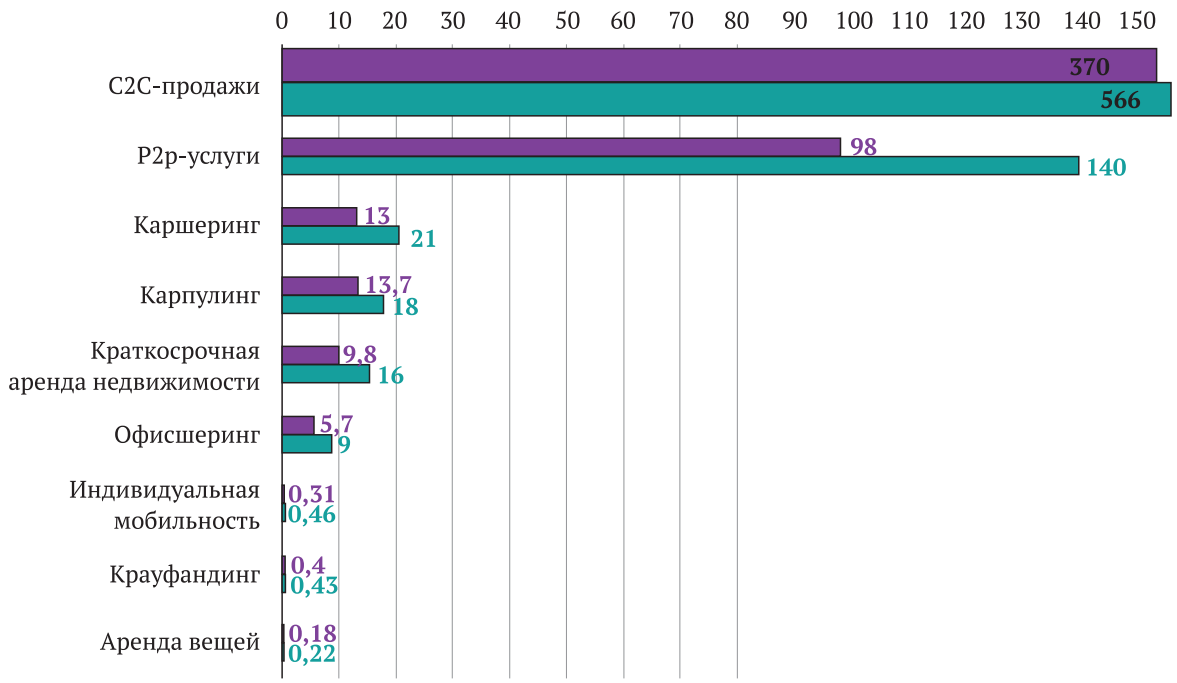


Рис.3. Объем транзакций по секторам, 2018–2019 гг. (млрд руб.)[1]

В результате проведенного исследования авторы пришли к следующим заключениям касательно специфики шеринговой экономики:

– действительно, на данном этапе развития научной мысли присутствует концептуальная путаница по данному понятию. Встречается множество обозначений-синонимов (экономика совместного пользования, потребления и т.д.). Под шеринговой экономикой понимают социально-экономическую модель, концепцию, экономическую систему, тип экономической деятельности и др.;

– встречаются различные взгляды на причины появления шеринга, факторы развития шеринговой экономики и роста ее популярности. Многие исследователи связывают становление экономики совместного потребления с ограниченностью ресурсов и развитием технологий;

– шеринг развивается крайне стремительно, распространяется практически на сферы общественной жизни;

– наблюдаются диспропорции в уровне развития шеринговой экономики в зависимости от возраста потребителей, их уровня образования, густонаселенности местности;

– развитие шеринговой экономики способствует достижению целей устойчивого развития и повышению энергоэффективности;

– на сегодняшний день имеется ряд проблем, связанных с дальнейшим развитием экономики совместного потребления (отсутствие официальной статистики, возможные риски для потребителей, налогообложение).

[1] Экономика совместного потребления в России 2019 // ТИАР-Центр, кластер РАЭК. URL: https://raec.ru/upload/files/raec-sharing-economy-2019.pdf (дата обращения: 02.06.2024).

По мнению авторов данной статьи, шеринговая экономика – это совокупность экономических и неэкономических отношений, в ходе которых удовлетворение потребностей осуществляется без права собственности со стороны потребителя или заключения иных долгосрочных договоренностей. Отметим, что употребляемые в работе формулировки (экономика совместного потребления, использования и т.д.), действительно, могут употребляться как синонимы, противоречий в самом обозначении термина нет. Глагол «to share»[1] в переводе с английского означает – делиться, обмениваться, передавать, совместно использовать, распределять и т.д. То есть сама формулировка «шеринговая экономика» является более полной, при этом не исключает другие используемые в научных исследованиях. Поясним подробнее, что подразумевается под совокупностью экономических и неэкономических отношений исходя из предложенного определения понятия. Речь идет о том, что шеринг, с одной стороны предполагает получение прибыли, с другой стороны, шеринговые отношения могут основываться лишь на альтруистической основе.

В ходе осмысления экономики совместного потребления возникает принципиально важный вопрос: это реакция на капиталистическую экономику, ее альтернатива или это часть все той же системы [Daglis, 2022]? Авторы настоящего исследования склоняются к мнению, что экономика совместного потребления не может полноценно претендовать на звание альтернативы капитализму, а скорее является одновременно и реакцией на господствующую систему и в тоже время остается ее частью, по крайней мере на данном этапе развития. Шеринговая экономика представляет собой этап движения к новому обществу, новому способу организации хозяйства. В этой связи авторы поддерживают концепцию Бодрунова С.Д. В соответствии с научными воззрениями Бодрунова С.Д. «развитие шеринговой экономики – это феномен, который представляет собой одну из важных форм изменения структуры экономики, накладывающейся на изменение сути отношения собственности, на пути к новому качеству общественного развития – НИО.2 и ноономике» [Бодрунов, 2020, с. 34]. Шеринг предполагает под собой отказ от собственности в пользу временного пользования. Также и «по мере движения к ноономике значение собственности как надежного инструмента удовлетворения потребностей ослабевает» [Бодрунов, 2020, с.38].

Дальнейшее развитие шеринговой экономики возможно по двум сценариям. Так, позитивный сценарий предполагает дальнейшее движение к ноономике, постепенный переход к неэкономическому способу хозяйствования. В данном случае, в основе дальнейшей диффузии собственности должны лежать именно нооценности, что позволит устранить имеющихся проблемы и возможные риски в экономике совместного потребления и достичь нового общества. Игнорируя нравственные и моральные ценности, ориентируясь лишь на выгоды от обмена, повышение мобильности и т.п., стремительно развивающийся шеринг может дойти до абсурда.

В заключении проведенного исследования стоит подчеркнуть важное значение все шире распространяющихся шеринговых отношений для каждого. Несмотря на неоднородность развития, недостаточную изученность с научной точки зрения шеринг плотно вошел в нашу жизнь. Самыми демонстрационными в этой связи сегментами является каршеринг, услуги такси, аренда средств индивидуальной мобильности. Буквально на глазах меняется

[1] Reverse Context: поисковая система для переводов в контексте. URL: https://context.reverso.net/перевод/английский-русский/share (дата обращения: 10.06.2024).

городское пространство, самокаты, арендованные автомобили и такси в городском пространстве присутствуют практически в равном количество, что и личные средства передвижения пользователей. Таким образом, мы ежедневно сталкиваемся с феноменом шеринга в повседневной жизни, можем наблюдать трансформацию отрасли своими глазами, воплощение в жизнь новых технологий, различных цифровых продуктов и т.д. «Уберизация» на сегодняшний день выступает необходимым условием трансформации транспортного комплекса [Пьянкова, 2022]. Трансформации прежде всего предполагают внедрение современных технологий, цифровую модернизацию, что является всеобщим трендом на сегодняшний день. Действительно, транспортный комплекс остро ощущает на себе влияние цифровизации [Пьянкова, Заколюкина, 2022]. Цифровая трансформация в целом способна повысить качества жизни населения [Пьянкова, Заколюкина, 2023]. Дальнейшее развитие шеринговой экономики, основываясь на нооценностях, в совокупности с развитием новых наукоемких технологий, позволит не только повысить уровень жизни, но и прийти к новому обществу.

Список источников

Батова Н.Н., Точицкая И.Э. (2020). Мировые тенденции развития экономики совместного потребления (шеринговой экономики) // Глобальные проблемы модернизации национальной экономики: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Тамбов, 13 апреля 2020 года / Отв. редактор А.А. Бурмистрова [и др.]. Тамбов: Издательский дом «Державинский». С. 271-278.

Блинникова А.В., Данилина О.М., Дашков А.А. (2020). Цифровая трансформация и шеринговая экономика // Вестник университета. 2020. № 8. С. 48-56. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-8-48-56.

Бодрунов С.Д. (2020). На пути к ноономике: человек, технологии, общество // Мир перемен. № 2. С. 24-39.

Валько Д.В., Мальцева А.С. (2020). Экономика совместного пользования: портрет российского потребителя // Журнал экономической теории. Т. 17. № 3. С. 643-656. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-3.10.

Веретенникова А.Ю., Козинская К.М. (2022). Шеринг-экономика в обеспечении устойчивого развития общества: межстрановой анализ // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2022. Т. 17. № 3. С. 271-287. DOI: 10.17072/1994-9960-2022-3-271-287.

Иванова Н.И., Влезкова В.И., Логунова Ю.А. (2020). Экономика совместного пользования в мировой экономике и России // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 1(151). С. 19-22. DOI: 10.34773/EU.2020.1.4.

Нестерова Е.И. (2021). Новые потребительские практики: влияние шеренговых технологий // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ: сборник научных трудов. Иркутск: Иркутский государственный университет. С. 378-382.

Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Мокрушникова А.П. (2023). Эволюция развития шеринг-экономики // Journal of New Economy. Т. 24. № 4. С. 6-21. DOI: 10.29141/2658-5081-2023-24-4-1.

Пьянкова С.Г., Заколюкина Е.С. (2022а). «Уберизация» в рамках цифровой транспортной инфраструктуры региона // Научно-исследовательские публикации. № 6. С. 75-80.

Пьянкова С.Г., Заколюкина Е.С. (2022b). Модель «Умный город» в рамках развития цифровой транспортной инфраструктуры региона // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 2. № 12(132). С. 79-87. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.12.02.010.

Пьянкова С.Г., Заколюкина Е.С. (2023). Цифровизация в социально-экономическом развитии регионов и городов // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. XXII Национальная научная конференция с международным участием, Москва, 14-16 февраля 2023 года. Том Выпуск 18 Часть 2. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН. С. 310-315.

Семячков К.А., Веретенникова А.Ю. (2022). Тренды развития экономики совместного пользования: анализ индексов // Экономика и управление. 2022. Т. 28, № 11. С. 1088-1099. DOI: 10.35854/1998-1627-2022-11-1088-1099.

Хусяинов Т.М., Урусова Е.А. (2017). От общества потребления к экономике совместного пользования // Философия хозяйства. 2017. № 6(114). С. 132-146.

Чернявская Е.Ю. (2020). Преимущества и эффективное развитие экономики совместного пользования в России // Форум. № 3(19). С. 61-68.

Шичиях Р.А., Тугуз Н.С. (2020). Экономика шеринга: специфика, тенденции развития, преимущества и недостатки реализации // Вестник Академии знаний. №4(39). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-sheringa-spetsifika-tendentsii-razvitiya-preimuschestva-i-nedostatki-realizatsii (дата обращения: 06.04.2024).

Шпаковский Н.А., Григорьев А.В. (2020). Экономика совместного потребления как необходимое условие развития информационного общества // Молодежь в науке и предпринимательстве: сборник научных статей IX международного форума молодых ученых, Гомель, 13-15 мая 2020 года. Гомель: Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации. С. 168-170.

Daglis T. (2022). Sharing Economy. Encyclopedia, 2(3), pp. 1322-1332. URL: https://doi.org/10.3390/encyclopedia2030088 (дата обращения: 30.05.2024).

Davies A.R. (2020). Sharing Economy. International Encyclopedia of Human Geography (Second Edition), Elsevier, pp. 195-198. URL: https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102295-5.10699-7 (дата обращения: 29.05.2024).

Gerlich M. (2023). The Rise of Collaborative Consumption in EU Member States: Exploring the Impact of Collaborative Economy Platforms on Consumer Behavior and Sustainable Consumption. Sustainability, 15(21), p. 15491. URL: https://doi.org/10.3390/su152115491 (дата обращения: 02.06.2024).

Görög G. (2018). The Definitions of Sharing Economy: A Systematic Literature Review. Management, 13 (2), pp. 175-189. DOI: 10.26493/1854-4231.13.175-189.

Gu J. (2022). Sharing economy, technological innovation and carbon emissions: Evidence from Chinese cities. Journal of Innovation & Knowledge, vol. 7, Issue 3. URL: https://doi.org/10.1016/j.jik.2022.100228 (дата обращения: 03.06.2024).

Haqqani A.A.H., Elomri A., Kerbache L. (2022). Sharing Economy: A Systematic Review of Definitions, Drivers, Applications, Industry status and Business models. IFAC-PapersOnLine, Vol. 55, Issue 10, pp. 490-495. URL: https://doi.org/10.1016/j.ifacol.2022.09.441 (дата обращения: 01.06.2024).

Karobliene V., Pilinkiene V. (2021). The Sharing Economy in the Framework of Sustainable Development Goals: Case of European Union Countries. Sustainability, 13(15). URL: https://doi.org/10.3390/su13158312 (дата обращения: 29.05.2024).

Kauffman RJ., Naldi M. (2020). Research directions for sharing economy issues. Electron Commer Res Appl, 43:100973. DOI: 10.1016/j.elerap.2020.100973.

Köbis N.C., Soraperra I., Shalvi S. (2021). The Consequences of Participating in the Sharing Economy: A Transparency-Based Sharing Framework. Journal of Management, 47(1), pp. 317-343. URL: https://doi.org/10.1177/0149206320967740 (дата обращения: 27.05.2024).

Leland S.M., Pinka R., Boyer R.H.W. (2023). Who shares? Participation in the sharing economy in the U.S. Journal of Urban Affairs, pp. 1-26. https://doi.org/10.1080/07352166.2023.2221438 (дата обращения: 31.05.2024).

Liang H. (2022). Sharing Economy under COVID-19: Evidence from the United States. Advances in Economics, Business and Management Research, vol. 211, pp. 2230-2235. DOI: 10.2991/aebmr.k.220307.366.

Liu C., Chan R., Wang M., Yang Z. (2020). Mapping the Sharing Economy in China. Sustainability, 12(16). DOI: 10.3390/su12166333.

Miguel C., Martos-Carrión E., Santa M. (2022). A Conceptualisation of the Sharing Economy: Towards Theoretical Meaningfulness. In: Česnuitytė, V., Klimczuk, A., Miguel, C., Avram, G. (eds) The Sharing Economy in Europe. Palgrave Macmillan, Cham, pp. 21-40. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-86897-0_2 (дата обращения: 27.05.2024).

Quattrone G., Kusek N., Capra L. (2022). A global-scale analysis of the sharing economy model – an AirBnB case study. EPJ Data Sci, 11(36) (2022). URL: https://doi.org/10.1140/epjds/s13688-022-00349-3 (дата обращения: 28.05.2024).

Sands S., Ferraro C., Campbell C., Kietzmann J., Andonopoulos V. (2020). Who shares? Profiling consumers in the sharing economy. Australasian Marketing Journal (AMJ), 28(3), pp. 22-33. DOI: 10.1016/j.ausmj.2020.06.005.

Tetrevova L., Jelinkova M., Munzarova S. (2021). Traditional and Developing Segments of the Sharing Economy from the Point of View of Customers. Journal General Track, vol. 32, no. 5. URL: https://doi.org/10.5755/j01.ee.32.5.28337 (дата обращения: 02.06.2024).

Weili L., Khan H. (2020). A literature review on the definition of sharing economy. Global Economy Journal, 20(03). DOI: 10.1142/S219456592030001X.

Zhu J., Lin N., Zhu H., Liu X. (2023). Role of sharing economy in energy transition and sustainable economic development in China. Journal of Innovation & Knowledge, vol. 8, Issue 2. URL: https://doi.org/10.1016/j.jik.2023.100314 (дата обращения: 03.06.2024).

References

Batova N.N., Tochitskaya I.E. (2020). Global Trends in the Development of the Sharing Economy (Sharing Economy). In: *Global Problems of Modernization of the National Economy: Proceedings of the 9th International Scientific and Practical Conference*; Burmistrova A.A. (Ed.). Pp. 271-278 (In Russ.).

Blinnikova A.V., Danilina O.M., Dashkov A.A. (2020). Digital Transformation and Sharing Economy. *Vestnik Universiteta* [University Bulletin]. No. 8. Pp. 48-56. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-8-48-56 (In Russ.).

Bodrunov S.D. (2020). On the Way to Noonomy: Human, Technology, Society. *Mir peremen* [The World of Transformations]. No. 2. Pp. 24-39 (In Russ.).

Valko D.V., Maltseva A.S. (2020). Sharing Economy: Portrait of the Russian Consumer. Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Journal of Economic Theory]. Vol. 17. No. 3. Pp. 643-656. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-3.10 (In Russ.).

Veretennikova A.Y., Kozinskaya K.M. (2022). Sharing Economy for Sustainable Development of Society: A Cross-Country Analysis. *Vestnik Permskogo universiteta. Seria Ekonomika* [Perm University Herald. Economy]. Vol. 17. No. 3. Pp. 271-287. DOI: 10.17072/1994-9960-2022-3-271-287 (In Russ.).

Ivanova N. I., Vlezkova V. I., Logunova Y. A. (2020). Sharing Economy in the World Economy and in Russia. *Ekonomika i upravleniye: nauchno-prakticheskiy zhurnal* [Economics and Management: Scientific and Practical Journal]. Vol. 151. No. 1. Pp. 19-22. DOI: 10.34773/EU.2020.1.4. (In Russ.).

Nesterova E. I. (2021). New Consumer Practices: The Influence of Line Technologies. In: *Global and Regional Impacts in the System of Modern Societies: A Collection of Scientific Papers*. Irkutsk: Irkutsk State University Publ. Pp. 378-382 (In Russ.).

Popov E.V., Veretennikova A.Y., Mokrushnikova A.P. (2023). The Evolutionary Development of Sharing Economy. *Journal of New Economy*, Vol. 24. No. 4. Pp. 6-21. DOI: 10.29141/2658-5081-2023-24-4-1 (In Russ.).

Pyankova S.G., Zakolyukina E.S. (2022a). "Uberization" as Part of the Digital Transport Infrastructure of the Region. *Nauchno-issledovatel'skiye publikatsii* [Scientific Research Publications]. 6, pp. 75-80 (In Russ.).

Pyankova S.G., Zakolyukina E.S. (2022b). The Smart City Model as Part of the Regional Digital Transport Infrastructure Development. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya* [Economics and Management: Problems, Solutions]. Vol. 2. No. 12. Pp. 79-87. DOI: 10.36871/ek.up-.p.r.2022. 12.02.010 (In Russ.).

Pyankova S.G., Zakolyukina E.S. (2023). Digitalization in the Context of the Socio-Economic Development of Regions and Cities. In: *Russia: Trends and Prospects of Development: The Yearbook*. 22nd National Scientific Conference with International Participation. Vol. 18. Part 2. Pp. 310-315 (In Russ.).

Semyachkov K.A., Veretennikova A. Y. (2022). Trends in the Development of the Sharing Economy: Index Analysis. *Ekonomika i upravleniye* [Economics and Management]. Vol. 28. No. 11. Pp. 1088-1099. DOI: 10.35854/1998-1627-2022-11-1088-1099 (In Russ.).

Khusyainov T.M., Urusova E.A. (2017). From Consumer Society to Sharing Economy. *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of Economy], Vol. 114. No. 6. Pp. 132-146 (In Russ.).

Chernyavskaya E.Y. (2020). Advantages and Effective Development of the Sharing Economy in Russia. *Forum* [Forum]. Vol. 19. No. 3. Pp. 61-68 (In Russ.).

Shichiyakh R.A., Tuguz N.S. (2020). Sharing Economy: Specifics, Development Trends, Benefits and Drawbacks of Implementation. *Vestnik Akademii znaniy* [Bulletin of the Academy of Knowledge]. Vol. 39. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-sheringa-spetsifika-tendentsii-razvitiya-preimuschestva-i-nedostatki-realizatsii (In Russ.).

Shpakovsky N.A., Grigoriev A.V. (2020). Economy of Shared Consumption as a Necessary Condition for the Development of the Information Society. In: *Youth in Science and Entrepreneurship: A Collection of Scientific Articles of the 9th International Forum of Young Scientists*. Pp. 168-170 (In Russ.).

Daglis T. (2022). Sharing Economy. *Encyclopedia*. Vol. 3. No. 2. Pp. 1322-1332. URL: https://doi.org/10.3390/encyclopedia2030088 (Access date: 30.05.2024).

Davies A.R. (2020). Sharing Economy. In: *International Encyclopedia of Human Geography (Second Edition)*. Elsevier. Pp. 195-198. URL: https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102295-5.10699-7 (Access date: 29.05.2024).

Gerlich M. (2023). The Rise of Collaborative Consumption in EU Member States: Exploring the Impact of Collaborative Economy Platforms on Consumer Behavior and Sustainable Consumption. *Sustainability*, Vol. 21. No. 15(21). 15491. URL: https://doi.org/10.3390/su152115491 (Access date: 02.06.2024).

Görög G. (2018). The Definitions of Sharing Economy: A Systematic Literature Review. *Management*. Vol. 13. No. 2. Pp. 175–189. DOI: 10.26493/1854-4231.13.175-189.

Gu J. (2022). Sharing Economy, Technological Innovation and Carbon Emissions: Evidence from Chinese Cities. *Journal of Innovation & Knowledge*. Vol. 7. No. 3. URL: https://doi.org/10.1016/j.jik.2022.100228 (Access date: 03.06.2024).

Haqqani A.A.H., Elomri A., Kerbache L. (2022). Sharing Economy: A Systematic Review of Definitions, Drivers, Applications, Industry status and Business models. *IFAC-PapersOnLine*. Vol. 55. No. 10. Pp. 490-495. URL: https://doi.org/10.1016/j.ifacol.2022.09.441 (Access date: 01.06.2024).

Karobliene V., Pilinkiene V. (2021). The Sharing Economy in the Framework of Sustainable Development Goals: Case of European Union Countries. *Sustainability*. Vol. 15. No. 13. URL: https://doi.org/10.3390/ su13158312 (Access date: 29.05.2024).

Kauffman R.J., Naldi M. (2020). Research directions for sharing economy issues. *Electronic Commerce Research and Applications*. Vol. 43. 100973. DOI: 10.1016/j.elerap.2020.100973.

Köbis N.C., Soraperra I., Shalvi S. (2021). The Consequences of Participating in the Sharing Economy: A Transparency-Based Sharing Framework. *Journal of Management*. Vol. 47. No. 1. Pp. 317-343. URL: https://doi.org/10.1177/ 0149206320967740 (Access date: 27.05.2024).

Leland S. M., Pinka R., Boyer R. H. W. (2023). Who Shares? Participation in the Sharing Economy in the U.S. *Journal of Urban Affairs*. Pp. 1–26. https://doi.org/10.1080/07352166.2023.2221438 (Access date: 31.05.2024).

Liang H. (2022). Sharing Economy under COVID-19: Evidence from the United States. *Advances in Economics, Business and Management Research*. Vol. 211. Pp. 2230-2235. DOI: 10.2991/aebmr.k.220307.366.

Liu C., Chan R., Wang M., Yang Z. (2020). Mapping the Sharing Economy in China. *Sustainability*. Vol. 16. No. 12. DOI: 10.3390/su12166333.

Miguel C., Martos-Carrión E., Santa M. (2022). A Conceptualisation of the Sharing Economy: Towards Theoretical Meaningfulness. In: *The Sharing Economy in Europe*. Česnuitytė V., Klimczuk A., Miguel C., Avram G. (Eds). Palgrave Macmillan, Cham. Pp. 21-40. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-86897-0_2 (Access date: 27.05.2024).

Quattrone G., Kusek N., Capra L. (2022). A Global-Scale Analysis of the Sharing Economy Model – An AirBnB Case Study. *EPJ Data Science*. No. 11. 36. URL: https://doi.org/10.1140/epjds/s13688-022-00349-3 (Access date: 28.05.2024).

Sands S., Ferraro C., Campbell C., Kietzmann J., Andonopoulos VV. (2020). Who Shares? Profiling Consumers in the Sharing Economy. *Australasian Marketing Journal (AMJ)*. Vol. 28. No. 3. Pp. 22–33. DOI: 10.1016/j.ausmj.2020.06.005.

Tetrevova L., Jelinkova M., Munzarova S. (2021). Traditional and Developing Segments of the Sharing Economy from the Point of View of Customers. *Journal General Track*. Vol. 32. No. 5. URL: https://doi.org/10.5755/j01.ee.32.5.28337 (Access date: 02.06.2024).

Weili L., Khan H. (2020). A Literature Review on the Definition of Sharing Economy. *Global Economy Journal*. Vol. 20. No. 03. DOI: 10.1142/S219456592030001X.

Zhu J., Lin N., Zhu H., Liu X. (2023). Role of Sharing Economy in Energy Transition and Sustainable Economic Development in China. *Journal of Innovation & Knowledge*. Vol. 8. No. 2. URL: https://doi.org/10.1016/j.jik.2023.100314 (Access date: 03.06.2024).

Информация об авторах

Пьянкова Светлана Григорьевна
Профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, доктор экономических наук, доцент (620144, РФ, Свердловская область, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62/45)
E-mail: silen_06@list.ru
Заколюкина Екатерина Сергеевна
Аспирант кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (620144, РФ, Свердловская область, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62/45)
E-mail: k_zako@mail.ru

Information about the authors

Svetlana G. Pyankova
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Regional, Municipal Economics and Management of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ural State Economic University» (8 March st., 62/45, Sverdlovsk region, Ekaterinburg, 620144, Russia)
E-mail: silen_06@list.ru
Ekaterina S. Zakolyukina
Postgraduate student of the Department of Regional, Municipal Economics and Management of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ural State Economic University» (8 March st., 62/45, Sverdlovsk region, Ekaterinburg, 620144, Russia)
E-mail: k_zako@mail.ru

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС ИМЕНИ А.В. БУЗГАЛИНА

16-17 мая 2024 г. на площадке экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках VI Московского академического экономического форума (МАЭФ-2024) прошел VIII Международный политэкономический конгресс, который с этого года носит имя А.В. Бузгалина. Конгресс также был приурочен к нескольким юбилейным датам кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: 220-летию с момента основания кафедры, 120-летию со дня рождения многолетнего заведующего кафедрой Николая Александровича Цаголова и 100-летию со дня рождения другого выдающегося представителя кафедры Виктора Никитича Черковца. Научному и педагогическому наследию кафедры была посвящена отдельная пленарная секция.

Организаторами Конгресса выступили Институт нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, Международный комитет Вольного экономического общества России, экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова и журнал «Вопросы политической экономии».

На основе системного и междисциплинарного подходов в рамках Конгресса состоялось продуктивное обсуждение актуальных вопросов экономической методологии, теории и практики с участием ведущих отечественных и иностранных исследователей, представителей научно-образовательной сферы. В работе конгресса приняли участие более 150 докладчиков и 400 слушателей из различных регионов России, а также зарубежных стран: Казахстана, Киргизии, Беларуси, Китая, Индии, Вьетнама, Греции, Венгрии, Канады.

Центральной темой стала проблема альтернатив социально-экономического развития России в условиях фундаментальных технологических и геоэкономических и геополитических трансформаций. Была отмечена необходимость приоритетного развития сфер человеческого потенциала, программ развития высокотехнологичных секторов экономики с активным участием государства. Кроме того, в качестве основного посыла многих докладов прозвучала идея о важности более широкого обращения к исследовательским результатам, методологии политической экономии, востребованности расширения преподавания политической экономии в вузах.

В рамках Конгресса прошла презентация книги «Мировая обстановка и китайская экономика в новую эпоху» приглашенного ключевого спикера Конгресса профессора Чен Эньфу, директора Исследовательского центра экономического и социального развития при Китайской Академии общественных наук, президента Всемирной ассоциации политической экономии (WAPE). Содержание книги отразило в себе пространство дискуссий всего мероприятия, высветив противоречия современного трансформационного этапа мировой экономики и новой роли Китая. Данная презентация стала символическим событием, знаменующим продолжение развития международных связей в академических кругах, что является одной из важнейших целей проведения Конгресса.

Видеодоклад С.Д. Бодрунова (сопредседателя МАЭФ, д.э.н., проф., чл.-корр. РАН, Президента ВЭО России, директора Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте)

https://cloud.mail.ru/public/7Mur/Szg1tSDjm

XI ЕВРОПЕЙСКО-АЗИАТСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

26-28 июня 2024 года в Екатеринбурге в Институте экономики Уро РАН состоялся XI Европейско-Азиатский симпозиум по экономической теории (EASET-2024) на тему: «Экономическая теория: поиск альтернатив развития», организованный Институтом экономики Уро РАН, Российской академией наук, Отделением общественных наук РАН, Министерством науки и высшего образования РФ.

Участники мероприятия рассмотрели широкий спектр вопросов, связанных с развитием современной экономической мысли: концептуальные основы мейнстрима и политической экономии, альтернативные направления развития теоретической экономики, механизмы взаимодействия экономических теорий в конструировании нового миропорядка, вклад экономической теории в решение проблем экспансии новых технологий, неравенства, экологической справедливости, глобализации, регионализации и полицентричного мира.

На пленарном заседании Симпозиума в качестве ключевого спикера выступил директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, член-корреспондент РАН С.Д. Бодрунов с докладом на тему «Цивилизационная развилка нашего времени и альтернативы развития».

«Человеческая цивилизация стоит перед опасной развилкой. Либо мы пойдем по пути, грозящему нарастанием цивилизационного кризиса, реализацией рисков, связанных с новейшими технологиями, обострением социальных конфликтов и социальной деградацией. Либо мы найдем возможность опереться на потенциал, заключённый в современном знаниеемком производстве, для выхода на другую траекторию гуманитарного развития», – отметил ученый.

По мнению С.Д. Бодрунова, чтобы не свернуть в цивилизационный тупик, России следует предпринять следующие шаги: провести реиндустриализацию на новейшей технологической базе, кратно расширить инвестиции в НИОКР и образование, обеспечить тесную интеграцию производства, образования и науки, сформировать стратегию, позволяющую реализовать необходимые решения, и поддержать ее воплощение со стороны институтов планирования, далее – нарабатывать долгосрочную стратегию развития на основе принципов, предлагаемых современными гуманистическими учениями, включая теорию ноономики.

В пленарном заседании Симпозиума также приняли участие Ю.Г. Лаврикова, директор Института экономики УрО РАН; Г.Б. Клейнер, заместитель научного руководителя ЦЭМИ РАН, руководитель научного направления «Мезоэкономика, микроэкономика, корпоративная экономика» ЦЭМИ РАН, член-корреспондент РАН; М.Ю. Головнин, директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН; Е.Б. Ленчук, руководитель научного направления «Экономическая политика» Института экономики РАН; Вей-Бин Чжан, доктор философии, профессор экономики Азиатско-Тихоокеанского университета Рицумейкан (Япония); Кази Сохаг, ведущий специалист Школы экономики и менеджмента Уральского федерального университета; Сарадинду Бхадури, доктор философии, профессор Центра исследований научной политики Школы социальных наук Университета Джавахарлала Неру (Индия).

В рамках симпозиума состоялся ряд сессий («Междисциплинарный синтез в развитии экономической теории: результаты и дальнейшие перспективы»; «Трансформация социально-экономических систем: ортодоксальный и гетеродоксальный подходы», «Неравенство&Справедливость: эмпирические результаты, глобализация и регионализация», «Диалог цивилизаций, мейнтсрим VS политэкономия: глобальные вызовы», «Конструирование социально-экономических механизмов нового порядка в контексте экономической теории») и четыре круглых стола («ESG-повестка для регионов и предприятий: стратегии, отчетность, финансирование», «Альтернативные теории для нового мира», «Экономическая мысль Урала: 300 лет истории», «Финансовые модели издания экономических научных журналов»).

37-Я СЕССИЯ «НООНОМИКА, МОДЕРНИЗАЦИЯ И НЕОЛИБЕРАЛИЗМ» МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА ИНИР ИМ. С.Ю. ВИТТЕ

2-3 августа 2024 г. в городе Афины (Греция) состоялась 37-я сессия Семинара ИНИР им. С.Ю. Витте. Семинар продолжил серию международных научных семинаров, проводимых на протяжении ряда лет Институтом нового индустриального развития им. С.Ю. Витте в научных центрах России, Европы, Китая.

В 37-й сессии Семинара, которая состоялась в рамках XVII Форума Всемирной ассоциации политической экономии (WAPE), приняли участие экономисты из России, Канады, Китая, Греции, Венгрии, Индии.

Директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, член-корреспондент РАН **Сергей Дмитриевич Бодрунов** открыл семинар пленарным докладом «Движение к ноономике и неолиберальный барьер технологической модернизации».

На семинаре с докладами выступили:

Чен Эньфу, *академик Китайской академии социальных наук, председатель Всемирной ассоциации политической экономии (КНР), член Международного Комитета ВЭО России*

Тема доклада: «Некоторые вопросы развития ноономики».

Окрепилов Владимир Валентинович, *научный руководитель Института проблем региональной экономики РАН, член Правления ВЭО России, академик РАН, д-р экон. наук, профессор (Россия)*

Тема доклада: «О роли экономики качества в выполнении задач, предусмотренных национальными целями развития России до 2030 года, на примере Санкт-Петербурга».

Широв Александр Александрович, *директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член Президиума ВЭО России, член Президиума МСЭ, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор (Россия)*

Тема доклада: «Роль секторов человеческого капитала в трансформации структуры экономики».

Бахтизин Альберт Рауфович, *директор Центрального экономико-математического института РАН, член Президиума ВЭО России, член Президиума МСЭ, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор (Россия)*

Тема доклада: «Контуры новой мировой экономической системы и перспективы России».

Алан Фриман, *член исследовательской группы геополитэкономии, профессор Университета Манитобы (Канада)*

Тема доклада: «За пределами экономикс».

Бодрунова Светлана Сергеевна, *заместитель директора по вопросам международного сотрудничества Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета, член Правления ВЭО России, д-р полит. наук, профессор (Россия)*

Тема доклада: «Низкое потребление новостного контента в условиях большого разнообразия медийных источников: ещё один парадокс изобилия?».

Ван Вэнь, *исполнительный декан Института финансовых исследований «Чунъян» Китайского народного университета, сопредседатель Экспертно-делового Совета ВЭО России и МСЭ по вопросам развития российско-китайского сотрудничества, профессор (КНР)*

Тема доклада: «Бедность в западной системе знаний».

Радика Десаи, *директор исследовательской группы геополитэкономии, профессор Университета Манитобы, приглашенный профессор кафедры международного развития Лондонской школы экономики, член Международного Комитета ВЭО России (Канада)*

Тема доклада: «Как геополитическая экономия и ноономика нанесут поражение экономике маркетизма».

Янь Пэнфей, *директор Института истории экономической мысли при Уханьском университете, консультант Всемирной ассоциации политической экономии (КНР)*

Тема доклада: «История экономической мысли: исследование основного вектора развития истории экономики».

Матсас-Саввас Михаил, профессор Афинского национального университета (Греция)

Тема доклада: «После краха неолиберализма: ноономика как возможность».

Дин Сяоцинь, *профессор Шанхайского финансово-экономического университета, генеральный секретарь Всемирной ассоциации политической экономии (КНР)*

Тема доклада: «Ноономика и производительная сила нового качества».

Колганов Андрей Иванович, *заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, член Президиума ВЭО России, член Президиума МСЭ, д-р экон. наук, профессор (Россия)*

Тема доклада: «Обзор разных концепций развития общества и ноономики».

Аннамария Артнер, *профессор факультета мировой экономики Университета имени М. Фридмана, старший научный сотрудник Венгерского института исследований HUN-REN (Венгрия)*

Тема доклада: «Геополитические экономические предпосылки эпохи ноономики».

Яковлева Наталья Геннадьевна, *ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, член Правления ВЭО России, д-р экон. наук (Россия)*

Тема доклада: «Человеческий потенциал в сфере теории ноономики о трансформации «человека экономического» в «человека культурного».

Шрикант Кондапалли, *декан школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру (Индия)*

Тема доклада: «Направления экономического сотрудничества Индии и Китая».

Лео Габриэль, *директор Венского института международных исследований и сотрудничества, главный редактор журнала «Другая Латинская Америка» (Австрия)*

Тема доклада: «Капитализм на грани: что дальше?».

Чен Лиу, *профессор Факультета марксизма Университета Янчжоу (Китай)*

Тема доклада: «Преимущества и всемирная значимость китайского пути модернизации».

Архипова Виолетта Валерьевна, *старший научный сотрудник Центра исследований международной макроэкономики и внешнеэкономических связей Института экономики РАН, канд. экон. наук. (Россия)*

Тема доклада: «Тема доклада: «Россия и нооинтеграция в контексте мирового социально-экономического развития: на примере БРИКС».

Синьхуа Цзянь, *профессор Школы экономики и менеджмента Уханьского университета (Китай)*

Тема доклада: «Разъяснение некоторых заблуждений относительно экономических трендов Китая».

XVII ФОРУМ ВСЕМИРНОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ (WAPE)

2-4 августа 2024 года в Афинах (Греция) состоялся XVII Форум Всемирной ассоциации политической экономии (WAPE) по теме «Политическая экономия против экономикс в турбулентном многополярном мире». В работе Форума, который прошел в Университете Пантеон (Афины), приняли участие более 200 членов Всемирной ассоциации политической экономии из Европы, Северной и Латинской Америки, КНР, России, Индии.

Подробнее о Форуме https://wapeweb.org/wape-17-forum/

На Форуме состоялись выборы в руководящие органы Ассоциации. Директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, член-корреспондент РАН **Сергей Дмитриевич Бодрунов** избран Advisor* Всемирной ассоциации политической экономии (WAPE).

** в соответствии с уставными документами Всемирной ассоциации политической экономии (WAPE) Advisor наделен полномочиями и функционалом осуществления руководства научной деятельностью Ассоциации, контроля решений структур, возглавляемых вице-президентами Ассоциации.*

В УРАЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИЗДАНО УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ «БАЗОВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ НООНОМИКИ»

В Уральском государственном экономическом университете, в рамках учебного курса «Общая теория ноономики», издано учебное пособие «Базовые положения теории ноономики».

Автор учебного пособия – С.Г. Пьянкова, д.э.н., профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, заместитель руководителя научно-образовательного центра «Ноономика».

Рецензентами издания выступили С.Д. Бодрунов, д.э.н., профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте и кафедра экономики высокотехнологичных производств Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.

При написании учебного пособия автор опирался на научные труды профессора С.Д. Бодрунова по ноономике: «Ноономика»[1], «Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика»[2] (в соавторстве с В.Л. Квинтом); «Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать»[3] (в соавторстве с С.Ю. Глазьевым), и др.

Ноономика – это новая теория, разработанная в Институте нового индустриального развития им. С.Ю. Витте профессором С.Д. Бодруновым. Теория ноономики является интегральной наукой и основана на политической экономии; теории больших систем; теории ноосферы В.И. Вернадского; классической и современной философской мысли; экономических теориях; физике, химии и других точных науках; науках о человеке: медицине, биологии; науках о социуме: социологии, языковедении; информационных системах и кибернетике; истории и вопросах цивилизационного развития; теории технологических укладов С.Ю. Глазьева; теории стратегирования в различных ипостасях, начиная от Сунь-цзы и Н. Макиавелли и заканчивая современными авторами, такими как В.Л. Квинт.

Учебное пособие «Базовые положения теории ноономики» издано в рамках учебного курса «Общая теория ноономики», который читается в Уральском государственном экономическом университете с 2020 года.

Редакция журнала «Ноономика и нообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте»

[1] Бодрунов С. Д. Ноономика: монография. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.

[2] Квинт В. Л., Бодрунов С. Д. Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика: монография. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021. – 351 с.

[3] Бодрунов С. Д., Глазьев С. Ю. Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте; М.: Центркаталог, 2023. – 340 с.

Бодрунов С.Д.

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ С.Г. ПЬЯНКОВОЙ «БАЗОВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ НООНОМИКИ»

Подготовленная к изданию рукопись соотносится с методами обучения студентов в высшей школе, а также соответствует современному состоянию науки. Материал, изложенный в рукописи, способствует формированию необходимых компетенций касательно базовых положений теории ноономики. Логика изложения материала в рецензируемом пособии соответствует заявленной теме и содержанию. Научный уровень излагаемого материала достаточно высок, в то же время приемлем для восприятия студентами. В силу актуальности освещаемых в пособии тем, данный материал может быть полезен также студентам неэкономических специальностей.

Учебное пособие представляет собой конспект лекций, в которых подробно освещены основные положения концепции ноономики. В работе подробно рассмотрены вопросы: основные положения теории ноономики, ключевой понятийный аппарат, специфика научно-технического прогресса, ноопроизводства, общества НИО.2, основные положения теории экономических циклов, потенциал и возможные риски современных технологий, НИО.2 и тенденции развития материального производства, знаниеемкость производства и знаниеинтенсивность его процессов, императивы становления ноо-общества, формируемые новые ценности в современных условиях. Также в работе детально раскрыто понятие ноопотребностей, особое внимание уделяется роли человека в условиях глобальной трансформации общества. Тематика рукописи особенно актуальна на сегодняшний день в силу стремительного развития технологий в глобальном масштабе, а также текущей нестабильной геополитической ситуации, что придает большую ценность излагаемому в пособии материалу.

Одной из особенностей рецензируемого пособия является акцент на наиболее острых вопросах современности, в том числе потенциале и возможных угрозах современных технологий. Научно-технический прогресс, набирающий обороты, кардинально меняет как жизнь общества, так и мировую политику. При этом современные технологии несут в себе не только ряд возможностей – повышение эффективности деятельности как отдельного человека, так и целых секторов экономики, рост производительности, но и новые риски, способные повлиять на уровень жизни, безопасность, специфику развития экономики.

Представленный материал позволяет ознакомиться с тенденциями трансформаций в социально-экономической сфере. Ориентир на концепцию ноономики дает возможность предвидеть и оценить горизонты общественного развития, проследить переходы от одной ступени к другой. Таким образом, пособие будет полезно не только экономистам, но и философам, социологам, представителям технических специальностей.

Материал представлен методически грамотно. Материал изложен автором в соответствии с общепринятым научным стилем, оформление работы соответствует требованиям. Материал учебного пособия включает в себя рисунки, схемы, таблицы, что существенно упрощает усвоение учебного курса. Кроме того, ценность работы повышается представлением методических указаний по выполнению контрольных и практических работ, а также тематических кейсов. Пособие дополнено глоссарием и обосновано расширенным библиографическим списком.

Безусловно, пособие не является полной презентацией фундаментальных результатов теории ноономики. В нем не затронуты такие вектора теории ноономики как так называ-

емые «квадрига ноономики» – факторы, обеспечивающие трансформацию современного общества, вопросы взаимоотношения товарных и нетоварных компонент в трудовой деятельности человека и изменение этих взаимоотношений в процессе ноопереходa, вопросы геополитэкономической оценки наблюдаемых тенденций общественных трансформаций, в частности, не представлены взгляды теории ноономики на интегральные процессы в современном мире, проблемы социализации и солидаризации общественных страт в ходе объективных процессов ноопереходa и многое другое.

Безусловно, в кратком пособии невозможно отразить весь спектр вопросов, исследуемых в теории ноономики. Однако автору удалось достаточно емко описать базовые принципы теории ноономики, что позволяет заинтересованных учащимся, получив базовые знания теории ноономики, о предмете и методе теории, заниматься дальше теми или иными аспектами теории ноономики, имплементацией ее положений в новой научной дисциплине и практических решений на их базе.

Рецензенту, как автору концепции нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и теории ноономики, хотелось бы отдельно отметить большой практический вклад автора пособия в подготовку учебного материала (как лекционных тем, так и для практических занятий) по теории ноономики.

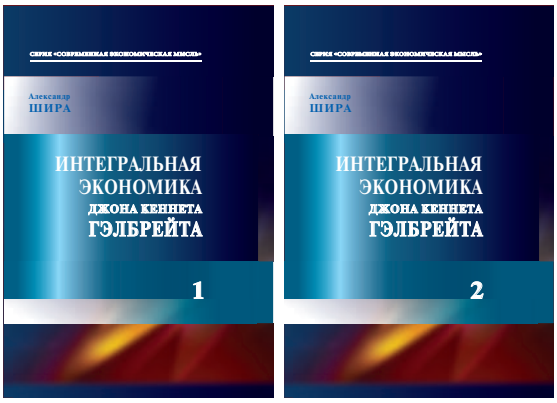
Опыт Уральского государственного экономического университета, особенно работы Центра ноономики, созданного в университете при активном участии автора пособия, профессора С.Г. Пьянковой, заслуживает всяческого поощрения и признания в научном и профессорско-преподавательском сообществе, поскольку многие методические находки, удачные педагогические решения, активное вовлечение преподавателя и студентов в работу над курсом позволили наработать важный методический материал для всех коллег, которые заняты сегодня преподаванием основ, либо элементов теории ноономики в вузах России и за рубежом (таких уже на данный момент более десятка).

Данный опыт подхвачен многими ведущими вузами России – Финансовым университетом при Правительстве РФ, Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургским государственным экономическим университетом и др.

Пользуясь случаем, рецензент выражаем благодарность за подвижническую работу в этой сфере уважаемому автору данного учебного пособия.

Рецензируемое учебное пособие полностью отвечает требованиям, предъявляемым к работам подобного типа, пособие может быть рекомендовано к изданию.

Директор Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте,
член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук, профессор
С. Д. Бодрунов



Интегральная Экономика Джона Кеннета Гэлбрейта (1933–1983)

Александр Шира
Монография: перевод с французского языка / науч. ред. издания на русском языке С.Д. Бодрунов. Том 1,2. – М.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центркаталог, 2024 (серия «Современная экономическая мысль»)

В серии «Современная экономическая мысль» Институтом нового индустриального развития им. С.Ю. Витте издана очередная книга «Интегральная Экономика Джона Кеннета Гэлбрейта (1933–1983)» в двух томах.

Данное издание – плод научно-поисковой деятельности французского социолога Александра Шира, специализирующегося на глубоком исследовании научно-публицистического творчества авторитетного американского экономиста-теоретика и практика XX века, государственного деятеля Дж.К. Гэлбрейта (1908–2006), вклад которого в мировую экономическую науку и экономическую политику неоценим.

Книга, которая представляет собой своеобразный путеводитель по интеллектуальной биографии и дипломатической карьере Дж.К. Гэлбрейта, будет полезна всем, кто интересуется научным наследием и эволюцией мысли классика институциональной экономики, размышляет и ищет альтернативные неолиберальной логике капитализма пути интегрального общественного развития.

Научное издание

НООНОМИКА И НООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 3, №2 2024 Vol 3, No.2

Noonomy and Noosociety.
Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

Выпускающие редакторы
Л. А. Мозгунова
З.Р. Хабибуллина

В журнале используются материалы Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, которые докладывались на научных семинарах и конференциях ИНИР им. С.Ю. Витте, и представляют собой концентрированную подборку публикаций по концепции нового индустриального общества второй генерации и теории ноономики, развиваемых ИНИР им. С.Ю. Витте совместно с российским и международным научным сообществом

Адрес редакции и издателя:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: +7 (812) 313-82-68, e-mail: noonomy@inir.ru

Подписано к печати 20.08.2024 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печ. л. 16,75. Усл. печ. л. 15,58.
Тираж 1000 экз. Заказ 11195/2

6+

Свободная цена

Общество с ограниченной ответственностью
«Кси-Принт», 192029, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, 36

ИНСТИТУТ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИНИР) ИМ. С.Ю. ВИТТЕ
S.Y. WITTE INSTITUTE FOR NEW INDUSTRIAL DEVELOPMENT (INID)